

МИРОВОЗРЕНЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ФИЛОСОФИИ:

**ПОЛИТИКА МЕЖДУ АПОЛОГИЕЙ И КРИТИКОЙ
(К 2300-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ АРИСТОТЕЛЯ)**

Нижний Новгород
2023

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»
Министерство образования, науки и молодежной политики Нижегородской области

**МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА
В ФИЛОСОФИИ:
ПОЛИТИКА МЕЖДУ АПОЛОГИЕЙ И КРИТИКОЙ
(К 2300-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ АРИСТОТЕЛЯ)**

Сборник статей
по материалам XVIII Международной научной конференции
18 января 2023 г.

Нижегород
ННГАСУ
2023

УДК 140.8
М 64
ББК 151.1 + 87.3

Материалы публикуются в авторской редакции

Мировоззренческая парадигма в философии: политика между апологией и критикой (к 2300-летнему юбилею Аристотеля) [Электронный ресурс]: Сборник статей по материалам XVIII Международной научной конференции (18 января 2023 г.) / Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т; редкол.: М. М. Прохоров (отв. редактор), А. Ф. Кудряшев, А. Н. Фатенков, В. С. Лапшина – Н.Новгород: ННГАСУ, 2023. – 209 с. 1 электрон. опт. диск (CD-RW).
ISBN 978-5-528-00512-6

В системе современных представлений существенно возросло значение политики и политологии. Это связано с возрастанием роли субъективного фактора в истории, что позволяет говорить о возможности выделения в системе форм мировоззрения политологического мировоззрения, уходящего в концепцию Аристотеля.

Целью конференции является исследование философских оснований многообразия политологических форм мировоззрения, их укоренённости в метафизике, системе мировоззренческих представлений, что гарантирует актуальность конференции и ее ориентацию на научный и философско-мировоззренческий подход.

ББК 151.1 + 87.3

Редакционная коллегия:

М.М. Прохоров (отв. редактор),
А.Ф. Кудряшев (зам. отв. ред.), А.Н. Фатенков (зам. отв. ред.),
В.С. Лапшина

Рецензент – д. филос. наук, профессор М.М. Прохоров

ISBN 978-5-528-00512-6

© ННГАСУ, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

- Прохоров Михаил Михайлович* Политика между апологией и критикой: от Аристотеля до современности 6
- Савинов Александр Борисович* Экологическое государство как атрибут ноосферы 24
- Фатенков Алексей Николаевич* Тоталитарный проект: шаги эволюции 28
- Кудряшев Александр Федорович* Принцип недостаточного основания в социальнофилософских учениях 33

Раздел II ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

- Арутюнян Каринэ Сергеевна* Философский подход Аристотеля на развитие теории управления 45
- Балаклеец Наталья Александровна* Концепт «политическое»: интра- и экстрафилософские импликации 48
- Берендеев Вадим Анатольевич* Роль Лео Штрауса в процессе формирования идейно-теоретических основ постмодернистской политической философии на Западе 54
- Бугаевская Наталья Валентиновна* Взгляды Аристотеля на природу коррупции и меры, образующие антикоррупционную политику государства 61
- Голубчиков Юрий Николаевич* Два мировоззрения 65
- Дуплинская Юлия Михайловна* «Кто виноват?»: традиционная тема политики между микрофизикой власти и конспирологией 71
- Егорова Татьяна Игоревна* Уголовное наказание в учении Аристотеля 77
- Ефимова Светлана Геннадьевна* Роль гуманитарных дисциплин в формировании политического мировоззрения студентов 81
- Зубкевич Лада Альбертовна, Зубкевич Анна Александровна*

Формирование антитеррористического мировоззрения в контексте мировых тенденций развития	86
<i>Ковшов Евгений Михайлович</i> Союз науки, религии и философии как основание будущего мировоззрения	91
<i>Константинов Дмитрий Владимирович</i> Совершенное государство: между счастьем и свободой	96
<i>Кочетков Игорь Иванович</i> Методологические аспекты исследования истории российской урбанизации	100
<i>Лапина Валентина Семёновна</i> Философия современного города: гуманизм, урбанизм, эвдемонизм	104
<i>Лойко Александр Иванович</i> Политическое мировоззрение экономических интересов	109
<i>Лойко Лариса Егоровна</i> Политические идеологии: контекст социальной истории	112
<i>Петев Николай Иванович</i> Трансгуманистическое государство: философский анализ	115
<i>Сарасов Евгений Александрович</i> К вопросу об определении понятия «гражданин» в учении Аристотеля	121
<i>Турсунов Фаррух Акбарович</i> К вопросу о цивилизационных и национально - культурных особенностях политики	126
<i>Федорова Жанна Викторовна</i> Ограничение медиа: политико-манипулятивный характер явления	132
<i>Шамин Игорь Валерьевич</i> Концептуальное содержание технологий ведения геополитической борьбы на межгосударственном уровне в эпоху постмодерна	136

Раздел III.

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ: ВЫСТУПЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ, МАГИСТРАНТОВ И АСПИРАНТОВ

Акулова Ангелина Юрьевна, Черняев Алексей Михайлович Нужна ли России государственная идеология? 142

Бырков Серафим Игоревич Полемика А. Бергсона и А. Эйнштейна о природе времени и международное интеллектуальное сотрудничество в Лиге Наций первых десятилетий XX века. К вопросу о нейтралитете в рациональных дискуссиях 146

Киселев Владимир Владиславович Идеология трансгуманизма 151

Колобова Светлана Викторовна Новые герои. Анатомия мужества у Аристотеля и в постмодерне 155

Комова Екатерина Борисовна, Черняев Алексей Михайлович Когнитивная война – продолжение государственной политики иными средствами 161

Лечкина Евгения Валерьевна «Think different» как характеристика современного мировоззрения 165

Матяшова Дарья Олеговна Генеалогия понятия «человеческой безопасности» в контексте расширения понятия политического 168

Мороз Елизавета Николаевна, Черняев Алексей Михайлович Абсентеизм в молодёжной среде 173

Рыбаков Артём Андреевич Власть и национальная политика в период первой пятилетки в СССР 177

Смбатян Евгения Артаковна, Черняев Алексей Михайлович О современных технологиях политического манипулирования 181

Сотников Ярослав Сергеевич Образ идеальной формы правления государства в Античности и современности 187

Суравегина Екатерина Сергеевна Механизм реализации и основные итоги экономической политики А.Н. Косыгина 192

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ 197

Раздел I
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ПРОХОРОВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

**ПОЛИТИКА МЕЖДУ АПОЛОГИЕЙ И КРИТИКОЙ:
ОТ АРИСТОТЕЛЯ ДО СОВРЕМЕННОСТИ**

Политика была одной из сфер специального анализа Аристотеля, отличительной особенностью которого было ее рассмотрение с точки зрения «оправдания», апологетики и, напротив, «критики». Апология основана на том, что, как писал Аристотель, всякое государство представляет собой общение, которое организуется ради какого-либо блага, поскольку всякая деятельность имеет в виду предполагаемое ею благо. Все общения стремятся к какому-либо благу, а к высшему благу устремлено то общение, которое является наиболее важным, обнимая собой все иные виды общения. Предельный вид общения Аристотель называет государством или политическим общением.

Первый вид общения характеризует семью, он возник для удовлетворения повседневных потребностей. Общение нескольких семей образует селение, колонию семей. Общество из нескольких селений Аристотель характеризует как вполне завершенное государство, которое существует ради достижения благой жизни, будучи следствием, продуктом естественного возникновения, в котором завершается развитие общения. Властность одних дополняется подчиненностью других. Господину подвластно небольшое число людей, домохозяину – большое число людей, а царю или государственному мужу, самое большее число. Государство, согласно Аристотелю, существует по природе, а человек есть его часть, значит, человек есть существо политическое. У Аристотеля нет анализа того, что государство, политика есть часть мирового универсума и его эволюции.

Критическое отношение к государству у Аристотеля обнаруживается в той же первой главе «Политики» при рассмотрении собственности и анализе «искусства наживать состояния». Отмечая, что образ жизни и питания людей бывает весьма различным, согласно Аристотелю, большинство людей живет благодаря земледелию и культурным растениям. Таков образ жизни тех, кто непосредственно трудится над тем, что дает природа, не прибегая для добывания средств к жизни к обмену и торговле. Аристотель указывает на кочевой и земледельческий быт, разбой, рыболовство, охоту. Есть и соединение их, например, одни соединяют кочевнический и разбойнический образы жизни, другие – земледельческий и охотничий. Люди ведут тот или иной образ жизни, какой их заставляет вести нужда.

Задаваясь вопросом тождественно ли искусство наживать состояние с наукой о домохозяйстве или же такое искусство есть часть науки о

домохозяйстве, Аристотель считает естественным средством для приобретения собственности военное искусство, признавая за часть военного искусства охоту. Разобрав теорию искусства наживать состояния, он обращается к практической стороне этой проблемы, которые связаны с определенными условиями. Самым значительным видом деятельности, имеющим своим предметом обмен, признается торговля. Наименее благородным Аристотель признает вид деятельности, где меньше всего добродетели, обозначая его термином «хрематистика». За примерами он обращается к рассказам об искусстве наживать состояния в однотипных рассказах о Фалесе Милетском и рассказе «из Сицилии».

Когда Фалеса попрекали бедностью, утверждая, что занятия философией никакой выгоды не приносят, рассказывают, что он еще до истечения зимы, предвидя на основании астрономических знаний богатый урожай оливок, раздал в задаток имевшуюся у него сумму денег всем владельцам маслобоен в Милете и на Хиосе. Законтрактовав их дешево, поскольку никто с ним не конкурировал, Фалес, когда наступило время сбора оливок и сразу многим потребовались одновременно маслобойни, собрал много денег, поскольку он отдал маслобойни на откуп на выгодных ему условиях. В результате он доказал, что философам при желании можно много денег заработать и разбогатеть безмерно, если действовать как монополист. Но не это является предметом их стремлений. Аналогичный пример содержит «рассказ из Сицилии», где некто скупил на отданные ему в рост деньги все железо на железоделательных мастерских, а затем, когда прибыли торговцы из гаваней, стал продавать железо как монополист, с надбавкой на его обычную цену.

На монополистический характер искусства наживать состояния Аристотель указывает, замечая, что и государства, и государственные мужи прибегают к такому получению «выгоды», захватывая какую-либо монополию на те или иные товары. Рассуждения Аристотеля подводят к характеристике политики как концентрированному выражению экономики, которую следует отличать от «хрематистики», которая также позволяет характеризовать политику как ее концентрированное выражение. Аристотель говорил о естественности экономики и противоестественности хрематистики как деятельности, направленной на извлечение прибыли, на накопление богатства, особенно в форме денег. В отличие от такого «искусства» вложения и накопления капитала экономика — наука об удовлетворении потребностей людей (производство для удовлетворения насущных потребностей, мелкая торговля), где деньги используются только в своем основном качестве средства обмена. Хрематистика — деятельность (например, ростовщичество, большая торговля), где накопление, получение денег, является самоцелью, ибо сами деньги выступают как богатство, теряя свое качество средства обмена. Аристотель относился к ней критически, негативно. Экономика же есть естественная хозяйственная деятельность, связанная с производством необходимых для жизни продуктов,

потребительных стоимостей, она включает и обмен, однако опять-таки лишь в рамках, нужных для удовлетворения личных потребностей. Пределы этой деятельности тоже естественны: это разумное личное потребление человека.

Термин хрематистики вышел из употребления, мы используем термин экономизм, рассуждая на уровне философских оснований экономической науки. Именно на этом уровне выясняется место экономики в общественной жизни, определяется ее связь с другими сферами общественной жизни, выявляются отношения и бытийно-онтологические характеристики как экономики, так и феномена экономизма, а также влияние последнего на экономику, цели и средства ее существования, порождения определенных эффектов в ней и в обществе. Более подробно в статьях автора¹. В направлении отделения от экономики феномена экономизма двигается А.И. Субетто, выступая с критикой «экономического разума», раскрывая его содержание как «антиразум», разума «самоуничтожения» в отличие от «истинного» разума².

Такой подход позволяет уточнить цели и смысл существования экономической сферы, аберрации под влиянием экономизма и т.д. Экономика есть хозяйственная система, обеспечивающая удовлетворение потребностей людей и общества путем создания и использования необходимых жизненных благ. В данном определении в снятом виде присутствует исходный смысл термина «экономика» Гесиода, соединившего слова «ойкос» (дом, хозяйство) и «номос» (знаю, закон) для обозначения знания, свода правил ведения домашнего хозяйства. Считается, что в научный оборот термин введен Ксенофонтом (ок. 430-355 или 354 гг. до н.э.), и Аристотелем, размышлявшем о «домохозяйстве». В термине закодированы важные смысловые представления о целях «домохозяйствования», для достижения которых оно возникло и существует, о средствах, о допустимости одних средств и недопустимости других. Аристотель не следовал принципу «все средства хороши» для достижения целей. Цели и

¹ Прохоров М.М. Общество – экономика – экономизм // Философские исследования. — 2014. - № 1. - С.113-163. DOI: 10.7256/2306-0174.2014.1. 10630. URL:http://e-notabene.ru/fr/article_10630.html. С. 113-163; Прохоров М.М. Философские основания экономики и экономизма // Философия и общество. Изд-во «Учитель», 2014, № 2(74). С. 5-18; Прохоров М.М. Мировоззренческая метаморфоза Н. В. Гоголя и социальность мышления // Философия и космология. Научно-теоретический сборник/ Международное философско-космологическое общество. Гл. ред. О.А. Базалук. Полтава: Полтавский літератор, 2014. (Украина). С. 245-257. Прохоров М.М. Экономизм как модальность бесчеловечности // Мировоззренческая парадигма в философии: Модусы и модальности практические и теоретические: Монография / Под ред. проф. М.М. Прохорова. – Нижний Новгород: НФ ФГБОУ ВПО МЭСИ, 2014. С. 188-210; Прохоров М.М. Экономизм как социальный аналог механицизма // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: «Педагогика. Психология. Философия». Электронное научное периодическое издание. № 4 (08), 2017. С. 146-158; Прохоров. Социальная политика и феномен экономизма // Вестник Нижегородской правовой академии. Научный журнал, 2018. № 15. С. 5-12; Прохоров М.М. Экономизм и пути его преодоления // Вестник Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (САФУ). Серия «Гуманитарные и социальные науки». № 4, 2018 г.

² Субетто А.И. Критика «экономического разума» / Научная монография. Санкт-Петербург–Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. С. 35-36, 103-128.

средства должны соответствовать друг другу, «благу» людей и полиса (города-государства). Именно в этом ключе у него впервые, видимо, намечается осмысление противоположности экономики, с ее благими целями и средствами, и экономизма, от них отпадающего. Экономизм, внедряясь в тело экономики и общества, приводит к разного рода абберациям, искажениям подлинного «домохозяйствования». Экономика – не вся социальная реальность, а одна из сфер общественной жизни, которая создает условия для существования и развития человека и общества. Она реализуется только частью общества, которая взаимодействует с другими сферами общества, человеческой жизнедеятельности, создавая условия для их развития. Она не может заменять собой другие сферы общества и человеческой деятельности, «проглатывая» или подминая их. Такой подход оставляет нас в границах *саморегулирующихся* систем, не переходит к *саморазвивающимся «человекообразным»* системам». По отношению к ним недостаточно зафиксировать наличие системного качества целого. Оно дополняется идеей изменения видов системной целостности по мере развития системы, учитывает «переход от одного типа саморегуляции к другому», позволяя вводить представления «о превращении возможности в действительность», «целевой причинности», направленности развития в «эволюции основных сфер Универсума – неживой природы, живой природы и общества», охватывающей все уровни организации материи³. Такая «картина мира» выступает ядром «исследовательской программы по отношению к эмпирическим и теоретическим исследованиям конкретных наук»⁴; она распространяется и на экономику. Отсюда следует, что утверждение Дж. Грея о том, что «экономическая деятельность не просто отличается от всех других проявлений общественной жизни, но, сверх того, обуславливает общество в целом, а порой и господствует над ним»⁵, лежит в русле не экономики, но экономизма, встроенного в механизмы, посредством которых мы производим и воспроизводим свою материальную жизнь. Оно предполагает трансформацию известного положения «политика является концентрированным выражением экономики» в утверждение «политика является концентрированным выражением экономизма».

В работах Маркса к понятию «производство» относится любая обеспечивающая самореализацию деятельность, будь то игра на флейте, угощение персиками, спор о Платоне, быстрый танец, произнесение речи или организация празднования дня рождения детей. «Когда Маркс говорит о сущности производства как основании человечества, он не имеет в виду, что сущность человечества состоит в набивании колбасы. Труд, как мы знаем, есть отчужденная форма того, что он называл *praxis* – слово, означавшее у античных греков вид свободной, самоорганизуемой деятельности,

³Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 179–181.

⁴Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 182.

⁵Иглтон Терри. Почему Маркс был прав. М., 2013. С. 147.

посредством которой мы преобразуем мир»⁶. Важнейшей сущностной характеристикой человека выступают его потенциальная универсальность, бесконечность и всеобщность. «Производство» есть «полная разработка потенциальных возможностей человека», «развитие всех человеческих способностей как самоцель» или развитие «без всякой установленной заранее меры»⁷. Это предполагает «соразмерность» человека всему бытию, способом существования которого являются движение (единство изменчивости и устойчивости) и развитие (единство восхождения и нисхождения, при доминировании восхождения). Именно этот способ существования мира приводит к появлению человека, в котором и через которого продолжается мировое изменение. В таком бытийном «контексте» экономика призвана создавать условия для восходящего развития человека и человечества, выполняя в общественном развитии соответствующие функции. Однако в каждый данный исторический период человек ограничен совокупностью конкретных локальных и исторических условий – природных и общественных, включая сферу экономики. Но место и роль человека задается его родовой сущностной универсальностью, всеобщностью и бесконечностью благодаря чему бытие сохраняет и осуществляет свое восхождение, «продолжаясь» в нем. Развитие жизнедеятельности человека, как общественного существа, и прогресс культуры, наследующий природное восхождение к разуму и продолжающий его в направлении все большей человечности, связан с разрешением противоречия в человеческой истории между укорененной в бытии и в его развитии потенциальной универсальности человека, с одной стороны, и актуальной ограниченности, диктуемой конкретными историческими условиями, определенной эпохой, существующей системой норм и ценностей – с другой. В эту совокупность ограничений вносит вклад и экономика. В то же время ее существование и развитие связано также с позитивной диалектикой бытия, с преодолением всевозможных границ и ограниченностей; иначе она стала бы принципиальным препятствием для развития бытия, общества, человека и человечества. При дополнении бытийных характеристик свойствами диалектики развития сохраняется возможность выявить критерий прогрессивного развития, что позволяет говорить о его доминировании над проявлениями негативной диалектики.

От этого критерия, которым следует поверять экономику и ее динамику, отказались «реформаторы» в постсоветской России, перейдя на позиции экономизма, когда заявили свое знаменитое: «Мы не можем выбирать между плохим и хорошим, мы вынуждены выбирать между плохим и еще более плохим». Оно соответствует религиозной сентенции, согласно которой не следует пытаться строить рай на земле, достаточно содействовать лишь тому, чтобы жизнь на земле окончательно не превратилась в ад. Чтобы обеспечить не ее совершенствование, развитие, но только выживание

⁶Иглтон Терри. Почему Маркс был прав. М., 2013. С. 167-168.

⁷Иглтон Терри. Почему Маркс был прав. М., 2013. С. 167

большинству людей. Так реформаторами был выбран курс «на выживание», а не на развитие страны, общества, человека как субъекта (*цели в себе, по И. Канту*) и ресурса развития страны и общества. На первый план выдвинулись интересы олигархов, к которым при выстраивании «вертикали власти» добавились чиновники.

Е. Гайдар в работе «Государство и эволюция» (СПб.: «Норма», 1997.) субъектами истории признает только бизнесменов и чиновников, которые ведут между собой борьбу по типу «господство/подчинение», тогда как остальные люди признаются «средствами производства», орудиями труда. Эта «страдательная категория» «россиян» у Е. Гайдара не считается субъектом истории, вследствие «экономизма». Далее произошло выстраивание «вертикали власти», тогда как Е. Гайдар мечтал «освободить бизнес от власти» (*сказано в подзаголовке книги*), чтобы превратить государство в ослабленное «полугосударство», чтобы всеми процессами в обществе «заведовала» знаменитая рука Адама Смита, чтобы все было «погружено» в рынок, чтобы рыночной была не только экономика, но и общество, превращаемое в общество потребления. Это означало, что общество, частью которого является экономика, и так понятая экономика меняют местами, общество, все его сферы, «погружаются» в рынок, «логос» которого явно абсолютизируется в виде руки Адама Смита. Такое экономическое устройство предполагает наличие социального неравенства между богатыми и бедными «средствами производства». Выстраивание «вертикали власти» привело к возрождению государства⁸, возобновившего ненавистное людям классовое общество, появившееся в годы гайдаровской «при(х)ватизации» и продолжающееся донныне вследствие сохраняющего свои позиции «экономизма», где труд одних повышает чужую для них прибыль и могущество «имущих» и «властвующих». Сегодня России нужна сборка субъектов прогрессивного развития, в контекст которой должна быть «помещена», для своего развития, и экономика. Экономизм – антипод такого развитию страны, и он является тормозом для экономики.

Чтобы раскрыть сущность экономизма и последствия его влияния на экономику и общество целесообразно показать его как социальный аналог механицизма, который давно обнаружил свою несоразмерность с бытием и его развитием. Механицизм «переносит» понятия механики в область физики, химии и биологии, точнее, механицизм «переносит» в механические представления понятия физики, химии и биологии, лишая соответствующие явления их специфики, которая явно выходит за границы механики; так же он обращается и с философскими категориями (причинности, взаимосвязи и т.д.), будучи не в состоянии учесть реальной диалектической сложности движения и развития материального мира и его явлений. В этом состояла «абсолютизация» законов механики, в сферу действия которых погружали все виды материального движения. Механицизм ведет к отрицанию качественного многообразия явлений в природе и обществе, к

⁸См.: Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М., 2014. С. 384.

представлению, что многообразие есть лишь субъективная иллюзия, что сложные явления правомерно «сводить» к более простым составляющим.

Выделяют «исторические формы механицизма»⁹. Первая связана с рассмотрением движения как внешнего по отношению к неизменяющейся, вечно самотождественной субстанции, являющейся носителем движения. В результате логически равноправны утверждения, что изучаемые, познаваемые объекты могут находиться, а могут и не находиться в движении. А ведь движение является способом существования бытия. Чтобы преодолеть его, прибегали к софистическим утверждениям о наделении движением материи богом, «привнося» его из сверхъестественного псевдоначала. Вторая историческая форма механицизма связана с употреблением понятия движения в «зауженном» смысле пространственного перемещения тел (механическое движение), приводя к неадекватности механистических представлений миру в его бесконечности, универсальности, неисчерпаемости. Даже когда в философии были выдвинуты утверждения о движении как атрибуте и способе существования материи (Дж. Толанд, П. Гольбах, Д. Дидро), то имелось в виду простое механическое перемещение, а не движение как изменение и взаимодействие «вообще», во всем богатстве его неисчерпаемых проявлений. Третья историческая форма механицизма связана с крайностями применения *метафизики* как метода редукции более сложных форм движения к более простым, когда игнорируется многоуровневость внутренне противоречивой природы движения и качественное своеобразие законов каждого уровня, не сводимое к законам других уровней движения.

Для механицизма характерно сведение сложного к простому, целого к сумме частей, отрицание качественно своеобразных законов у объектов с различным типом системной организации. Механицизм порожден тем, что механика была в свое время единственной наукой, получившей достаточное развитие и применение в производстве, казалась «наукой вообще». Это препятствовало формированию философских представлений о бытии как движущейся материи, приводя к путанице философии и конкретной науки: «часть», одна из форм движения материи представала в качестве того целого, в котором «расплавлялось» все сущее; она подменяла собой «материю». Любая, сколь угодно сложная и развитая форма движения материи включает в себе механическое движение, к которому и происходит ее «редукция», это ведет к утверждению о принципиальной невозможности познания ее качественной специфики. Знание, которое раскрывало бы «надмеханическое содержание», объявляется ненаучным, предполагает третирование диалектических понятий и категорий, вместо которых механицизм конструирует некие внешние силы, в которых реальные моменты, абстрагированные от движения, превращаются в самостоятельно существующие якобы субстанциальные механические «причины» движения, особые «силы». Механицизм есть проявление метафизики, метафизического

⁹Петушкова Е.В. Механицизм//Новейший философский словарь. Минск, 998. С. 421.

способа рассуждения, неспособного «сладить» с противоречиями, играющими в диалектике принципиальное значение источников движения и развития. Вопрос о таких источниках стал ключевым в истории XVI-XVIII веков¹⁰, демонстрируя путаницу философского «материализма» и «механицизма», проистекающую из гипостазирования механики как науки, в которое уже явно не вмещалась «антропо-социальная философия» мыслителей, стремившихся к усовершенствованию человеческого общества в соответствии с чаяниями тех людей, которые, как писал, например, П.А. Гольбах, «берутся за оружие, чтобы, рискуя жизнью, положить конец своим страданиям»¹¹.

Как пишет В.Н. Кузнецов, «антропо-социальная философия Гольбаха примыкала к его материалистической «философии природы», но по существу не была (вопреки видимости и утверждениям самого автора) ее логически необходимым следствием»¹². Она должна была исходить из более универсальной, философской, а не конкретно-научной категории, через которую определяется бытие. На основе обобщения данных всех наук, философский материализм интерпретирует механическое движение как «абстрактно-всеобщее условие всякого движения. В составе высших, надмеханических процессов оно оказывается «побочной формой, необходимой, но далеко недостаточной для характеристики природы этих процессов»¹³.

В социальной области механицизм вытесняется экономизмом, что соответствует переходу «от позитивизма к постмодернизму», делающему ставку на гипостазирование понятий и явлений гуманитарных, а не естественных наук. В самом общем виде экономизм характеризуется тем, что все многообразие явлений, связанных с человеком и его существованием, «погружается» внутрь экономики, как если бы экономика была не стороной, частью общества, всей общественной жизни, но самим этим «универсумом» общественной жизни, который она подменяет и «подминает» под себя – как в механицизме механическая форма движения претендовала на подмену всех иных, более сложных форм движения материи; «подминала» их под себя. Сегодня в России в экономику погружены образование, наука, искусство, медицина, управление, физическая культура, другие сферы, как если бы они были не частями общества, всей общественной жизни, к которым относится и экономика, но частями экономики, пораженной экономизмом. Сторонники экономизма нередко прячут свои взгляды и проводимый ими курс за терминами «экономика», «экономический», стремятся не отделять экономизм от экономики¹⁴.

¹⁰Кузнецов В.Н. Проблема значения понятий «материалисты» и «материализм» в новоевропейской философии XVII-XVIII веков//Историко-философский альманах: Вып. 2. М., 2007.

¹¹Гольбах П.А. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1963. С. 341.

¹²Кузнецов В.Н. Проблема значения понятий «материалисты» и «материализм»... С. 76.

¹³Потемкин А. Механицизм//Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 3. М., 1964. С. 425.

¹⁴ Радаев В.В. «Экономическая социология». М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2005. 603 с.

К. Маркс обратил внимание на экономизм, относя его к сфере «философии истории». Он выдвинул проект его преодоления. В «Тезисах о Фейербахе он писал, что все прежние «философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». В это время он в самом общем виде знал, что подлежит изменению, прояснив этот вопрос в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.», где речь идет о человеческой истории, которая в принципе к этому времени уже была описана классиками «политической экономии», охарактеризовавшими заточение человека в мире экономики, которая, будучи частью общества, подчинила своей власти его как целое. Против этого состояния и было направлено *материалистическое понимание истории* Маркса, который был уверен, что экономика есть необходимое условие жизни, ибо без экономического базиса невозможна жизнь человека, как уверен он был и в том, что цель и смысл человеческой жизни лежит совсем не в этом необходимом базисе жизни. Понимание того, что политика может быть выражением экономизма привело к выводу о необходимости уничтожения пролетариатом бюрократически-военной государственной машины как «предварительного условия всякой действительно народной революции»¹⁵ и последующего отмирания государства в эпоху диктатуры пролетариата.

Человек есть существо универсальное, соразмерное бытию и его развитию, появившемуся на уровне социума. Экономизм преодолевается ради утверждения социальности человека как универсального существа, порожденного развитием бытия, который приводит к выделению социума, общества из природы и продолжающего в этой новой форме бытия материи ее развитие; при этом восхождение побеждает нисхождение, деградацию, вырождение. Сфера экономики призвана создавать для этого необходимые условия, обеспечивая человеческие потребности людей. Но ее следует освободить от экономизма «политико-экономов», которые, подобно энтомологам, изучающим каких-либо букашек, *позитивно* относятся к обществу, в котором господствует «частный интерес», это «несчастье общества», феномен экономизма. К. Маркс цитирует Э. Бюре о том, что «промышленность стала войной, а торговля – игрой», что «положение рабочего перед лицом того, кто использует его труд, не есть положение свободного продавца», ибо «капиталист всегда волен использовать труд, рабочий же всегда вынужден его продавать», что «для того, чтобы жизнь человека была товаром, надо допустить рабство», что до сих пор промышленность находилась в состоянии завоевательной войны: «она расточала жизнь людей, образующих ее армию, целью ее было обладание богатством, а не счастье людей». Целью ее было обладание богатством, а не счастье людей».

Экономической науке К. Маркс дает *философское* обоснование. Для него философия есть, прежде всего, своего рода «зеркало» диалектики

¹⁵ Ленин В.И. Государство и революция (Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции). Политиздат. М., 1967. С. 39.

процесса развития, некоторый способ самосознания «восходящего класса». Философ приводит все познания в единство, руководствуясь определенными направляющими схемами анализа и обобщения, которые повергают на суд эпохи и мира образ действий и методы, применяемые восходящим классом. Философия, пребывающая в полной силе, никогда не выступает как нечто инертное, пассивное и уже завершённое знание. Порождаемая общественным движением, она характеризует это движение бытия и простирает свое влияние на будущее. Ее конкретное обобщение перерастает в проект будущего развития, проект изменения мира. Она предстает как метод исследования и объяснения; ее уверенность в будущем развитии воспроизводит убеждение класса, который служит ее носителем. Следовательно, любая философия является практической, даже та, что поначалу кажется сугубо «созерцательной», ибо ее «метод» есть «социальное и политическое оружие». Он указывает и на другой полюс, мышление представителей которого определяется попытками убежать от объективности в утонченную субъективность, чтобы не видеть своего будущего вырождения, ухода в небытие. Он указывает на историческую преходящность экономизма, возможность перехода в «царство свободы», которое «начинается там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства»¹⁶, хотя и не по ту сторону процесса развития бытия, мира в целом (как учит «верить» религия). Первое относительно, преходяще, второе абсолютно, непреходяще. Когда же преходящность мира гнета и нужды, господство экономизма (и технократизма) реализует себя, только тогда марксизм исторически и логически изживет себя, станет историей. К. Маркс ищет пути восстановить социальность, поставив развитие экономики под контроль людей, общества, чтобы не жить в условиях экономизма, не глядеть на все через денежные знаки, но ценить все сущее по его собственным характеристикам и критериям.

Вопреки концепции марксизма как «экономического материализма» марксизм не утверждает материальность как вечное господство экономики, пораженной и сраженной экономизмом, как это нередко утверждается. Напротив, он открывает преходящность сражаемой экономизмом экономики. Марксизм есть не утверждение экономизма, но поиск, изобретение путей его преодоления. Для этого и потребовалось постижение сущности экономики, открытие законов ее развития. А потому называть такие «экономические» интересы материальными, чтобы увековечить их, равносильно тому, чтобы отождествлять механицизм с материализмом. Экономизм загромождает бытие и развитие, как это делает и механицизм. Нужно различать и противопоставлять экономику как часть общества, сторону общественной жизни, и экономизм, как часть, стремящуюся поглотить все общество, поглотить, подмять под себя все общественные явления.

¹⁶Маркс К. Капитал// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Изд-е 2. Т. 25. Ч. II. С. 386–387.

Действительность есть единство всеобщего, особенного и единичного. Всеобщее в ней существует не иначе как через особенное и единичное, а единичное и особенное существует не иначе как единичное и особенное проявление всеобщего. Данное обстоятельство с разных сторон обнаруживают философия, утверждая диалектический взгляд на это соотношение, и наука, демонстрируя динамику восхождения от классической науки к науке неклассической и, далее, к постнеклассической науке. В механической картине мира, взятой вне этой динамики, считалось, что фундаментом мироздания являются атомы, неделимые корпускулы, из которых построены все тела – жидкие, твердые и газообразные, взаимодействующие между собой на основе принципа дальнего действия, путем мгновенной передачи сил, подчиняясь жесткой лапласовской детерминации; взаимодействуют в абсолютном пространстве с течением абсолютного времени. Такие системы называют простыми, или малыми, системами. Их свойства однозначно определяются элементами (атомами и т.п.), которые вне системы обладают теми же свойствами, что и в системе; значит, система не порождает системного качества, свидетельствующего о несводимости целого к сумме частей. Вещь, тело, корпускула суть нечто первичное к процессу как к их *силовому* взаимодействию; пространство и время рассматриваются как *внешние* к системе, а движение и взаимодействие не сказываются на характеристиках пространства и времени. На основе такой «онтологической схемы» рассматривали электродинамическую картину, хотя уже обнаружилась неадекватность ее более сложным типам системной организации объектов. Пересмотр в физике был связан с разработкой квантово-релятивистской физики, когда обнаружился корпускулярно-волновой дуализм микрообъектов. Квантово-механическое описание многочастичных объектов открыло *кооперативный* эффект: совместное действие частиц демонстрировало свойства, не присущие отдельно взятым частицам (сверхпроводимость, сверхтекучесть, когерентное электромагнитное излучение), прежнее представление о причинности потребовало дополнения *вероятностной* причинностью. В специальной теории относительности А. Эйнштейна были элиминированы представления об абсолютности пространства и времени, появилась идея различения внутреннего и внешнего пространства физических систем. Еще большие изменения были связаны с биологией, где дали о себе знать системные качества целого, нередуцируемые к свойствам образующих его элементов, тогда же утвердилась идея несводимости целого к простой, аддитивной сумме частей. Изменялись представления о причинности, возникли представления о *циклической* причинности. Вещь стала пониматься как процессуальная система, которая самовоспроизводится в результате взаимодействия со средой на основе *саморегуляции*. Радикальному переосмыслению подверглись категории части и целого, их соотношение; вхождение частей в систему: их свойства определяются характером ее целостности. Если в рамках механистической картины мир уподобляли

часам, механическому устройству, то в неклассической науке при освоении сложных систем в технике и с развитием кибернетики в середине XX века мир стали уподоблять *организму*, рассматривая его как *процесс*, исключая «мертвое равновесие» и «предопределенность «наперед» установленной гармонией» в духе Г. Лейбница¹⁷. Мир объектов стал восприниматься на основе онтологии сложных саморегулирующихся систем¹⁸.

Этот пересмотр онтологии системности объектов науки продолжился с появлением *постнеклассической* науки, что определялось еще большей сложностью систем, которые характеризуются, во-первых, уже не только как саморегулирующиеся *саморазвивающиеся*, во-вторых, но как «человекообразные» системы, поскольку они включают в свой состав людей, субъектов, преследующих свои собственные цели, для реализации которых они подбирают те или иные средства их достижения. Общим для классики и неклассики является то, что ни классическая, ни неклассическая рациональность не выводят нас в область человеческой деятельности, которая имеет специальной целью *переделку* действительности, что отличает их от *постнеклассической* науки, изучающей сверхсложные системы с участием человека как их целеполагающего начала. Только здесь можно вести речь о *предумышленном* изменении онтологии объекта человеком взамен «созерцающего сознания», ибо «само человеческое действие не является чем-то внешним», а «включается в систему, видоизменяя каждый раз поле ее возможных состояний»¹⁹.

Обнаруживаются противоположные *типы* редукционизма. С одной стороны, неправилен традиционный редукционизм, когда сложные системы сводятся к простым, механическим, с другой стороны, неоправданно рассматривать простые системы по идеалам и образцам сложных систем как всегда включенные в сложные, с отрицанием их самостоятельного существования. Переход науки на ступень постнеклассики предполагает возникновение идеи эволюции основных сфер Универсума – неживой природы, живой природы и общества. Эти идеи «универсального эволюционизма» «составляют концептуальное ядро современной научной картины мира», начинающей функционировать «в качестве исследовательской программы», получая свою конкретизацию, например, в виде синергетики²⁰. Они далеко выходят за пределы и механицизма, и экономизма. Ведь нужно учитывать, что свойства экономики, как подсистемы общества, обусловлены обществом, состоящим не только из экономики. «При изучении «человекообразных» объектов, – пишет В.С. Степин, – поиск истины оказывается связанным с определением стратегии и

¹⁷Винер Н. Я – математик. М., 1964. С. 314.

¹⁸Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 172.

¹⁹Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография/отв. ред. Л.П. Киященко и В.С. Степин. СПб., 2009. С. 283.

²⁰Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 181, 166, 183.

возможных направлений преобразования такого объекта, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности», «объективно истинное объяснение и описание применительно к «человекообразным» объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений», как и решение «проблем этического характера, определяя границы возможного вмешательства»²¹. Нормы и идеалы постнеклассической науки позволяют преодолеть изображение частного, экономического процесса, ставшего универсальным в духе экономизма, открыть возможность представления экономики как частного проявления всеобщего развития бытия и общества.

Уж если материя, еще лишенная разума, не обретшая его, все же смогла обеспечить приоритет восхождения над нисхождением, преодолев механицизм, на который ее обрекали сторонники механицизма, то для разумной материи, представленной противниками экономизма, обеспечение такого приоритета следует признать идеалом и нормой в его преодолении. Неправомерно отождествлять «экономизм» (как и «механицизм») с «материализмом». Отчуждение коренится в абсолютизации экономики (части общества над всем обществом), основанной на господстве частной собственности. Такая абсолютизация противоречит позиции материализма и диалектики, которые вместо того, чтобы «помещать» человека в пещеру экономизма, признают его соразмерным всему бытию и его развитию, обусловившими его возникновение: их существование человек пролонгирует своей социальной деятельностью и мышлением.

Согласно К. Марксу, если рабовладение и феодализм все еще сохраняли «идиллические отношения» между людьми, то капитализм в своем принципе «не оставил между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». При капитализме все стало «меновою стоимостью»: «личное достоинство человека, профессионализм врача, юриста, вдохновение поэта, человека науки и т.д., и т.п. Даже семейные отношения сведены к «чисто денежным отношениям». Фактически здесь речь идет уже об «экономизме», при котором человек на все смотрит через денежные знаки: доллар, евро, рубль и т.д., и этот взгляд вступает в противоречие с необходимостью рассматривать мир таким, каков он есть сам по себе, «без всяких посторонних прибавлений»²², поскольку он вступает и в противоречие с диалектикой, требующей учитывать развитие явлений как присущее им самим саморазвитие. Экономика как способ организации и состояние «хозяйства» перестает «поглощать» все прочие общественные явления, они обретают независимость от хозяйства, поскольку «в норме» оно начинает выполнять свою роль по обеспечению общества своими продуктами. К. Маркс писал, что капитал рано или поздно подводит к

²¹Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения. С. 285-286; о том же писал П.В. Копнин: Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974. С. 43-46.

²²Маркс К., Энгельс Ф. Т. 14. С 651-652, Примечание.

ступени, на которой падает принуждение и монополизация общественного развития (включая сюда его материальные и интеллектуальные выгоды) одной части общества за счет другой», а эта ступень «создает материальные средства и зародыши для отношений, которые при более высокой форме общества дадут возможность соединить прибавочный продукт с более значительным ограничением времени, посвященного материальному труду, ибо действительное богатство общества и возможность постоянного расширения процесса его воспроизводства зависит не от продолжительности прибавочного труда, а от его производительности и от большей или меньшей обеспеченности тех условий производства, при которых совершается «труд». Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот обмен веществ с природой, ставят его под общественный контроль, вместо того, чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости (со временем человек уходит из этой сферы, которая начинает осуществляться техническими средствами, наделенными искусственным разумом и реализующими функции создания потребных для людей благ, которые до того творились при непосредственном участии человека в процессе производства; теперь человек становится «рядом» с производством, которое осуществляется автоматами с участием – IT-техники; это качественное изменение совпадает с построением коммунизма²³ – М.П.). По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости как на своем базисе»²⁴.

Развитие человеческих сил становится самоцелью, обеспечиваемой экономикой. Поэтому сокращение «рабочего дня» людей в сфере «хозяйства» К. Маркс считал «основным условием» выхода за пределы царства

²³Платонов С. После коммунизма: Кн., не предназначенная для печати. 2-ое изд.; Второе пришествие: Беседы. М., 1991.

²⁴Маркс К. Критика политической экономии. Т. 3. Кн. 3//Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9. Т. Ч. 1. М., 1988. С. 348-349.

необходимости. Своим социально-экономическим анализом капитализма он показал, что сам капитализм подводит человечество к ступени, которая преодолевает «экономизм», открывая двери к универсальной деятельности за границами «экономической необходимости», если экономика начинает нормально обслуживать потребности людей, а люди могут в таком случае занимать себя другими формами деятельности.

Человекообразные системы «проблемны», поскольку в общем случае человек не есть ученый. В ходе производимых им изменений действительности человек может опираться не только на истинные или ложные знания, которые все еще остаются субъективным образом объективного мира, но и на представления, выходящие за границы истины, лжи и заблуждения, человек, например, может руководствоваться религиозными верованиями. Входящие в человекообразные системы люди выдвигают цели, вырабатывают стратегии их достижения, опираясь на разные мировоззренческие представления и проистекающие из них средства и методы. Всякое человеческое представление, если оно действенно, принадлежит не только человеческой голове субъекта, но в(ы)ходит в объективное существование, становясь достоянием человекообразной системы, а неоднозначность детерминирует возможность существенно различных последствий в зависимости от указанной модальности. «Проблемность» человекообразных систем имеет и другую модальность: с одной стороны, процессы в них можно рассматривать как сконструированные человеческой деятельностью, с другой стороны, можно рассматривать эти же процессы как естественные, как выражающие сущностные особенности развивающегося объекта, как выражение ее природы. С системами такой модальности нельзя экспериментировать произвольно. В процессе их исследования и практического освоения особую роль начинает играть знание запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие в себе катастрофические последствия. Тем самым этика становится внутренним достоянием таких систем, стимулирует поиск истины, тогда как отступление от гуманистической ориентации, напротив, уводит от поиска истины.

Сегодня экономизм является основанием для контрреволюционного переворота в философии постсоветской России. Так, проф. В.П. Океанский считает, что он создает «новую науку», когда историю развития человечества в эпоху Нового времени «переименовывает» в историю деградации, вырождения, приведшего его к кризису. Преодоление этого «кризиса», вызванного отрицающим религию нововременным «секуляризмом», видится ему в возврате к религиозному взгляду: Бог как *сверхъестественный* Мастер, Механик создал и запустил механизм земного мира. Де в эпоху Нового времени люди освободили себя от религиозной схоластики и сделали ставку на бурный прогресс науки, техники и производства. Этот «секуляризм» и стал причиной «кризиса». Чтобы исправить ситуацию он называет развитие в эпохи Возрождения и Нового времени деградацией, вырождением, тогда как

преодоление кризисного состояния видит в возврате к вере в Бога. Даже без доказательств его существования, как пишет В.А. Кутырев²⁵. Ведь если человек верит в Бога, то *независимо от того, есть ли Бог*, он будет действовать так, как *если бы Бог существовал*. Как Механик, создавший и контролирующий механизм земной жизни. Такая религия коррелирует с неомеханицизмом, отчуждая себя и от материализма, и от диалектики, в духе экономизма. Согласно В.П. Океанскому, возникает «богословие культуры» с «онтологизацией религии», «съедающей» объективность мироздания, которая изображается как «коррелят субъективности сознания»²⁶. Этот контрреволюционный переворот все шире внедряется в диссертации аспирантов, выполняющих свои работы под руководством таких научных руководителей. В качестве примеров укажу на авторефераты диссертаций, выполненные под руководством В.П. Океанского и В.В. Варавы²⁷. Они возрождают религиозное, сакральное постсекулярное мировоззрение, предельно консервативное, провозглашаемое в качестве ведущей силы общественной эволюции, правда, в напряженном сосуществовании, в противостоянии с «секулярным», как пишет, например, Д.Г. Лепешкин. Что касается философии В.И. Ленина, то она характеризуется ими как философское мировоззрение классового врага, взгляды которого навязываются всем гражданам государства.

Прошедший марксистскую школу Н.А. Бердяев также указывал, что человечество все еще живет в «экономическом веке»²⁸. Он возражал против того, что экономика «всегда есть средство, а не цель». Не может быть технической или экономической цели жизни, «цели жизни всегда лежат в другой области». За участие в промарксистском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» Н.А. Бердяев был сослан в Вологду. Эти события повлияли на него так, что он отошел от марксизма. Ф. Энгельс когда-то писал о том, что великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии есть вопрос об отношении мышления к бытию, который мог быть поставлен со всей резкостью и приобрести свое значение лишь после того, как население Европы пробудилось от зимней спячки христианского средневековья, где этот вопрос, вопреки церкви приобрел более острую форму: создан ли мир богом или он существует от века? Это

²⁵ Кутырев В.А. Естественное и искусственное: борьба миров». – Н. Новгород: Издательство «Нижний Новгород», 1994. С. 196.

²⁶ Океанский В.П., Океанская Ж.Л. Наука о культуре: теория и история (метафизика и персонология). – Иваново, Шуя: Центр кризисологических исследований ГОУ ВПО «ШПГУ», 2011. С. 7-14.

²⁷ Лепешкин Д.Г. Постсекуляризм как феномен культуры (диалектика старого и нового). Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. кандидата культурологии. Иваново, 2022; Ляхов А.В. Этическая диалектика традиций и инноваций в отечественной духовной культуре (Этико-философский анализ). Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. кандидата филос. н. Иваново, 2022; Джапаров А.И. Взаимоотношение веры и разума как проблема отечественной нравственной философии. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. кандидата филос. н. Иваново, 2022.

²⁸ Бердяев Н.А. Человек и машина. Проблема социологии и метафизики техники//Вопросы философии. № 2. 1989. С. 148.

привело к революции в философии, сделавшей ставку на диалектику и материализм. Философы разделились на два больших лагеря, на материалистов и идеалистов.

Постсекуляризм предполагает Новое Средневековое, второе по сравнению с известным Средневековьем²⁹, в рамках которого происходит возврат к религиозной философии, где философия вновь оказывается на службе у религии. Новое средневековье представляет собой стадию сохранения религиозной философии уже *после* «секуляризма». Соответствующие идеи разворачиваются на периферии капитализма. Новое религиозное сознание, служанкой которого оказывается философия, позволяет отрицательно относиться и к капитализму, и к социализму, рассматривая их как различные формы кризисного состояния общества, в котором доминирует «экономизм». Именно такой подход к истории демонстрирует Н.А. Бердяев, размышляя о судьбе России и Европы в работе «Новое Средневековье», выражая веру в то, что именно возврат к религиозной позиции обеспечит преодоление кризиса истории нового времени, а в философии позволит раскрыть «более глубокий» онтологический смысл ее понятий, переосмыслив «прогрессивность» как религиозность и «реакционность» как секуляризм³⁰. «Бог должен вновь стать центром всей нашей жизни, нашей мысли, нашего чувства, единственной мечтой нашей, единственной нашей надеждой и упованием», свобода же есть «распря с миром, а не с Богом»³¹. Термин «новое средневековье» приобретает вполне определенное значение, выражая не революционный, как у Ф. Энгельса, но «пореволюционный» переворот в философии. «Духу принадлежит примат над политикой»³².

Как противник социализма Н.А. Бердяев пишет, что с социализмом нельзя бороться «буржуазными» идеями и нельзя противопоставлять ему капиталистическое и буржуазно-демократическое общество XIX и XX веков. Буржуазное общество и породило социализм, и довело до него. Социализм есть плоть от плоти и кровь от крови капитализма. Они стоят на одной и той же почве, одно и то же отрицание духа, как субстанции мира, движет ими. Экономизм цивилизации, извративший иерархический строй общества, и породил экономический материализм, отразивший самую действительность XIX, где духовная жизнь была только надстройкой, отражением, приспособлением. Поклонение Мамоне вместо Бога одинаково свойственно и капитализму, и социализму. Социализм есть суровое напоминание для христианских народов, что они не исполнили завет Христа. Злая природа создает социализм. Отступничество от христианства, измена духовным основам и духовным целям жизни должны вслед за стадией капитализма привести к стадии социализма. Нужно подчинить экономику духу, ввести

²⁹ Бердяев Н.А. Новое Средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М., Феникс-ХДС-пресс.1991. 81 с.

³⁰ Бердяев Н.А. Новое Средневековье. С. 9.

³¹ Бердяев Н.А. Новое Средневековье. С. 25.

³² Бердяев Н.А. Новое Средневековье. С. 45.

политику в подобающие ей границы. Экономическое равенство не цель жизни и не содержание жизни. Они померкли раньше, еще в экономизме буржуазной цивилизации XIX века. Их можно искать только в духовной действительности, лишь в духовной культуре. Они не могут быть социальными, их нельзя полагать в политических и экономических формах. Содержание жизни есть вхождение в Божью жизнь. Суверенитет принадлежит не народу, не пролетариату, а Богу, т.е. самой Истине, самой Правде. Я, пишет Н.А. Бердяев, не признаю суверенитет народа³³.

Мы переживаем мировой кризис всех социально-политических идеологий и форм; европейские общества вступают в эпоху, схожую с ранним средневековьем³⁴. Политика обвила человеческую жизнь как паразитарное образование, высасывающее у нее кровь³⁵. Нужно объединение и братство людей во Христе, а не в антихристе социализма. Он сравнивает социализм и фашизм, который то же был революцией, совершенной молодыми людьми, прошедшими школу войны, полными энергии и жажды преобладания в жизни, якобы имеющими сходство с советскими молодыми людьми, энергия которых приняла не разрушительный, а созидательный характер. Старые государства рушатся. Новая история кончается. И мы подходим к эпохе, аналогичной раннему средневековию³⁶. Но она направлена против начал новой истории, начнется новая эпоха в христианстве, Церковь будет освобождена от власти государства. Все старые политические формы, будь то монархия или демократия, отжили свое время и сами по себе не имеют цены. Европейский буржуа перед лицом Божиим не лучше, чем русский коммунист. Тем более, что в России образовался новый слой, не социальный, а антропологический слой биологически сильнейших людей, выдвинувшихся в первые ряды жизни, который приспособился к коммунизму. В большинстве случаев это наглый и беззастенчивый молодой человек, который заседает на ответственных советских местах, этот новый русский господин жизни, интернациональный по своему типу, предъявит спрос на техническую цивилизацию. В России как бы происходит разделение на два царства. Освобождение пошлет Бог. Христианство должно вновь завоевать мир.

В Заключение отмечу, что многие из этих «постсекулярных» высказываний соответствуют идеям представителей истеблишмента постсоветской России, издавна критиковавших социалистическое общество, якобы всегда оборачивающегося кризисом, а в последнее время характеризующего таким же образом не только современную стадию загнивающего и умирающего капитализма, но весь капитализм, включая прогрессивную стадию его развития, без их разграничения.

³³ Бердяев Н.А. Новое Средневековье. С. 45.

³⁴ Бердяев Н.А. Новое Средневековье. С. 73-76, 78-79.

³⁵ Бердяев Н.А. Новое Средневековье. С. 81.

³⁶ Бердяев Н.А. Новое Средневековье. С. 47.

САВИНОВ А.Б.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК АТТРИБУТ НООСФЕРЫ

Существование нашей цивилизации возможно лишь при сохранении необходимых экологических условий, которые позволят людям длительно жить на Земле. Эту возможность открывает не позиция противостояния человечества и природы, а их коэволюция [8, с. 30]. Если эта эволюционная идея будет воспринята элитами государств, то они должны использовать экологически безопасные стратегии на национальном и глобальном уровнях [13, с. 149].

Важнейшую роль в осуществлении таких стратегий принадлежит государству, которое может рассматриваться как система особых органов, основной задачей которых является управление общественными процессами с целью сохранения целостности общества и обеспечения его устойчивого развития. В свою очередь государственное управление обществом осуществляется совокупностью взаимосвязанных элементов аппарата управления [1, с. 52]. Это управление осуществляется на основе прямых и обратных связей между иерархически более высокими элементами и подчиненными им структурами государственного аппарата, с одной стороны, прямых связей от государства к обществу и обратных связей между обществом и государством – с другой стороны. Действие всех этих связей обязательно; их негативная трансформация или нарушение ведут к пагубным тенденциям развития государства.

Для ноосферного развития цивилизации (в смысле идей В.И. Вернадского) государство должно максимально экологически ориентировать все свои управленческие решения и экологизировать все области деятельности общества. Полагают, что такой вектор развития возможен при формировании экологического государства [2, с.121; 3, с. 33; 16, с.102], то есть государства, основанного на идеологии эгоцентризма в противовес антропоцентризму, продолжающему доминировать.

Антропоцентризм по существу предписывает человеку по своему усмотрению неограниченно преобразовывать природу в своих интересах, это мировоззрение опрометчиво отражает превосходство человека над природой вследствие наличия у него разума (индивидуального и коллективного), из-за чего были порождены во многом порочные мыслительно-практические принципы эгоцентричного характера [6, с. 5]: 1) прагматизм, при котором цель человека оправдывает средства, применяемые для изучения и освоения природы; 2) инструментализм как методология решения главной задачи науки и общества – взять все у природы ради человеческих потребностей; 3) односторонность подходов, при которой в системе «человек–природа» главным всегда рассматривается первый элемент; 4) бесконечное

потребительство как иррациональное изъятие ресурсов планеты без надлежащей компенсации урона природной среде.

Экоцентризм в противовес антропоцентризму предполагает коэволюцию физического, биологического и социального миров, являясь мировоззрением, согласно которому признание самоценности природы требует, чтобы люди вышли за пределы чисто человеческой точки зрения на природу и отказались от стремления господствовать над ней [6, с. 10; 18, с. 22]. В основе экоцентризма лежат достижения неклассической и постнеклассической науки, в том числе важный принцип новой рациональности, указывающий на необходимость поиска оптимального направления коэволюции человечества и природы. Экоцентризм является основой экофилософии, одной из главных задач которой стало исследование концептуальных ресурсов, которые помогают утвердить качественно новые представления о природе и человеке [18, с. 22].

Исходя из ноосферной концепции В.И. Вернадского, учитывая и корректируя мнения и трактовки исследователей [6, с. 11; 10, с. 292; 15, с. 543], а также используя авторские разработки [12, с. 166; 13, с. 155; 14, с. 136], представляется, что идеологической основой экологического государства экоцентризм должен стать вследствие того, что благодаря ему: 1) высшей ценностью и важнейшей целью деятельности людей считается коэволюция, то есть сопряженное, максимально гармонизированное, эволюционно длительное развитие Человека и Природы; 2) заложен принцип самоограничения удовлетворения потребностей человека и максимального сохранения природных экосистем как самоценных; 3) ставится задача формирования ценностей экологической цивилизации в смысле экофилософии, экологического императива, 4) формулируется проблема новых экологически ориентированных систем управления национального и глобального уровней; 5) задается ноосферная стратегия В.И. Вернадского перехода цивилизации на автотрофный путь развития путем использования неистощимых и экологически безопасных источников энергии (солнечной, ветровой, энергии приливов и отливов и т.д.); 6) формулируется и решается задача встраивания всех техногенных потоков вещества в природные круговороты.

Таким образом, на пути к ноосферной эволюции, создания экологических государств человечеству в первую очередь необходимо рациональное мировоззрение, формирующееся на естественно-научной основе. Полагают, что важную роль в этом отношении должна сыграть рациональная экологическая философия как органическая составляющая цивилизационного сознания, интегрирующая «в глобальном экологическом синтезе космос и историю, природу и цивилизацию, органические и культурные целостности» [10, с. 291].

Полагают, что мировая экологическая цивилизация возможна в форме кооперации суверенных экологических государств с классическим пониманием права, в которых позитивное право как система

общеобязательных норм формируется на основе синтеза морально-нравственных суждений, представлений о солидарности, справедливости и культурной идентичности [11, с. 147]. Однако ситуация осложняется тем, что известны существенные различия в ценностных ориентирах людей разных национальностей [9, с. 28; 7, с. 50]. Так, например, для населения стран Скандинавского региона характерно бережное отношение к окружающей среде, а в большинстве стран Восточной Азии наблюдается преимущественно утилитарное отношение к природе, что, в частности обуславливает высокие уровни загрязнения атмосферы и многих водоемов [4, с. 62; 5, с. 194].

Такие различия в ценностных ориентирах создают проблему выбора общего международного ценностного «кодекса»: требуется либо ориентация мирового сообщества на одну из систем национальных ценностей, либо следует создавать общую систему ценностей, включая в нее наиболее предпочтительные ценности разных национальных систем. Последнее представляется более рациональным. И в этом случае в единую международную систему ценностей в качестве главной должна быть включена ценность «природа» [13, с. 143], понимаемая как ориентация на стратегию экоцентризма, предполагающую максимально возможное сохранение природных экосистем при ограничении и постепенном сокращении антропогенных территорий, использования максимально ресурсосберегающих, энергосберегающих технологий, а также технологий, близким к безотходным, бережного отношения к природе со стороны населения в глобальном масштабе и стремления людей к здоровому образу жизни.

На это и на формирование у людей мировоззрения в аспекте экоцентризма должны быть ориентированы и стимулируемы национальные системы образования, просвещения и воспитания, пропаганда в различных средствах массовой информации. Вместе с этим объединяющей международное сообщество должна стать и единая стратегия познания и сохранения необходимой для жизни людей земной и космической среды (особенно ближнего космоса) [13, с. 143]. Вследствие этого должна быть разработана международная стратегия экологической безопасности, включающая международные программы прогнозирования и предотвращения чрезвычайных ситуаций на планете и в ближнем космосе.

Все это потребует значительных преобразований систем национального управления на государственном уровне [17, с. 3]. Такие преобразования, необходимые для создания экологических государств, несомненно, должны происходить в русле демократического развития, когда «субъектом контроля выступает как государство, так и гражданское общество, а средством – система «сдержек и противовесов», при этом «роль одного из противовесов выполняет Парламент как законодательный орган государства и представительный – гражданского общества» [9, с. 34].

На межгосударственном уровне стратегия эгоцентризма делает ещё более актуальной проблему создания Мирового правительства, Мирового парламента, Глобальной правовой системы [15, с. 549], которые, как представляется, и будут призваны кооперировать экологические государства в экологическую цивилизацию.

Список использованной литературы:

1. Байнова М.С. Понятие государства и системы государственного управления // Материалы Афанасьевских чтений. 2016. № 1 (14). С. 49-55.
2. Боголюбов С.А. Реализация экологической политики посредством права. М.: ИНФРА-М, 2015. 320 с.
3. Борисов Н.А., Волков В.А. Понятие экологического государства в контексте формирования политической экологии // Управленческое консультирование. 2014. № 2 (62). С. 27-35.
4. Вебер А.Б. Экология и общественное сознание: трудный путь к устойчивому развитию // Век глобализации. 2017. № 3 (23). С. 61-76.
5. Гудим М., Гудим Ю. Зеленая экономика и качество жизни в скандинавских странах // Культура и экология – основы устойчивого развития России. Ч. 1. Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 192-199.
6. Кишкин Н.В., Нехамкин В.А. Понятие "эгоцентризм": научно-философское содержание // Гуманитарный вестник. 2017. № 8 (58). С. 1-17.
7. Кульпин Э. С. Становление системы основных ценностей российской цивилизации // История и современность. 2008. № 1. С. 49-75.
8. Лисеев И.К. Природа в современном философском дискурсе // Философия природы сегодня. М.: Канон+, 2009. С. 29-42.
9. Новиков В. Т., Кандричин Н. А. Феномен глобализации и ценностные приоритеты человека восточнославянской цивилизации // Философия и социальные науки. 2007. № 3. С. 27-35.
10. Посадский А.В., Посадский С.В. Экологическая цивилизация и права человека // Закон. Право. Государство. 2020. № 3 (27). С. 286-294.
11. Посадский А.В., Посадский С.В. Естественно-правовой фундамент экологической цивилизации // Закон. Право. Государство. 2020. № 4-1 (28). С. 145-149.
12. Савинов А.Б. На пути к философии и стратегии глобального развития: проблемы и постулаты // Биокосмология. № 1. Т. 3. 2013. С. 147-165.
13. Савинов А.Б. Универсальный эволюционизм как основа стратегий национального и глобального развития // Эволюция: мегаистория и глобальная эволюция. Волгоград: Учитель. Вып. 7. 2015. С. 142-158.
14. Савинов А.Б. Антропогенное развитие биосферы: желаемое и действительное // Эволюция: паттерны эволюции. Вып. 9. Волгоград: Учитель. 2018. С. 125-138.
15. Чумаков А.Н. Глобальный мир: проблема управления // Универсальная и глобальная история. Волгоград: Учитель, 2012. С. 543-554.

16. Câmara A. S. Ecological state and ecocentrism: introductory parameters for sustainability according to Klaus Bosselmann // Revista de Direito Econômico e Socioambiental. 2017. V. 8, № 2, P. 92-113.

17. Fang Z. E-government in digital era: concept, practice, and development // Int. J. Comp. Internet & Management. 2002. V. 10. № 2. P. 1-22.

18. Griffin J. On the origin of beauty: ecophilosophy in the light of traditional wisdom. Bloomington: World Wisdom Inc., 2011. 385 p.

ФАТЕНКОВ А.Н.

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ТОТАЛИТАРНЫЙ ПРОЕКТ: ШАГИ ЭВОЛЮЦИИ

Основу данного текста составляет фрагмент работы автора, опубликованной в 2022 году в журнале «Век глобализации» (см.: [8]).

Отправной пункт рассуждений таков. Тоталитарный проект возникает и реализуется в массовых обществах, со свойственной им атомизацией индивидов, при определённом уровне развития науки и техники. Декларируемая цель проекта – устранение хаоса и установление нового порядка – неплохо маскирует цель непроговариваемую: стереть границу между хаосом и порядком, между подлинным и мнимым единством, создавая тем самым условия для абсолютной (уже буквально) власти «избранных».

Имеет смысл различать *тоталитаризм* (тоталитарное общество, государство, строй, режим) и *тоталитарность*, выступающую его сущностью и его завершённым состоянием. У них одна, указанная выше, цель и один набор средств (приёмов, орудий, инструментов) для её достижения; различие между ними – в компоновке инструментария и в его контекстуальном ранжировании.

Из антиутопий (Евгений Замятин, Олдос Хаксли, Джордж Оруэлл), повествований признательных и разоблачительных (Артур Кёстлер, Николай Нароков), из фундаментального теоретического труда Ханны Арендт, наконец, можно вывести основные характеристики тоталитарного проекта. Таковых пять, и все они, увы, достаточно надёжно верифицируются исторической эмпирией. 1. Сплошной контроль за гражданами, включая интимную сферу их жизни. 2. Массовые репрессии вплоть до физического уничтожения лиц, напрямую политикой не занимающихся. 3. Подмена основополагающих человеческих ценностей эрзац-продуктом при обязательном добровольно-принудительном принятии подданными подобной подмены. 4. Сведение многогранных, экзистенциально легированных смыслов к директивной однозначности, заменяемой, если так решат «избранные», другой директивной однозначностью. 5. Исчисляемость всего и вся, редукция буквы к цифре, понимания – к калькуляции.

Террор и геноцид в качестве средств утверждения и демонстрации абсолютной власти ставятся в тоталитарных экспериментах во главу угла до тех пор, пока отсутствует техническая возможность осуществлять всеохватывающий и всепронизывающий контроль. При достижении такой возможности, сегодня уже наличествующей, практика уничтожения живущих может быть отправлена во вспомогательный арсенал. И даже обречь на вымирание становится тут надоедливо архаичным. Теперь, по обновлённой «дорожной карте», эффективнее обречь на нерождение, а рождающихся – на профильное, благодаря достижениям науки, психофизиологическое программирование.

Однако научная продукция вероятностна в своих результатах (и это никакими директивами не изменить). Не исключено, стало быть, появление индивидов «со сбоем в программе». Поэтому надзор должен непрерывно совершенствоваться: внешнее слежение должно неуклонно трансформироваться во внутреннее без распознавания его инородности. Антураж меняется, но задача прежняя: «...До того людей довести, чтобы они, чуть только перед ними хомут поставят, сами бы в этот хомут полезли. Подчинение! Такое подчинение, чтобы он, сукин сын, даже и не думал, будто это он подчиняется, а думал, будто он по своей воле в хомут лезет, потому что в этом хомуте его счастье» [5, с. 35].

И ведь лезут – и это самое озадачивающее и настораживающее в успехах (надо честно признать) тоталитарных поползновений. Об их расширяющейся экспансии свидетельствует, в частности, снижение планки социальной надежды и социального соблазна. Если раньше, в эпоху борьбы нескольких идеологий и проективного светлого будущего люди, надеясь, соблазнялись обещанием *счастья* (и действительно, чем не пожертвуешь ради него!), то сейчас, в достигнутом цивилизованном мире светлом настоящем, примитивно деидеологизированном (с единственной оставшейся идеологией) срабатывает упрощённый, прагматически ориентированный посул. Главные его составляющие – *безопасность* и *комфорт*.

Недвусмысленно утилитарная редукция счастья к безопасности и комфорту в теоретическом плане может быть выведена из аристотелевского эвдемонизма: «Государство создаётся не ради только того, чтобы жить, но преимущественно для того, чтобы жить счастливо <...> Счастье каждого отдельного человека и счастье государства тождественны...» [2, с. 108, 221]. Счастливое государство не может не быть справедливым, то есть, по Стагириту, не служащим общей пользе (см.: [2, с. 114]). Но тогда к той же пользе, а далее к безопасности и комфорту, принципиально сводимо и счастье.

Воспрепятствовать такого рода (как и всякой) редукции способна диалектика. Прежде всего, экзистенциальная, положительная неклассическая диалектика, в пространстве которой «единое онтологически и больше, и меньше многообразного; иерархия реальнее и ценнее тождества...» [7, с. 160]. Но Аристотель не диалектик, а приверженец формальной логики. В

известном метафизическом пассаже он с недоумением отклоняет, что нечто способно одновременно и существовать, и не существовать. Игнорирует он и различие между единым и целым (важное, кстати, для диалектика Платона), во всяком случае, игнорирует применительно к взаимоотношениям человека с обществом и государством. В «Политике» читаем: «Первичным по природе является государство по сравнению с семьёй и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части» [2, с. 38]. В этом контексте торопливо-оптимистичное отождествление Аристотелем индивидуального и общего счастья оказывается всего лишь ширмой, за которой желанное человеком состояние приватизировано политическим целым.

Живущий своим умом – стихийный диалектик – заведомо усомнится в способности некой внешней инстанции обеспечить и гарантировать ему счастливую жизнь. Отчасти свои сомнения он распространит и на надёжность извне обеспечиваемой и гарантируемой безопасности. И уж точно воспротивится редукции счастья (оно ведь такое непредсказуемое) к безопасности и комфорту. Атомизированный индивид массового общества – стихийный редукционист – к утилитарным опрощениям априори готов.

По части удобств обещания, даваемые ему ныне властью, в целом выполняются. И не столько потому, что сдержат их легче, чем в ситуациях с безопасностью и счастьем, сколько по причине асимптотической близости инфраструктур комфорта и контроля. Бытовые удобства несомненно предполагают наличие определённого уровня защищённости. Комфортность, по шаблонным ожиданиям, вроде бы должна базироваться на безопасности, надстраиваясь над ней. Но вдруг выясняется, что комфорта в общем хватает, а безопасности явный дефицит. Людей одолевает тревога – пассивно суетная, предельно далёкая от экзистенциальной тревоги, той, что пробуждает и поддерживает в человеке *мужество быть*. Обывательски встревоженный индивид, напротив, готов пожертвовать остатками своей реальной свободы и самостоятельности ради нейтрализации действительных и мнимых угроз, тем более что эта его «жертвенность» сопровождается рекламируемым ростом комфорта. О параллельном усилении контроля его уведомляют, как обычно в рекламе, мелким шрифтом. Но жаловаться обывателю не стоит: он сам загоняет себя в ловушку «комфортной» *тоталитарности*. Её лапидарная формула: *безопасность любой ценой плюс максимум комфорта равно контролируемости всего и вся*.

Чем ближе горизонт чистой тоталитарности («комфортная» вариация – последняя из предшествующих ей форм, а может, уже и тождественная ей), тем меньше кровавых репрессивных акций, тем беспроблемнее прозрачность контроля и немудрёнее податливость к нему. То, что расплачиваться приходится девальвацией экзистенциальных ценностей, похоже, мало кого смущает. Индивиду, прельстившемуся тоталитарной распродажей комфорта, их уценка, наоборот, представляется выгодной сделкой. Получаемые дополнительные удобства расширяют перечень безответственных виртуальных свобод. Выдаваемая властными структурами страховка от

жизненных угроз – на деле сомнительная, если не фальшивая – воспринимается с тем же бездумным облегчением.

Комфортное общество сегодня презентует себя – на технологический манер – как общество цифровое. В цифровой матрице находит своё законченное технологическое выражение аналитичность нововременной науки. Политическим коррелятом осуществляющегося сциентистского проекта выступает тенденция к возникновению и совершенствованию тоталитарных форм. Ханне Арендт тоталитаризм представлялся «заключительной стадией процесса, на протяжении которого... наука <стала> идолом, способным логически исцелить язвы существования и изменить природу человека» [1, с. 457]. Однако, как показывают нынешние научно-технологические и политические реалии, те формы тоталитарности, с весомыми ещё авторитарными вкраплениями, не были финальными. Таковыми являются скорее теперешние её – «комфортные» – вариации, в которых исчисляющее мышление и калькулируемая общественная практика становятся уже не предметом философской критической теории и пессимистического антиутопического прогноза, а чертами обыденности.

Пагубность оцифровки человека и его жизнедеятельности – одна из центральных сюжетных линий романов-предупреждений. Псевдоединое замятинское Мы – «счастливейшее среднее арифметическое»; его слагаемое, пронумерованный строитель Интеграла, силится рационализировать иррациональное, убеждая себя в том, что нет ничего счастливее «цифр, живущих по стройным вечным законам таблицы умножения» (см.: [3]). Прагматично прессующие людей и, поклоняясь объективной логике, оговаривающие самих себя «стальные» персонажи «Слепящей тьмы» относятся к отдельным человеческим жизням и судьбам «в соответствии с правилами строгого счёта» (см.: [4]). Оруэлловский новояз – калька со сциентизированного, легко сводимого к калькуляции, языка логического атомизма. Его разработчики намерены сделать «мыслепреступление» – ответственно-свободное мышление – попросту невозможным. «Каждое необходимое понятие будет выражаться одним-единственным словом, значение слова будет строго определено, а побочные значения упразднены и забыты. <...> С каждым годом всё меньше и меньше слов, всё уже и уже границы мысли» [6, с. 49–50].

Инновационно ослабленный ум гонит прочь ту мысль, что удобства компьютеризированного быта, расширяя какие-то возможности индивида, скрадывают его свободу. Глубокий тезис Арендт – скачок от «всё дозволено» к «всё возможно» есть собственно тоталитарный скачок (см.: [1, с. 572]) – автоматически отправляется оцифрованным интеллектом в электронную мусорную корзину. Опрощённый, обленившийся рассудок всячески дистанцируется от осознания противоречивости во взаимоотношениях комфорта и безопасности, от допущения того, что, начиная с определённого момента, комфорт не только не снижает для нас уровень угроз, но, напротив,

повышает его. Причём преимущественно множатся угрозы, исходящие от недостойного противника.

Тоталитаризм, заявивший о себе в XX веке, содержал ещё заметные следы авторитаризма и сложился именно в странах с укоренённой авторитарной традицией, в континентально-европейском социально-культурном ландшафте. Тоталитарность же – конструкт либерального Запада и той части Востока, где инновационные технологии плотно легли на традиции деспотии. С авторитарным правителем, с его портретными и статуарными изображениями, встречаешься на каждом углу. На деспота никто не смеет поднять глаза. Он есть – и его нет. Его смерть, случись она, ни на секунду ничего не изменит в социальном плане. Уход авторитарного лидера – всегда встряска для общества. Либерализм, с его культом закона как оборотной стороной неверия в человека, антагонистичен авторитаризму и протагонистичен деспотизму. Тоталитарность – это деспотия, оснащённая ИТ-технологиями и адаптированная к формату массового общества.

Так поименованное общество складывается тогда, когда трагический период восстания, подъёма масс, нашедший выражение, в частности, в формировании и крушении тоталитаризма XX века, сменяется инфантильно-парадоксальным периодом их *возвышенного падения*. Массовый человек поверхностно, суетливо активен – и глубинно ленив. Это оптимальный клиент для расползающейся по миру тоталитарности. Авторитаризм, а рудиментарно и тоталитаризм, ещё нуждаются в содержательно активной поддержке каких-то социальных слоёв и групп. Тоталитарность – нет. Она выстраивается на презентационной, показной активности, прикрывающей сущностную бессодержательность и пассивность персон и ассамбляжей.

Человек массового общества вымуштрован незатейливой стандартизацией. Он ленится и боится мыслить. Почему? Опасается не найти доказательств, на систему которых можно переложить ответственность за пришедшую в голову идею. Считает, и напрасно, что каждая мысль нуждается в сопроводительной аргументации, зачастую к тому же отождествляя аргументированность с трафаретностью социальной риторики. Лениность ума – это страх перед мнимой неизбежностью доказательности и перед подлинной трудностью в различении того, что не требует доказательств в силу своей собственной состоятельности, а что – по причине своей неустранимой никчемности.

Мысль, страсть, поступок – всё, вызывающее к личной ответственности, вызывает дискомфорт, потерю того, на что человек массового общества готов променять остатки свободы и самостоятельности. Чаемый комфорт сулят нынешнему обывателю адепты цифровой матрицы. И это ловушка – в которую он охотно лезет. ИТ-технологии не только потакают банальной лени и вычурности проектами «умных домов», «дизайнерских детей» и рекламой «сверхвозможностей», якобы даруемых чипизацией. Конструируемая ими виртуальная среда, позволяющая многократно переигрывать произведённые

в ней операции, приучает к безответственности и поощряет её. Тоталитарность правит бал...

Список использованной литературы:

1. Арндт Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И.В. Борисовой и др. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
2. Аристотель. Политика. Афинская полития / пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1997. 458, [1] с.
3. Замятин Е.И. Мы // Замятин Е.И. Избранные произведения. М.: Советский писатель, 1989. С. 547–680.
4. Кёстлер А. Слепящая тьма / пер. с англ. А. Кистяковского, В. Алексеева. М.: ДЭМ, 1989. 208 с.
5. Нароков Н. Мнимые величины // Дружба народов. 1990. № 2. С. 9–187.
6. Оруэлл Дж. 1984 / пер. с англ. В. Голышева // Оруэлл Дж. 1984. Ферма животных. М.: ДЭМ, 1989. С. 11–243.
7. Фатенков А.Н. Невозвращенец: фигура субъекта в негативной диалектике // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 159–169.
8. Фатенков А.Н. Цифровое общество: цивилизация на стадии «комфортной» тоталитарности // Век глобализации. 2022. № 1 (41). С. 72–85.

КУДРЯШЕВ А.Ф.

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация
**ПРИНЦИП НЕДОСТАТОЧНОГО ОСНОВАНИЯ
В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ УЧЕНИЯХ**

Формально-логический закон достаточного основания (ЗДО), утверждающий, что для всякой истинной мысли всегда найдется основание, достаточное для ее вывода, предстает как особенный закон не только в смысле своего содержания. Как логический закон, он отличается от других законов формальной логики и по времени своей формулировки как значительно более поздний, и по степени своей прозрачности и определенности как менее определенный и прозрачный. Кроме того, его отличие еще и в том, что он не представим в символической записи как формула символической логики. В связи с этими констатациями и на фоне характерных черт остальных законов справедливо возникает вопрос: 1. А действительно ли ЗДО – это логический закон? 2. Если все же сомнения в его законности находят подтверждение, то, с одной стороны, каковы границы его действия, и с другой, – насколько и в какой области оправданы допущения отрицания ЗДО (отрицания других законов: тождества, исключенного третьего, закона противоречия, понимаемого как закона, запрещающего противоречия, – несмотря на гораздо более ясный характер этих законов в двузначной логике, тоже могут иметь место за пределами их области

действия). В качестве наиболее естественного варианта такого отрицания ЗДО мы и предполагаем рассмотреть принцип недостаточного основания (ПНДО), приведенное название которого отчасти поясняет его предполагаемый смысл. Понятно, что если логика трактуется как наука о правильном мышлении (мышлении по естественным правилам), то эти правила в первую очередь должны соответствовать законам мышления и никоим образом им не противоречить.

Еще более прояснить сказанное можно, если обратиться к рассмотрению предметных областей каждого из четырех логических законов. Закон тождества действует в процессе всякого логически правильного рассуждения и выражает его определенность. Закон непротиворечия, выражающий непротиворечивость рассуждений, применим и к контрарным, и к контрадикторным суждениям, если только речь идет об одном и том же моменте времени и том же самом отношении. Закон исключенного третьего, естественно, применим там, где применяется двузначная логика, чем и объясняется то, что он исключает какой-либо третий элемент между двумя крайними. Например, эти два крайних элемента применительно к суждениям могут быть только контрадикторными, но не могут быть контрарными суждениями. На законе исключенного третьего основано применение так называемого доказательства от противного. Наконец, закон достаточного основания, говорящий, что у каждой истинной мысли есть истинное основание, утверждает его необходимость, не уточняя, обязательно ли оно имеет явное языковое, включая символическое, выражение, или же это основание может оставаться за пределами языковых форм своей данности.

Конечно, в приведенных рассуждениях многое зависит от того, как понимать закон в логике. Следуя немецкому логик В. Зегету (W. Segeth, p. 1934), в логике высказываний следует различать законы, нейтральные выражения и противоречия. Законы тем и отличаются от нейтральных предложений и противоречий, что они принимают значение истины при всех значениях входящих в них пропозициональных переменных [см.: 5, с. 68]. Такое понимание логических законов у современных логиков является общепринятым. Но оно "спотыкается" применительно как раз к закону достаточного основания. У него не только нет формульного выражения, но и в логике высказываний применяться он может только к истинным суждениям. На этот счет профессор А.Д. Гетманова (1923-2022) пишет следующее: "Речь идет об обосновании именно и только истинных мыслей; ложные же мысли обосновать нельзя" [3, с. 115]. И продолжает: "Формулы для этого закона нет, ибо он имеет содержательный характер" [там же].

Формальная логика "работает" в мышлении с истиной, получая ее как данность. Правда, истина в логике – логическая, она не обязана быть гносеологической истиной. Однако логика – наука, поэтому она имеет и познавательное отношение к действительности. Процитируем профессора В.Ф. Асмуса (1894-1975): "Но что же это за действительность? Познанием каких вещей и каких отношений между вещами может быть логика?" [2, с. 8].

Вот его ответ: "Непосредственной задачей логики является изучение форм мышления, отражающего и познающего действительность. Непосредственным предметом изучения являются для логики формы и законы правильного мышления" [там же]. По мнению известного в советские годы ленинградского логика И.Я. Чупахина (1910-1982), в определении логики как науки указание на законы является лишним, "так как само понятие науки предполагает, что она изучает законы" [19, с. 9]. Его итоговое определение: "...*формальная логика есть наука о формах, т. е. структурах, мысли*" [там же]. Но всякая ли мысль входит в предмет логики? Ведь не случайно же В.Ф. Асмус акцентирует внимание на правильном мышлении. Важное пояснение на этот счет дает современный логик А.Е. Конверский (р. 1948): в отличие от других наук о мышлении, логика "...исследует те закономерности мышления, которыми человек руководствуется в процессе познания истины. Точнее, логику интересует, как функционирует, "живет" истинное знание, как можно из ранее установленных и проверенных истин, не обращаясь в каждом конкретном случае к практике, а лишь применяя особые правила и законы мышления, получать новые истины" [10, с. 8]. Здесь практика упоминается в функции критерия истины.

Вместе с тем В.Ф. Асмус возражал против ориентации ряда логиков на трактовку ее как науки не о сущем, а о должном, называя такое направление нормативизмом. Из отечественных логиков, современных В.Ф. Асмусу, такой взгляд высказывал профессор Г.И. Челпанов (1862-1936). "Точка зрения нормативизма – неправильная", – пишет В.Ф. Асмус [2, с. 6]. Таким образом, по В.Ф. Асмусу, логика – наука о правильном мышлении, каким оно является в действительности. Возможно, современному читателю покажется интересным сопоставление двух вошедших в историю отечественной логики ученых – Г.И. Челпанова и В.Ф. Асмуса. Их обоих можно считать логиками, но такими, что логика не доминировала в их профессиональной деятельности. Г.И. Челпанов, помимо того, что был философом, в первую очередь все же известен как психолог (см. об этом ниже). Для В.Ф. Асмуса логика не была ведущей философской дисциплиной из тех, которыми он специально занимался. По устному свидетельству профессора МГУ им. М.В. Ломоносова В.Г. Кузнецова (1941-2022), В.Ф. Асмус никогда в университете логику не читал, тогда как курс логики, по которому был написан знаменитый учебник, был предназначен для руководящих кадров страны самого высокого ранга и обязан своим появлением на свет указанию вождя послевоенного государства, облеченному в форму просьбы повысить логическую грамотность его непосредственных подчиненных.

Из всего сказанного выше создается несомненное впечатление, что само наличие у логики законов никто не отрицает. Однако возьмем в руки учебник логики профессора Ю.В. Ивлева (р. 1936) из МГУ им. М.В. Ломоносова. Он тоже отмечает существование логических (или формально-логических) законов. "*Ф о р м а л ь н а я л о г и к а – это наука о формах мышления, о формально-логических законах и других связях и*

отношения между мыслями по их логическим формам" [6, с. 8]. Логические законы, согласно Ю.В. Ивлеву, представляют собой связи, существующие "независимо от того, знаем мы о них или нет" [там же]. Но есть еще законы логики – "утверждения об истинности всех высказываний определенной логической формы" [там же]. Заметим, что логические законы часто называют основными законами логики, тогда как остальные законы логики – неосновными законами. Далее, принимая законы логики в качестве норм рассуждений, Ю.В. Ивлев заключает: "Формальная логика, таким образом, является нормативной наукой о формах, законах и приемах интеллектуальной познавательной деятельности" [там же]. Понятно поэтому, почему Ю.В. Ивлев (не только он, конечно) в дальнейшем изложении содержания логики пишет не о *законах* тождества, непротиворечия, исключенного третьего, достаточного основания, а о *принципах* тождества, непротиворечия, исключенного третьего, достаточного основания. Похоже, что против именно такой трактовки логики возражал В.Ф. Асмус более полувека тому назад? Может быть, взгляды В.Ф. Асмуса устарели? Тем более, что у него логика классическая и символической ее называть в настоящее время вряд ли кто будет. Однако в процессах модернизации формальной логики как философской науки можно найти проявление общей тенденции развития философии – отхода от проблем традиционной онтологии и гносеологии за счет размыwania фундаментальных понятий и категорий, таких как бытие, основание, истина, знание, и утверждения плюралистических доктрин с общим агностическим выводом о невозможности познания объективного мира. К настоящему времени формальных логических систем накопилось великое множество, а царящая неразбериха в нем позволяет называть его "мешком" логик. Так что выбор той или иной логической системы порою кажется делом исключительно субъективным, как и выбор того или иного набора формально-логических принципов, иногда представляющих как совокупность директив (такой "директивный" взгляд развивал, в частности, в своем учебнике логики профессор В.И. Свинцов, 1928-1999).

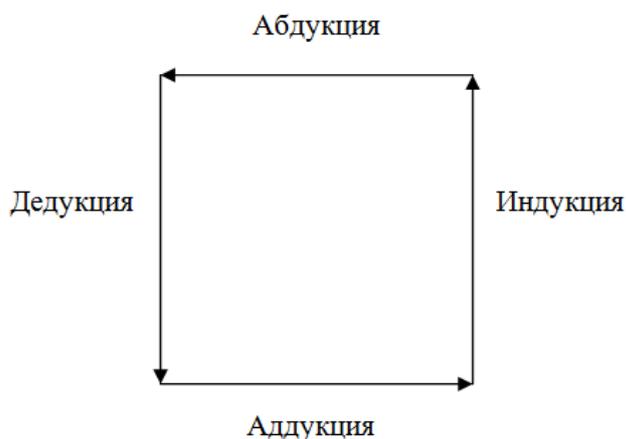
Интересующий нас принцип достаточного основания как философский принцип был известен древним грекам (Левкипп, V в. до н. э.), и Г.В. Лейбниц (1646-1716) повторяет его в 1714 году как принцип метафизики, т. е. положение, имеющее онтологическое содержание. "...ничего не делается без достаточного основания, т.е. не происходит ничего такого, для чего нельзя было бы при полном познании вещей указать основания, достаточного для определения, почему это происходит так, а не иначе" [15, с. 408]. Применительно к рассуждениям, т. е. в логике, формулировка принципа достаточного основания Г.В. Лейбницем в "Монадологии" (тоже 1714 год) следующая: "...ни одно явление не может оказаться истинным или действительным, ни одно утверждение справедливым без достаточного основания, почему именно дело обстоит так, а не иначе, хотя эти основания в большинстве случаев вовсе не могут быть нам известны" [14, с. 418].

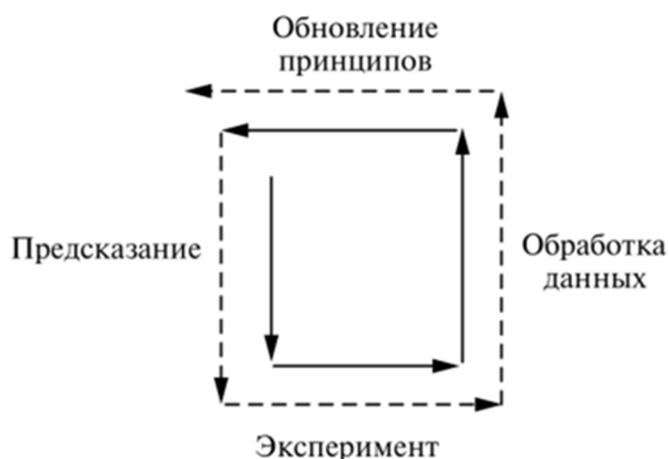
В логической литературе большое место отводится анализу типичных нарушений правильного мышления. Одна из часто встречающихся ошибок имеет характерное название – "недостаточное основание". Ошибки в контексте обсуждения закона достаточного основания – нарушения трансляции истинной оценки. Хорошо выразила такое понимание закона достаточного основания профессор А.Д. Гетманова: "Всякая истинная мысль должна быть достаточно обоснованной" [3, с. 115]. Закон достаточного основания "работает" в дедуктивном выводе, дополняя системным образом три других формально-логических закона – тождества, непротиворечия, исключенного третьего. Однако, если рассмотреть вопрос о приложимости этого закона не к дедукции, а к другим методам исследовательской деятельности, то обнаружится, что он там не действует.

Профессор В.А. Канке (р. 1944) предлагает считать единственным способом управления теорией, т. е. процессом ее формирования и корректировки, так называемую трансдукцию, включающую в себя четыре концептуальные операции: индукцию, дедукцию, абдукцию и аддукцию (в переводе с латинского эти термины буквально означают, соответственно: наведение, выведение, отведение, привлечение) [см.: 7, с. 16-20].

Мы не будем детализировать рассуждения относительно каждой из четырех указанных операций, т. е. не будем вдаваться в анализ их особенностей. Отметим лишь одну общую черту трех из них: индукции, абдукции и аддукции. В отличие от дедукции, которая при истинных посылах дает достоверное знание, три другие операции производят гипотетическое знание. Тем не менее они обладают эвристической силой, помогая исследователю находить верные решения сложных задач.

К сожалению, проследить все источники рассуждений В.А. Канке в данном отношении по приводимым им ссылкам не удастся. Ссылок слишком мало: по существу, есть только одна ссылка – на Ч.С. Пирса (1839-1914) в связи с абдукцией. Хотя Ч.С. Пирс здесь не был первым: абдукция рассматривалась еще Аристотелем (384-322 гг. до н. э.) в Первой Аналитике в главе двадцать пятой [см.: 1, с. 170]. Любопытно, что вопреки распространенному мнению, Аристотель в своей логике не рассматривал индукцию, ограничиваясь дедуктивными выводами [см. об этом: 17]. Даже абдукция у него означала переход в процессе доказательного рассуждения: "Отведение (abductio) в аристотелевском смысле есть переход от одного доказываемого положения к другому, более ясному и легче доказуемому" [1, примечания, с. 394]. Смысл каждой из трансдуктивных операций призваны пояснять две приводимые схемы, дублирующие схемы из книги В.А. Канке.

Не могу также не возразить В.А. Канке в одном вопросе, а именно о соотношении принципов и законов. В.А. Канке пишет, что принципы являются основаниями законов, и этот тезис у него выглядит как всеобщее утверждение. Однако оно в таком случае является ошибочным. Чем отличается принцип от закона? В самом общем случае, – как справедливо отмечает упомянутый выше логик Ю.В. Ивлев относительно логического закона, хотя это должно быть верным для всякого закона, – он действует независимо от моего знания о нем, следовательно, и от желания, чтобы он или действовал, или не действовал. Принцип же принимается нами или не принимается, т. е. мы заведомо знаем, что он есть, если его принимаем (можем и не принимать). Речь идет о конкретном принципе, а не о принципиальности нашего мышления вообще. Однако логические принципы рассуждений, обращенных к объективной действительности, уже тем самым имеют своим референтом ее законы, и дабы сохранять истинность (быть тождественно истинными), эти принципы обязаны поддерживать формальное соответствие содержанию объективных законов. На наш взгляд, изначально не принцип является основанием закона, а наоборот, объективный закон – предельное основание принципа.

По сравнению с принятой за образец нормой обоснования, характерной для методологии естественных наук, обоснование в социально-философских учениях имеет свои особенности. С точки зрения онтологии, социально-философские учения различаются между собой, по-разному сочетая с модальностями действительности, возможности, необходимости, трактуемыми как объективные, субъективные модальности, – и прежде всего

желание (оптатив), – зачастую ассоциирующиеся с надеждой, верой, любовью, установками, потенциями и т. п. автора концепции. Авторские предпочтения сказываются в том, что автор желает видеть общество именно таким, а не каким-либо другим. Автор учения, осознанно или нет, хочет, чтобы общество приняло вид, согласующийся с его желаниями. И в социальной практике часто именно этот, субъективный, компонент социальных учений имеет неоспоримый приоритет перед всеми другими компонентами, что в сфере управления преобразуется в волюнтаристское принятие решений. Однако, если к волюнтаризму, как таковому, следует питать негативное чувство, то к субъективности, в целом, отношение должно быть совершенно иным.

На наш взгляд, в процессе социального конструирования, по сути, невозможно избавиться от субъективного выбора, и если до сих пор мы говорили о его негативной стороне в связи с понятием принципа, в том числе принципа достаточного основания, то надо видеть и его позитивную, созидательно-творческую сторону как определенную и весьма значимую потенцию человеческой природы. Отмеченная выше метаморфоза с законом достаточного основания – четвертым основным законом классической формальной логики – имеет определенные оправдания. Ведь многие современные логики от понимания его как закона отказались совершенно искренне и перешли к трактовке его как принципа, которым люди должны руководствоваться в мышлении, а при его посредстве – в предметно-преобразующей деятельности.

Как уже говорилось, согласно Лейбницу, ученому, которому приписывается авторство формулировки закона достаточного основания, – этот закон утверждает достаточность оснований (посылок) для истинного умозаключения. Приведу еще одну формулировку, гораздо более раннюю и менее совершенную, чем приведенные выше, и тоже принадлежащую Г.В. Лейбницу: "*...начало достаточного основания, утверждающее, что предложение не является истинным, когда при имеющихся сведениях, необходимых для его понимания, нельзя усмотреть его основания*" [13, с. 441]. Примечательно, что буквально в следующем предложении Г.В. Лейбниц замечает: "*...и даже необходимо, чтобы не имеющее достаточного основания не существовало...*" [там же]. То есть, не существовало среди истин мышления. Достаточность – то содержание посылок, какое обеспечивает истинность вывода. Однако, с данной точки зрения, сами основания могут быть достаточными и недостаточными, поскольку, вообще говоря, какие-либо основания всегда присутствуют, не объективные, так субъективные, или наоборот, и это надо хорошо понимать. Классическая логика истины – лжи, безусловно, справедлива в мире необходимости, где достаточность основания должна являться его законом. В действительном мире, где есть время, где властвует логика темпоральная и истинность суждения зависит от времени, формулировка закона достаточного основания должна включать временной параметр. В вероятностном мире существует

вероятностная логика, учитывающая закономерный характер определенных тенденций и тем самым сочетающая закон достаточного основания в его жесткой, однозначно истинной трактовке с сугубо вероятностной трактовкой этого закона.

В субъективной сфере вместе с утратой ориентации на истину, разумеется, закон достаточного основания становится желанным принципом, от которого тем не менее можно было бы избавиться или который можно было бы сменить, если иметь в виду тот или иной масштаб активности субъекта. Еще раз подчеркнем, что тогда теряется и обязательная нацеленность на объективную истину. Если же в указанной сфере придерживаться понимания закона как отражения существующей в жизни людей практики предметной активности, а не как идеально недостижимого ориентира, то в социально-философские учения вместо закона достаточного основания нужно ввести принцип недостаточного основания. Введение такого принципа призвано обеспечить реализацию извечных мыслей человека об избавлении от земной зависимости и о воспарении из недр сферы необходимости в сферу подлинной свободы духа. Однако во всем нужно знать меру, в отношении ПНДО – тем более, иначе можно неявным образом оправдывать и бред сумасшедшего, и поступки маньяка, и человеконенавистнические измышления, и преступные действия. Тонкая, очень тонкая черта разделяет допустимое с точки зрения ПНДО и недопустимое с точки зрения моральных устоев и правовых норм.

Любопытно в этой связи, как профессор Г.И. Челпанов характеризовал психологию и ее отличие от логики. "Психология рассматривает безразлично всевозможные роды мыслительной деятельности: рассуждение гения, бред больного, мыслительный процесс ребенка, животного – для психологии представляют одинаковый интерес, потому что она рассматривает только, как осуществляется процесс мышления; логика же рассматривает условия, при которых мысль может быть правильной" [20, с. 3-4]. Психология очевидным образом вникает не только в правильное, но и в неправильное, с точки зрения законов логики, мышление людей. Наверное, для современного читателя стоит специально заметить, что Г.И. Челпанов имел философское образование и был не только логиком, но и видным психологом: он основал в 1912 году при Московском университете Психологический институт имени Л.Г. Щукиной и долгое время в нем директорствовал (Л.Г. Щукина – жена мецената С.И. Щукина, пожертвовавшего средства на создание этого института).

С другой стороны, в жизни современного человечества, особенно благодаря практическим усилиям и теоретическим разработкам специалистов соответствующих ведомств США, все больший вес завоевывает так называемая мягкая сила, действие которой в сфере политики сказывается на объекте не сейчас же и не всегда очевидным образом, а происходит с большим замедлением и притом, если иметь в виду долгосрочную перспективу, весьма эффективно. Понятно, что применение мягкой силы

связано с рисками и большими затратами, а обоснование ее необходимости никогда не может быть безусловно достаточным, причем в политической практике агрессивных государств мягкая сила не доминирует, а дополняет применение жестких силовых приемов.

Весьма существенным аспектом темы обоснования в социально-философских учениях является определение типа детерминации в исследуемом фрагменте общественного бытия. Особенно важно учитывать то, что в социуме действуют люди, не просто сочетающие индивидуальные и коллективные формы активности, но в этой своей активности образующие некогнитивные цепочки детерминации, плохо поддающиеся объективно ориентированному логическому анализу. Именно некогнитивная сторона деятельности людей более всего ответственна за творческое решение встающих перед ними жизненно важных задач.

Что касается принципа недостаточного основания, за введение которого в определенные сферы человеческой деятельности я давно ратую [см., например: 12], то у него были и есть сторонники и мои предшественники. Прежде всего отмечу Н. Макиавелли (1469-1527) и его "Государя", датированного 1513-м годом, хотя издан он был в 1532 году спустя пять лет после кончины автора и 19 лет после его сочинения [см.: 16]. Н. Макиавелли написал правдивую книгу о том, как делали и делают политику. И вот один из выводов осмысления им как своего собственного житейского опыта, так и опыта политической истории, сформулированный американским философом и теологом П. Криффтом (Peter John Kreeft, р. 1937) в работе "Сократ встречает Макиавелли" (1987/2002): "Я предпочту ошибиться в логике и выиграть в политике, чем проиграть в политике и выиграть в логике" – говорит Макиавелли Сократу [11]. Через пять столетий позже "Государя" мы констатируем не только коварство и жестокость, проявляемые противниками в политической борьбе, но и динамику и сложность политических задач, требующих зачастую принятия незамедлительных решений: тут уж не до поиска достаточных оснований и не до логически взвешенных подходов к их решению. В еще более обобщенном виде можно упомянуть давно известное расхождение между теорией и практикой – теорией как логически упорядоченной системой научных знаний, необходимо подчиненной логическим законам, и практикой человеческого бытия. Показателен древний пример, имеющий лишь косвенное отношение к политике, но все же имеющий отношение, потому что речь идет о сборщиках налогов в Древней Месопотамии. Историкам математики известен удивительный исторический факт: в Междуречье знали точные формулы для площадей геометрических фигур (хотя доказательств не было), но на практике сборщики налогов пользовались приближенными и крайне неверными формулами для подсчета площадей земельных участков. Например, для площади земельного участка, имеющего форму произвольного четырехугольника, бралось произведение полусумм

противоположных сторон. Внятное объяснение этому расхождению формул отсутствует.

Английский математик и философ У.К. Клиффорд (William Kingdon Clifford, 1845-1879) в 1877 году издал книгу "Этика убеждения", где настаивал на обязательности иметь достаточные основания, чтобы принимать те или иные решения, т. е. утверждал обязательность доказательств, которые в практической жизни превращаются в достаточно обоснованные свидетельства, иначе никак нельзя гарантировать получение благих результатов [см.: 9]. "Подведем итог: всегда, везде и для каждого ошибочно иметь какое-либо убеждение, без достаточных на то оснований" – пишет У.К. Клиффорд [9, с. 45]. Переводчики поясняют: в приведенной цитате автор употребил слово *wrong*, в английском языке объединяющее отрицательные оценки эпистемического и этического типов: «нерационально, неразумно», с одной стороны, и «плохо, дурно» – с другой [см.: там же, примечание 4]. Образ мышления математика с его специфическими принципами безоговорочно переносился У.К. Клиффордом на людей практического склада ума, к которым следует относить и политиков.

Книга У.К. Клиффорда послужила объектом жесткой критики одного из столпов прагматизма философа и психолога Уильяма Джеймса (William James, 1842-1910). В лекции 1896 года под названием "Воля к вере" У. Джеймс возражает У.К. Клиффорду и обращает внимание как раз на нарушение закона достаточного основания людьми и на то, что недостаточность оснований не мешает людям поступать так, как они поступают [см.: 4]. Функции убеждения для многих вполне может выполнять религиозная вера, хотя с точки зрения разума вопрос о существовании бога имеет три варианта решения: теистическое, атеистическое и скептическое. Разумеется, своей критикой У. Джеймс стремился укрепить и развить позиции прагматизма, однако то, на что он опирался, т. е. сами по себе факты несоответствия между практикой людей и требованиями логического закона достаточного основания, не вызывают сомнений. Позиция У.К. Клиффорда и ее критика, в том числе критика У. Джеймсом, подробно разбирается в статье Б.В. Фауля (г. р. ок. 1980), к которой мы и отсылаем всех интересующихся данной темой [см.: 18].

Известный отечественный философ и теолог В.Н. Катасонов (р. 1947) в пространную интернетовскую подборку своих сочинений включил текст "Апофатика и наука" (публикация датируется 2002 или 2003 годом), содержащий параграф, озаглавленный "Принцип недостаточного основания". В нем В.Н. Катасонов на нескольких – точнее, на трех – примерах иллюстрирует, как он понимает сам принцип недостаточного основания, называемый им также принципом индифферентности, и его действие в научной деятельности.

Примеры, приводимые им, следующие. Первым примером является разбор Галилеева доказательства закона инерции, в котором рассматривается

зависимость скорости и ускорения шарика от наклона плоскости. Делается вывод, что при отсутствии наклона шарик сохраняет некую постоянную скорость, причем причина этого сохранения остается нам неизвестной, т. е. мы располагаем незнанием причины. Второй пример посвящен уже Декартову доказательству того же закона инерции. Тут проводится апелляция к неизменности Бога, которую В.Н. Катасонов интерпретирует как незнание причин, по которым Бог мог бы меняться. Пример третий отсылает к теории вероятностей и частотному определению вероятности. Применительно к монете или кубику, "...у нас нет оснований считать выпадение одной стороны более возможным, чем другой, и эта равновозможность превращается в исчислении вероятностей в равновероятность. Равновероятность элементарных исходов – все тот же «закон инерции», все то же парадоксальное строительство здания знания на фундаменте незнания, на фундаменте, прочность которого гарантирована именно абсолютностью незнания", – заключает В.Н. Катасонов [8].

Как мы помним, для принципа достаточного основания, по крайней мере в некоторых его формулировках, не надо, чтобы основание было известно, поскольку, по Г.В. Лейбницу, оно может стать известным человеку при полном знании всех вещей. То, что оно должно быть истинным, само собой разумеется. В.Н. Катасонов пишет, что в ряде случаев удивительным образом не знание, а его противоположность, незнание играет роль основания, и о его достаточности или недостаточности мы судить никак не можем именно потому, что это незнание. *"Незнание оказывается парадоксальным образом опорой знания"* [там же]. Именно таким образом В.Н. Катасонов пытается оправдать апофатику и ее научную значимость. Напомню, что говорилось выше: логический закон действует, независимо от того, знаем мы о нем или не знаем (Ю.В. Ивлев). Незнание силлогизма не отменяет действие логического закона. Тут, конечно, неявно предполагается другой субъект, знающий силлогизм, и этот субъект превышает в своем интеллекте человека.

Подводя итог сказанному, мы заключаем, что накопилось внушительное количество свидетельств в пользу введения принципа недостаточного основания. Он, так или иначе, действует и в мышлении, когда оно "неправильное", тогда как правильность последнего призван обеспечить ЗДО в системе с другими законами формальной логики. Действует он и в практической деятельности, причем иногда наперекор имеющимся в достаточном количестве доводов не в его пользу. Но особенно заметно, по нашему мнению, то, что этот принцип "работает" там, где есть сверхсложные и сверхдинамичные системы, а это прежде всего общество и различные его фрагменты. ПНДО утверждает практическую мотивировку человеческих решений, когда сознательно не ищут достаточных оснований. Вот тут как раз и кроется одна из загадок человеческой природы: способность мгновенно оценивать ситуацию и принимать решения, безосновательные и потому авантюрные по форме, но, возможно, самые верные по существу. В

силу всего здесь сказанного, ПНДО – принцип недостаточного основания – достоин введения в различные социально-философские учения, в том числе в политологические.

Список использованной литературы:

1. Аристотель. Аналитики Первая и Вторая. М.: Госполитиздат, 1952. 438 с.
2. Асмус В.Ф. Логика. М.: ОГИЗ: Гос. изд-во полит. лит., 1947. 387 с.
3. Гетманова А.Д. Логика. М.: Высшая школа, 1986. 288 с.
4. Джеймс У. Воля к вере. М.: Республика, 1997. 431 с.
5. Зегет В. Элементарная логика. М.: Высшая школа, 1975. 256 с.
6. Ивлев Ю.В. Логика. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. 288 с.
7. Канке В.А. История, философия и методология социальных наук: М.: Изд-во Юрайт, 2014. 572 с.
8. Катасонов В.Н. Апофатика и наука. § 2. Принцип недостаточного основания // <https://studfile.net/preview/6718657/page:40/> (дата обращения 18.01.2023).
9. Клиффорд У.К. Этика убеждения / пер. с англ. и примеч. Ю.В. Горбатовой, Б.В. Фауля // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III, № 3. С. 37-53.
10. Конверский А.Е. Логика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. 339 с.
11. Криффт П. (Peter John Kreeft). Сократ встречается Макиавелли // <https://fil.wikireading.ru/h5kgtE04GD> (дата обращения 18.01.2023).
12. Кудряшев А.Ф. Обоснование в социально-философских учениях // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 71-й годовщине со дня принятия Всеобщей декларации прав человека, г. Уфа, 18-19 декабря 2019 года / Уфимский юридический институт МВД России; под общей редакцией А.С. Ханахмедова. – Электрон. текстовые дан. (6,75 МБ). – Уфа, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования: IBM PC, 1 GHz; 512 mb оперативной памяти; 3 mb ОЗУ; CD/DVD-ROM дисковод; операционная система Windows XP и выше; Adobe Reader 8.0 и выше. – Загл. с экрана. – Текст электронный. 622 с. С. 170-173.
13. Лейбниц Г.В. Замечания на книгу о начале зла, изданную недавно в Англии // Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М.: Мысль, 1989. 556 с. С. 427-466.
14. Лейбниц Г.В. Монадология // Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М.: Мысль, 1982. 636 с. С. 413-429.
15. Лейбниц Г.В. Начала природы и благодати, основанные на разуме // Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М.: Мысль, 1982. 636 с. С. 404-412.
16. Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990. 80 с.

17. Петров В.Б. Место индукции в логике Аристотеля // Вестник РУДН, серия Философия, 2008, № 4. С. 72-78.
18. Фауль Б.В. Этика убеждения У.К. Клиффорда // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III, № 3. С. 15-36.
19. Формальная логика. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. 357 с.
20. Челпанов Г.И. Учебник логики. М.: ОГИЗ: Гос. изд-во полит. лит., 1946. 159 с.

Раздел II
ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

АРУТЮНЯН К.С.

Рязанский государственный радиотехнический университет
им В.Ф. Уткина, г. Рязань, Российская Федерация
**ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД АРИСТОТЕЛЯ НА РАЗВИТИЕ
ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ**

Введение: Актуальность эффективных управленческих процессов является наиболее важной для процветания любого общества. Впервые предпосылки становления теории управления относятся к Древней Греции. Это было связано с тем, что древнегреческие полисы находились в состоянии конфликтных ситуаций, неэффективного управления. Результаты данных процессов привели к тому, что возникли сложности в Греции создать единое централизованное государство.

Поэтому следует осуществить историко-философский анализ происхождения тех понятий, которые являются основополагающими и используются в практической деятельности. Речь идет, например, об основах регулирования и управления домашним хозяйством, государством(полисом), товарно-денежными отношениями и т.д.

В древнегреческой мысли можно найти истоки современного понятия «философия менеджмента», отражающего видение, стратегию развития организации, организационную культуру [2]. В дальнейшем некоторые принципы древнегреческой деловой этики (честность, труд) стали основой протестантской этики, на которой базируется современная западноевропейская и американская капиталистическая цивилизация.

Методика: В ходе проведенного исследования были использованы методы познания общенаучного характера в рамках исторического, логического анализа, синтез, моделирование исторических ситуаций, аналогии с современностью.

Результаты исследования: Теоретические попытки изменить систему управления предпринимались многочисленными греческими мыслителями, но наиболее полно исследование этой проблемы осуществил Аристотель. Проблема управления у Аристотеля складывается по двум направлениям: управление государством и управление экономикой. В книге «Политика» рассматриваются основные категории теории управления: государство, гражданин, виды государственного устройства, собственность и т.д.

Правление государства по Аристотелю является гарантом справедливости, стабильности, блага и счастья для всех граждан. Человек как элемент государства имеет свою политическую природу, т.к. жизнь вне государства и общества невозможна. Как общественное существо, человек способен воспринимать такие понятия как добро и зло, справедливость и

несправедливость, которые составляют основу государства и общества [1, с. 28].

Основой государственного устройства, по мнению Аристотеля, является семья. Подобный подход отмечается в философии Древнего Востока, особенно в конфуцианской школе. «Без семьи нет государства», – пишет он и полностью отвергает утверждение Платона «об общих женах и детях» [1, с. 82]. В управлении государством, Аристотель выделяет несколько подходов: роль власти в управлении, методы управления, формы государственного устройства, сфера управленческих отношений.

Аристотель уделяет особое внимание вопросу о природе власти и подчинения. Он пишет о том, что «власть и подчинение не только являются важными, но и необходимыми. Люди с рождения различаются в том отношении, что одни из них... предназначены к подчинению, другие – к властвованию» [1, с. 36]. Была проведена классификация видов, властвующих и подчиненных. В этой ситуации прослеживается тенденция, что чем выше стоят подчиненные, тем более совершенной должна быть власть над ними. Также Аристотель выделяет виды власти: политическая власть (власть правителя над равными между собой гражданами), царская власть (власть отца над детьми), власть, основанная на вознаграждении (власть тирана, оплачивающего отряды наемников для захвата и удержания власти).

Аристотель уделял большое значение формированию науки об управлении. Наука управления – это применение методов воздействия на подчиненных. Согласно подходу Аристотеля, именно для успешного управления всеми видами деятельности и необходимо развитие науки управления [1, с. 46].

Особое значение Аристотель уделяет поиску формы идеального государства. Философ выделил шесть форм государственного устройства: монархию, аристократию, демократию, тиранию, олигархию, а также форма государственного устройства, содержащая в себе элементы, которые будут направлены на уравнивание имущественного положения богатых и бедных.

В основе теории государства по Аристотелю положен анализ античных полисов. Самая эффективная организация общественной жизни государства – это размер: «общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство». При этом, граждане обязаны принимать активное участие в политической деятельности.

Для Аристотеля, государственное устройство – это распорядок в области организации государственных должностей, особенно верховной власти: верховная власть повсюду связана с порядком государственного управления.

Самым важным является то, что Аристотель акцентировал внимание на проблеме иерархии в управлении государством. Основу государственного устройства составляют два звена – высшее и низшее.

Одной из наиболее разработанных областей философии Аристотеля является сфера управленческих отношений, выраженная в политической сфере. Исходной установкой управленческой теории Аристотеля являлось рассмотрение рабовладельческого устройства, в котором присутствие двух классов – рабов и рабовладельцев – это естественно для природы человека.

Таким образом, в системе взаимоотношений, Аристотель подчеркивал отношения управления, или взаимоотношения управляющего действиями и исполняющего эти действия: «...что раб должен уметь исполнять, то господин должен уметь приказывать». Причем он подчеркивает, что рабам нужны не только приказания, но и назидания.

Однако нужно сказать, что его философская мысль не обошла вниманием и рациональное управление конкретным хозяйством, которое должно было обеспечить удовлетворение потребностей греческого гражданина, его семьи.

Управление экономикой отражено в его произведении «Никомахова этика», где философ анализировал нравственные добродетели – мужество, щедрость, правдивость и др., – уделяет большое внимание справедливости как важнейшей нравственной и социально ориентированной добродетели. В его рассуждении о справедливости большой интерес представляет понимание справедливости при обменных операциях (т.н. «распределительной», дистрибутивной справедливости) и справедливого вознаграждения [3].

Диоген Лаэртский в своей книге «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» цитирует Аристотеля «справедливость в том, чтобы воздавать каждому по заслугам» [4].

Что же касается справедливого вознаграждения, то осуществляется переход от общей экономики к управлению экономической сферой, а именно вознаграждение за приложенные усилия. Некоторые принципы древнегреческой деловой этики, такие как честность, верность слову, стремление трудиться легли в основу протестантской этики.

Заключение: В современных условиях необходимо говорить об аристотелевском справедливом воздаянии за труд, о формировании и становлении компанией работника, который был использован в своей деятельности элементы корпоративной культуры, направленные на достижение эффективного управления [5].

«Философия менеджмента» в этих условиях будет непохожа на классический менеджмент, она будет ориентироваться на аристотелевскую этику с ее верностью сказанному слову, открытостью, преданностью интересам организации. Главная цель управления согласно теории Аристотеля – это создание команды, которая будет работать как единый слаженный механизм.

Таким образом, вклад Аристотеля в развитии теории управления был направлен на: основы теории управления с обоснованием необходимости ее дальнейшего развития; классификация видов власти, форм государственного устройства и их основные характеристики; основы формирования модели

идеального государства, обеспечивающего соблюдение интересов всех граждан.

Список использованной литературы:

1. Античная философия: энциклопедический словарь / отв. ред. М.А. Солопова. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 896 с
2. Антология мировой философии / ред. В.В. Соколов. М.: Мысль, 1969. Т. 1. Ч. 1. 576 с
3. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель; пер. Э.Л. Радлов. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 223 с.
4. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. 572 с.
5. Жумалиева А.К. Сравнительный анализ отечественной и зарубежной модели управления персоналом // Молодой ученый. 2020. № 2 (292). С. 263–266

БАЛАКЛЕЕЦ Н.А.

Самарский государственный технический университет, г. Самара,
Российская Федерация

КОНЦЕПТ «ПОЛИТИЧЕСКОЕ»: ИНТРА- И ЭКСТРАФИЛОСОФСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ

Включение термина «политическое» в теоретическую канву отечественной политической философии обнаруживает ряд трудностей как чисто лингвистического, так и сугубо философского характера. Субстантивированное прилагательное «политическое» воспринимается в русскоязычных текстах как элемент незавершенной вербальной конструкции, придатка к отсутствующему семантически более весомому термину (более привычно рассуждать, к примеру, о политической сфере, политическом феномене, политическом решении, но не о *политическом* как таковом). Таким образом, в контексте отечественного теоретического дискурса очевиден заимствованный и требующий тщательного прояснения характер приведенного термина. Указанные особенности ассимиляции и восприятия не свойственны для родственного термина – политика, внутренняя форма которого (этимологическая и смысловая связь с древнегреческим полисом) также утрачена в русском языке.

Вместе с тем, для современной западноевропейской теоретической мысли характерно четкое разделение концептов «политическое» и «политика», которое получило название «политическая дифференция» (нем.: die politische Differenz). Для обозначения конститутивных элементов политической дифференции немецкий язык использует термины «das Politische» (политическое) и «die Politik» (политика), французский язык соответственно – le politique и la politique (хотя, безусловно, приведенные

термины, фигурирующие в немецко- и франкоязычных политико-философских исследованиях, не следует отождествлять, в особенности принимая во внимание несовпадение грамматического рода немецкого «das Politische» и французского «le politique»). Лингвистические нюансы использования терминов «политическое» и «политика» в различных европейских языках сопровождают более фундаментальные смысловые различия, свойственные соответствующим концептам в западноевропейской философской мысли.

Следует отметить, что строгая дифференция базовых концептов политической и политико-философской мысли – относительно недавнее явление. Как в немецком, так и во французском языковом пространстве термин «политическое» получил оформление в связи с выделением соответствующей сферы человеческой деятельности, отличной от экономического, морального, эстетического и т.п. Иными словами, терминологическая автономия политического является сопровождением его онтологической автономии или, по меньшей мере, значимости. Приведенный дифференцирующий смысл концепта «das Politische» присущ уже «Общему учению о государстве» Г. Еллинека, увидевшему свет в 1900 году [8, S. 423]. Во французскую теоретическую мысль термин «le politique» вошел начиная с 20-х годов XX века, утвердившись в ней лишь в послевоенное время. Знаковая работа К. Шмитта «Понятие политического», впервые опубликованная в 1927 году, оказала мощное влияние на западноевропейскую теоретическую мысль XX столетия. Ренессанс идей Шмитта воплотился в появлении ряда концепций политического во Франции (стабилизирующий аспект политического, обоснованный немецким правоведом, был позднее осмыслен П. Рикёром и Ж. Фройндом), а также в Италии (где с 1970-х годов в русле рецепции идей Шмитта используется термин «il politico») [8, S. 423].

Одной из наиболее влиятельных работ, выдержанных в духе политической дифференции, в англоязычном теоретическом дискурсе является исследование Ш. Муфф «О политическом» («On the Political»), которое было опубликовано в 2005 году и также не избежало влияния шмиттианских идей. В указанной работе эксплицируется как сама политическая дифференция, так и ее связь с онтологической дифференцией М. Хайдеггера. Теоретическое и интрафилософское значение концептуализации «политического» у Муфф заключается в разделении предметных областей политической философии и политологии. В то время как вторая из дисциплин имеет дело с эмпирическим полем политики («politics»), первая проявляет интерес не к отдельным политическим фактам, но к самой сущности политического («the political»). Тем самым политика соотносится с онтическим уровнем, тогда как политическое соответствует онтологическому [7, p. 8].

Наделение каждой из теоретических дисциплин собственным предметом исследования не только способствует обоснованию ее

самостоятельного статуса и права на терминологическую и концептуальную автономию, но и, в определенной степени, призвано смягчить конкуренцию между политической философией и политологией [9, S. 166]. В то же время, как явствует из существующих теоретических работ, соблюдение строгой дифференции в рамках политической философии (с одной стороны) и политологии (с другой) является проблематичным. На наш взгляд, политическая дифференция одновременно разводит названные дисциплины и удваивает предмет каждой из них. Для политической философии это удвоение означает необходимость определения и рефлексивного освоения обоих концептов. (В работах, предшествующих смысловому разграничению концептов «политика» и «политическое», они синонимизировались, употребляясь недифференцированно – в качестве показательного примера сошлемся на работу К. Ясперса «Атомная бомба и будущее человека» [5].) Картина может быть дополнена наличием и открытой возможностью конструирования философских окказионализмов, которые по своей сути вписываются в традиции политической дифференции, не соответствуя ей терминологически. В данном контексте показательна оппозиция «полиции» и «политики» у Ж. Рансьера. Философ «переворачивает» традиционные смыслы обоих терминов, выступая против отождествления первого из них с государственным аппаратом. Полиция приобретает у Рансьера связь со способом визуализации тел и их функционального распределения в пространстве. Если полиция отрицает равенство, то политика, по мнению Рансьера, напротив, представляет собой открытую совокупность практик, которая основана на принципе равенства. Она трансформирует существующие перцептивные конфигурации и пространственные порядки распределения тел, стремясь обнаружить и удостоверить равенство всех «говорящих существ» [1, с. 52-60]. Политическими являются те конфликты, в которых на сцену выходят два типа участников: обладающие *логосом* (т.е. имеющие право на «достопамятную речь» и представленные в качестве видимых субъектов в символическом пространстве власти) и те, чья речь воспринимается как простая совокупность звуков (*фоне*) [1, с. 45, 47].

Выходя за рамки политической философии, концепт «политическое» в разнообразии его смысловых вариаций может проникать в предметную область других наук. По свидетельству Э. Фолльрата, политическое выступает предметом и темой исследования целого ряда теоретических дисциплин [10, S. 12]. Примечательно, что необходимость «изобретения политического» провозглашает *социолог* У. Бек. Это, по его мнению, подразумевает не только политику, нацеленную на соблюдение правил, но и на их изменение; не только «политику политиков», но и политику всего общества; не только политику с позиций силы, но и искусство политики [2, S. 17-18].

Таким образом, освоение предметного поля политической философии и смежных дисциплин открывает массу возможностей интерпретации элементов политической дифференции, а также конструирования

родственных концептов, призванных конкретизировать смысл феномена политического.

Особенности трактовки политической дифференции, присущие разным авторам, позволяют современным исследователям эксплицировать различные смысловые грани политического и проводить классификацию подходов к его пониманию. Так, в обзорном исследовании У. Брэклинга и Р. Фойстеля выявлены четыре измерения концепта «политическое» [5, S. 9-11]. Во-первых, политическое может пониматься в качестве специфической сферы социального, используя в данном смысле как синоним «политики». При этом политическое тесно сближается с государственным, а также с теми феноменами, которые обнаруживают влияние на государственные инстанции. Во-вторых, дискурс о политическом распространяется на специфические модальности человеческой деятельности или коммуникации, которые характеризуют или должны характеризовать сферу политики. Противоположными по отношению к политическому понятиями выступают в данном случае, согласно К. Шмитту, экономическое, эстетическое или моральное; в рамках концепции Х. Арндт – модусы труда (Arbeit) и создания (Herstellen). В-третьих, возможна трактовка политического, которая исходит из его временного измерения. Эсхатологические концепции используют в качестве отправной точки представление о кайросе, раскрывая политический момент, подобно В. Беньямину, в революционном «взломе континуума истории» [5, S. 10]. Другой вариант рефлексии политического из темпорального горизонта связан с актуализацией фигуры катехона (К. Шмитт), «удерживающего», который предотвращает пришествие Антихриста и наступление «последних времен». В-четвертых, концепту «политическое» свойственно наделенное позитивными или негативными коннотациями нормативное измерение. Политическое предстает тем самым в качестве гаранта (или, напротив, противоположности) моральных ориентаций. Насыщенность нормативными оттенками смысла обнаруживается и в дескриптивных концепциях политического [5, S. 11]. Иными словами, проблематичным является выстраивание его сугубо описательной модели: нормативный смысл феномена политического предполагает его предшествование по отношению к конкретным политическим практикам или режимам, а также критическое дистанцирование от ряда из них. Подобное понимание политического выводит его за рамки теоретического анализа, придавая ему ценностно-идеологическую нагруженность и прагматический смысл.

В исследовании Т. Бедорфа выделяются пять способов концептуализации «политического», причем предложенная автором классификация имеет немало точек пересечения с эксплицированными выше смысловыми гранями указанного феномена. Концепт политического в рамках данной классификации актуализирует такие смыслы, как нормативное измерение всех когда-либо реализованных форм политики (Х. Арндт); поле, на котором разыгрываются антагонистические конфликты (К.

Шмитт, Э. Лакло и Ш. Муфф); событие, прерывающее существующие политические порядки и учреждающее новые (Ж. Рансьер); принципиальная открытость, незавершенность пространства власти, предотвращающая редукцию политического к политике (К. Лефор); социальное событие, лежащее в основе конкретного политического порядка, открытое пространство возможностей сингулярностей в их множественности (Ж.-Л. Нанси) [3, S. 16-32], [4]. Примечательно, что в приведенной классификации также раскрывается нормативно-критический смысл концепта «политическое», возвышающий его над конкретными политическими практиками. Политика должна соотноситься с политическим как с эталоном, задающим ее нормативные рамки. Политическое, напротив, может вырождаться, опускаясь до уровня простой политики или вовсе рискует исчезнуть, как, к примеру, показывает Х. Арндт, при тиранических или тоталитарных режимах [3, S. 18].

Анализ нормативного измерения концепта политического выводит нас на его экстрафилософские смыслы. *Философское* исследование политического не может быть в полной мере свободно от собственно *политических* импликаций и вполне определенных прагматических задач.

Показательно, что в целом ряде исследований феномен политического отождествляется с феноменом демократии, который наделяется позитивными коннотациями [1], [5, S. 17], либо с конкретными политическими культурами (так, Э. Фольрат утверждает, что «все западные культуры суть политические культуры» [10, S. 12]). Аналитический потенциал политической дифференции Фольрат усматривает в том, что она позволяет проводить различие между «политически аутентичной формой политического» и его «извращенной формой», которая закрепляется за тоталитарными режимами. В определенной степени различие между подлинной, или «политической», и «неполитической» политикой [10, S. 34] призвано показать хрупкость политического и предотвратить угрозы существованию демократии. Тракуемая подобным образом политическая дифференция приобретает вполне ясные прагматические очертания, выходя за рамки сугубо теоретического описательного инструмента. Философское определение концепта политического, нагруженного нормативными и идеологическими смыслами, служит реализации недвусмысленно заявленной цели – обоснованию политической (не)подлинности отдельных политических режимов.

Согласно П. Рикёру, специфика политического представлена в двух антагонистических фигурах. С одной стороны, речь идет об аутентичной автономии политического, которая представлена в феномене демократии. С другой стороны, ей противостоит так называемое «зло политического» (*le mal du politique*), которое воплощено в тоталитаризме [10, S. 33]. Аналогичный ход мысли демонстрирует К. Лефор, по признанию которого разрабатываемой им концепцией политического он обязан опыту тоталитаризма [10, S. 34].

На наш взгляд, оппозиция демократии и тоталитаризма, соотносимая с политической дифференцией, может быть понята в качестве теоретического инструмента или наследия времен холодной войны. Не только концептуальный инструментарий политологии, отводящий демократическому режиму статус наиболее оптимального из всех возможных, но и средства анализа, которые используются современной политической философией, не лишены антагонистического заряда. Феномен политического осмысливается в горизонте альтернативного Другого, несущего угрозу. В ситуации краха биполярной модели международных отношений западная политико-философская мысль лишилась способа собственной легитимации, связанного с угрозами, исходящими от серьезного идеологического противника. Соответственно, в данной ситуации значимая задача политической философии сводится к обеспечению связи «между классическими доктринами и стандартными формами легитимации так называемого либерально-демократического государства» [1, с. 12]. Поворот западной теоретической мысли в сторону поисков новых форм демократии сопровождается очередным переосмыслением концепта политического.

Указанная проблема эксплицирована У. Бекком применительно к социологическому знанию: «не будет преувеличением сказать, что и социология после окончания холодной войны должна быть изобретена заново» [2, S. 12]. Бек заявляет о необходимости нового открытия политического после холодной войны, отождествляя эту задачу с изобретением «новых форм глобальной демократии» [2, S. 16]. Ученый выделяет два способа организации политического. Первый из них соответствует логике «или – или» (вспомним, в частности, знаменитую Шмиттову оппозицию друга и врага). Второй, неантагонистический способ организации политического, релевантный современной эпохе «рефлексивной модернизации», Бек обозначает союзом «и» (нем.: «und»). За этим союзом скрываются процессы утверждения нового, инклюзивного мирового порядка, который растворяет границы между «своим» и «чужим», растождествляет понятия политики и государства и предполагает включение индивидов в повседневную политическую практику. По мнению автора, центральными событиями, которые обеспечили возможность перехода к провозглашаемой им глобальной и диффузной эпохе, стали Чернобыльская катастрофа и падение Берлинской стены. Неожиданная для западных стран судьба альтернативных политических режимов («коммунизм ... исчез как кошмарный сон при пробуждении. Как сказка наяву» [2, S. 10]) спровоцировала ситуацию кризиса победы в холодной войне (Sieg-Krise). Победители, не готовые к столь быстрому и бескровному успеху, по инерции продолжают демонстрировать мышление в антагонистических категориях: «Мы живем совсем не в том мире, в каком думаем. Мы живем в мире “и”, а мыслим в категориях “или – или”» [2, S. 61]. В этой ситуации, согласно Беку, и возникает необходимость нового «изобретения политического», предполагающая радикальное обновление вокабуляра общественных наук.

Борьба за определение концепта «политическое», происходящая в символической сфере, открывает возможность утверждения критериев «подлинной» и «неподлинной» политики и влияния на сами политические процессы. Гегемония того или иного значения политического может пониматься как способ легитимации конкретных политических практик. Тем самым философское значение «политического» служит генератором целого ряда экстрафилософских смыслов и следствий.

Список использованной литературы:

1. Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия. СПб.: Machina, 2013. 192 с.
2. Beck U. Die Erfindung des Politischen. Zu einer Theorie reflexiver Modernisierung. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1993. 303 S.
3. Bedorf Th. Das Politische und die Politik. Konturen einer Differenz // Thomas Bedorf u. Kurt Röttgers (Hg.). Das Politische und die Politik. Berlin: Suhrkamp, 2010. S. 13-37.
4. Bedorf Th. Die politische Differenz und die Kontingenz der Ordnung // *Etica & Politica / Ethics & Politics*, XIII, 2011, 1, S. 46-56.
5. Bröckling U., Feustel R. Einleitung: Das Politische denken // Ulrich Bröckling, Robert Feustel (Hg.). Das Politische denken. Zeitgenössische Positionen. Bielefeld: transcript Verlag, 2010. S. 7-18.
6. Jaspers K. Die Atombombe und die Zukunft des Menschen. Politisches Bewusstsein in unserer Zeit. München: R. Piper & Co Verlag, 1958. 506 S.
7. Mouffe Ch. On the Political. New York: Routledge, 2005. 144 p.
8. Palonen K. Die jüngste Erfindung des Politischen: Ulrich Becks «Neues Wörterbuch des Politischen» als Beitrag zur Begriffsgeschichte // *Leviathan*. 1995. Vol. 23, no. 3, S. 417-436.
9. Schmitz H.-G. Die politische und die soziale Differenz: Überlegungen im Ausgang von Carl Schmitt, Chantal Mouffe, Paul Ricœur und Jacques Rancière // *ARSP: Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie / Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy*. 2010. Vol. 96, no. 2, S. 166-181.
10. Vollrath E. Was ist das Politische? Eine Theorie des Politischen und seiner Wahrnehmung. Würzburg: Königshausen und Neumann, 2003. 222 S.

БЕРЕНДЕЕВ В.А.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

РОЛЬ ЛЕО ШТРАУСА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ НА ЗАПАДЕ

В начале XXI столетия стала особенно ярко проявляться тенденция по глобальной универсализации экономического, социально-политического и

культурного бытия человечества. Вполне очевидно, что в основе данного процесса лежит геополитический курс возглавляющих «коллективный Запад» США и иных англо-саксонских стран, который имеет целью провести всеобъемлющую «вестернизацию» населения планеты. Причем, как показывает практическое осуществление указанной установки, ее сторонники не ограничивают свои действия не только установлениями международного права, но и какими-либо «классическими» правилами человеческого общежития.

Следует заметить, что эти и подобные им устремления ведущих западных акторов имеют достаточно глубокие идейно-теоретические истоки. Как представляется, они связаны со спецификой западного общественно-политического философствования эпохи Нового времени. Здесь, в частности, необходимо подчеркнуть, что в период «модерна» для либеральной политической философии Запада стала характерной так называемая «деполитизация». Последняя была ознаменована попытками радикально настроенных буржуазных идеологов подвергнуть «правовой и моральной дисквалификации» всех носителей «политического», которые могли бы выступить в качестве «врагов» либеральной демократии [6]. В нынешнее время тенденция по дискредитации сторонников социально-политической «классики», явно не вписывающихся в рамки формируемого западными элитами мирового «сверхгосударства», не только абсолютизировалась в политической философии, но и стала нормой в политической жизни. Примером этого может послужить ведущаяся против Российской Федерации «прокси-война», которая была начата «коллективным Западом» после осуществления им в 2014 г. государственного переворота на Украине.

Разумеется, что особый интерес в этой связи будут представлять соответствующие идеи западных мыслителей, тяготеющих именно к англо-саксонской политико-философской традиции. Как представляется, в данный момент здесь принципиально важную роль играют общественно-политические воззрения представителей идеологии «нового» консерватизма. Важно отметить, что под неоконсерваторами в первую очередь подразумеваются так называемые «неоконы», то есть наиболее последовательные «сторонники и идеологи современной внешнеполитической доктрины Америки – доктрины, направленной на утверждение превосходства США в мире» [4, с. 99, 108].

Как известно, «отцом неоконсерватизма» является немецко-американский политический мыслитель Лео Штраус (1899–1973), который, изначально будучи германским гражданином, в конечном счете предпочел переехать в США. В период своего проживания в Германии Л. Штраус получил блестящее образование в ряде ее классических высших учебных заведений. Во время своей университетской учебы он «познакомился с такими немецкими философами, как М. Хайдеггер, Э. Кассирер, Э. Гуссерль и К. Шмитт» [3, с. 13].

Одним из тех, кто помог Штраусу состояться в политической науке, был крупный политический философ и правовед Карл Шмитт (1888–1985). Именно последний помог получить Л. Штраусу столь необходимую ему стипендию Фонда Рокфеллера. Однако позднее пути этих мыслителей разошлись. Штраус уехал из Германии незадолго перед приходом к власти Гитлера, а оставшийся в «третьем рейхе» Шмитт попытался сделать юридическую карьеру, которая, впрочем, завершилась полным крахом по причине начавшихся против него гонений со стороны ряда функционеров нацистского режима.

Следует заметить, что К. Шмитт и Л. Штраус некоторое время весьма продуктивно сотрудничали на политико-философском поприще. Так, например, «Шмитт дважды редактировал свою программную работу “Понятие политического” в ответ на замечания Штрауса» [3, с. 13]. В частности, рецензируя это сочинение, Штраус указал, что «в центре критики либерализма Шмитта... стояло характерное для либерального мышления понятие “культура”, предполагающее функциональную дифференциацию общества модерна на автономные предметные сферы политики, экономики, культуры и религии, а самой сферы культуры – на самостоятельные области науки, морали и права и искусства» [2, с. 33]. По утверждению Штрауса, «Шмитт одобряет политическое, поскольку в ситуации угрозы видит серьезность человеческой жизни», однако не обращает внимания на то, что «одобрение политического, в конце концов, есть не что иное, как одобрение морального». Кроме того, он, «подобно либералам», «отождествляет мораль с гуманистической моралью», поскольку «“моральное” в понимании Шмитта – «это всегда “гуманно-моральное”». Именно поэтому Л. Штраус пришел к выводу, что «начатая Шмиттом критика либерализма только тогда может прийти к завершению, если удастся обрести горизонт по ту сторону либерализма» [2, с. 37]. Таким образом, в штраусовско-шмиттовском «споре об основах политического» следует согласиться с мнением, в котором приводится «предположение Штрауса», гласящее, «что главная интенция Шмитта в его критике либерализма заключается в его желании отстоять серьезность жизни против попыток либерализма свести все к экономике и развлечениям». Главное же «расхождение между Штраусом и Шмиттом заключается в том, искать ли оправдания серьезности жизни в политической теологии (Шмитт) или в классической политической философии (Штраус)» [2, с. 27].

Казалось бы, достаточно очевидно, что Л. Штраус, рассматривая шмиттовское «Понятие политического», выступил с критикой современного ему либерализма с консервативных позиций. Однако, как видится, последние не могут быть обозначены не только как условно «традиционалистские», но и как схожие, например, с умеренными, но вполне «консервативно-революционными» взглядами К. Шмитта. Кроме того, при изучении приведенных выше критических доводов Штрауса, создается впечатление, что он попросту попытался «вытравить» остатки действительно гуманного из

тогдашней западноевропейской консервативной политической мысли. Поэтому, думается, что штраусовский «новый» консерватизм требует максимально пристального рассмотрения.

Безусловно, что к заслугам Л. Штрауса как мыслителя следует отнести его актуальную и убедительную критику «отрицающих право политической философии на существование» позитивизма и историцизма, а также его требование «возвращения к классическому политическому рационализму» [7, с. 363–364]. Ценность последнего, по мнению Штрауса, заключается в том, что он «в качестве основной цели политической философии ставит познание истинной природы политических вещей и поиск наилучшего политического строя», а также позволяет «судить о политических вещах в терминах пригодности и непригодности», используя «для их понимания критерии справедливого и несправедливого» [7, с. 364]. Кроме того, в своей концепции Штраус обозначил четкое «различие между политической философией и политической теологией», понимая под первой то, что в области политического «доступно человеческому уму... без посторонней помощи», а под второй – «политические учения, основанные на божественном откровении» [7, с. 12]. Однако, став успешным секулярным исследователем политики, Л. Штраус не считал для себя возможным оставаться только лишь «светским» социально-политическим мыслителем.

Опираясь на соответствующие идеи ряда предшествующих ему классических философов, Штраус выступил с абсолютизацией «базовой» характеристики «человеческой природы», связанной им с разделением общества на «мудрецов» и «плебс». Исходя из данного положения, Штраус заявил о необходимости распространения в любом социуме «благородной лжи», которая подразумевает ограждение «большинства людей» от опасности соприкосновения с «истинным» знанием, носителями которого являются лишь «избранные» [10, с. 21–22]. Примечательно, что свой элитистский пафос Л. Штраус объяснял, в частности, тем, что «философия отвратительна народу», поскольку она «требует свободы от привязанности к “нашему миру”» [8, с. 109–110]. Кроме того, по мнению Штрауса, будет совершенно нормальным, если «истинное мнение мыслителя не обязательно соответствует тому, что он говорит в большинстве своих текстов» и не влечет «за собой полного консенсуса между всеми учеными» [10, с. 18].

Таким образом, думается, что было бы ошибкой рассматривать подобного «мудреца» только лишь в рамках границ познания, очерченных Штраусом для классического политического философа. «Избранный», в силу его причастности к некому «высшему» знанию, должен, по определению, тяготеть к обыкновенно скрытой от «непосвященной» публики той или иной «политико-теологической» традиции. Более того, он обязательным образом будет связан и с особой элитной группой, которую можно условно именовать «жрецами». Возможно поэтому настоящий «мудрец» должен вызывать благоговейный страх даже у властителей, которые не ограничивают свои действия законами и не считают нужным руководствоваться общепринятыми

правилами человеческого общежития. Так, Л. Штраус в этой связи многозначительно заметил, что «с точки зрения тирана мудрость, в отличие от храбрости и справедливости, есть нечто устрашающее» [9, с. 87]. Поэтому можно предположить, что Штраус считал истинными правителями именно «мудрецов», господство которых является незримым, но от этого не становящимся менее значимым, чем властвование известных обычным гражданам государственных деятелей.

Следует подчеркнуть, что свои симпатии к характерному для эпохи Античности «правлению лучших» Штраус старался перенести и на наше время. Он, например, апеллировал здесь к мнению классических политических мыслителей, которые «чаще всего не были сторонниками демократии», поскольку «их интересовала добродетель», а «бедняки или рабы не получали воспитания, необходимого для формирования добродетельного гражданина» [5, с. 11]. И если античный «высший человек» для Л. Штрауса – «это добродетельный гражданин полиса», то «в современных условиях» под таким индивидом им подразумевался аналогичный по своим качествам гражданин «национального государства» [5, с. 13]. Более того, несмотря на неодобрение Штраусом тирании в ее обыденном понимании, в его социально-политической концепции содержится легко читаемая «между строк» апологетика правления «добродетельного тирана» [9, с. 72–73]. Данная мысль представляется весьма интересной, если учитывать скепсис Л. Штрауса в отношении адекватности истолкования обновленным либерализмом «естественных» для западного человека демократических прав и свобод. В этой связи он, в частности, заявил, что «естественное право невозможно, если невозможно окончательное решение фундаментальных проблем политической философии» [8, с. 39].

Вполне закономерно, что эти и подобные им соображения Штрауса, шокировавшие западного обывателя, «навлекли» на этого философа «обвинения не только в “антидемократизме”, но даже в “антиамериканизме”» [5; с. 13]. Тем не менее, уже более полувека политико-философское наследие Л. Штрауса достаточно активно используется американскими неоконсерваторами в целях «упрочения своей идеологии» [4, с. 98].

Собственно идейно-теоретическое влияние штраусианства на англосаксонских «неоконов» можно свести к нижеследующим пунктам. Во-первых, здесь необходимо упомянуть характерное для философии Л. Штрауса «стремление к абсолюту, целому и универсальному», а также «поиск единой истины и желание обнаружить ее во всем, что касается политики». В частности, американские неоконсерваторы сочли «такой истиной либеральную демократию» и решились «на ее внедрение или перенесение в государства с недемократическим режимом правления» [4, с. 99]. Во-вторых, сюда следует отнести «снятие Штраусом конфликта между религией и наукой, “разумом и откровением”», которое выглядело привлекательным для «молодых неоконсерваторов, многие из которых

исповедовали троцкистскую версию коммунистического учения» [4, с. 99]. Наконец, в-третьих, «неоконов» весьма привлекало отношение штраусианства к «эзотерике». Л. Штраус особо отмечал, что великие мыслители во все времена не только выдвигали «эзотерическую» концепцию, но и создавали «“эзотерическое”, или истинное, учение, которое скрыто от глаз рядового читателя». Неоконсервативным властителям здесь очень импонировало утверждение о том, «философ и вообще “благородный муж”, причастный к политике, не только может, но и должен обманывать своих соотечественников, не делясь с большинством из них печальными выводами своих размышлений» [4, с. 99].

Однако, несмотря на достаточно конкретное практическое применение американскими «неоконами» идейно-теоретического «арсенала» штраусианства, более или менее единое понимание значения последнего для современной политической философии пока отсутствует. Например, дискуссии «о роли и влиянии» Штрауса «на развитие американской политической мысли» делятся уже десятилетиями, а сам он предстает в глазах исследователей его политико-философского наследия в диаметрально противоположных образах: «от “тайного теоретика национал-социализма” до “сиониста”, от защитника морали до имморалиста» [3, с. 13]. В конечном же счете, здесь, как думается, следует согласиться с утверждением, что «ключ к верному пониманию философии Штрауса» надо искать в основополагающих трудах Ф. Ницше [3, с. 19].

В любом случае, независимо от нюансов псевдоклассического философствования Л. Штрауса, его, по сути, неоницшеанская концепция вполне может считаться учением, предвещающим широкое распространение «постмодерна» в политической мысли Запада. Как представляется, именно в целях сокрытия отхода штраусианства от канонов классической политической философии ранние «неоконы» и начали свою критику современного им западного социума. В частности, они, якобы защищая «принципы либерально-демократического общества», совершали демонстративные «нападки на так называемые мультикультурализм и постмодернизм», используя при этом все возможности «социальных наук и других академических дисциплин» [1].

Таким образом, следует констатировать, что в эпоху постоянно прогрессирующей «постсовременности» главными адептами штраусианства являются возглавляющие «коллективный Запад» неоконсервативные англосаксонские элиты. Они безоговорочно полагают себя единственными носителями как «истинного» политического, так и «сакрального» знания. Эти властители, вслед за восхваляемыми в работах Л. Штрауса античными теоретиками «правления лучших», не только придерживаются идеи действительности демократии исключительно для «избранных», но и выступают как весьма последовательные практики подобного «антидемократизма».

Уже начатое «неоконами» построение нового, «гуманного», с их точки зрения, «глобального общества» будет лишь способствовать оформлению еще не виданной человечеством мировой диктатуры. Последняя замышляется англо-саксонскими неоконсерваторами как «благожелательная гегемония» некоего «града на холме», которая позволит всему населению планеты обрести наилучший социально-политический строй. «Демократический транзит» в той или иной «отсталой» стране может осуществляться как посредством «бескровного» захвата в ней власти так называемой «пятой колонной», так и вторжения в нее вооруженных сил «свободного мира».

Кроме того, в условиях завуалированной «отмены» штраусианцами демократических прав и свобод человека, все, кто станут пытаться противодействовать воплощению в жизнь нынешних идеалов Западной цивилизации, будут гарантировано поставлены «вне закона». Проецирование же на сферу межгосударственных отношений штраусовской идеи «добродетельной тирании», соединенной с характерным для англо-саксонских властителей правовым нигилизмом, позволит, при необходимости, извлечь из-под «эгиды» международного права любой отличный от либеральной демократии политический режим.

Важно отметить, что успех данных устремлений «правлящих кругов» Запада обеспечивается глубоким погружением в социально-политический «постмодерн» большинства нынешних представителей «Фаустовской» цивилизации. Поэтому население западных стран, как правило, не замечает деструктивного воздействия на свое сознание штраусианских химер социально-культурного и этического релятивизма, квазиаристократичности, а также ложной добродетельности. Именно интериоризация последних и предопределяет достаточно легкое отыскивание современным нам «фаустовским» человеком оправданий для любых, даже откровенно преступных, действий «мирового правительства».

Разумеется, что вышеуказанная политика нынешних властителей Запада не может не вызывать противодействия традиционалистски настроенных акторов, представляющих «остальной» мир. Думается, что наиболее ярким примером неприятия штраусианской «гегемонии» англо-саксонских стран является начатая Россией на территории Украины «специальная военная операция».

Список использованной литературы:

1. Xenos N. Leo Strauss and the Rhetoric of the War on Terror [Электронный ресурс]. URL: <http://www.logosjournal.com/xenos.htm> (дата обращения: 10.01.2023).
2. Дмитриев Т.А. Спор об основах политического: Лео Штраус versus Карл Шмитт // Социологическое обозрение. Т. 11. № 3. 2012. С. 26–40.

3. Мишури́н А.Н. Знание и власть в политической философии Лео Штрауса: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Мишури́н Александр Николаевич; [Место защиты: Институт философии РАН]. М., 2014. 139 с.
4. Павлов А.В. Прагматичные наследники политической философии Лео Штрауса // История философии. № 13 / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. И.И. Блауберг. М.: ИФРАН, 2008. С. 98–109.
5. Руткевич А.М. Предисловие. Политическая философия Л. Штрауса // Штраус Л. О тирании / Пер. с англ. и древнегреч. А.А. Россиуса, пер. с франц. А.М. Руткевича. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. С. 7–37.
6. Шмитт К. Понятие политического (Текст 1932 г.) // Шмитт К. Понятие политического: Сборник [Электронный ресурс]. URL: <https://djvu.online/file/jqgtebU7vCtHJ> (дата обращения: 10.01.2023).
7. Штраус Л. Введение в политическую философию / Пер. с англ. М. Фетисова. М.: Логос, Праксис, 2000. 364 с.
8. Штраус Л. Естественное право и история. М.: Водолей Publishers, 2007. 312 с.
9. Штраус Л. О тирании / Пер. с англ. и древнегреч. А.А. Россиуса, пер. с франц. А.М. Руткевича. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 328 с.
10. Штраус Л. Преследование и искусство письма // Социологическое обозрение. Т. 11. № 3. 2012. С. 12–25.

БУГАЕВСКАЯ Н.В.

Тульский государственный университет, г. Тула, Россия ВЗГЛЯДЫ АРИСТОТЕЛЯ НА ПРИРОДУ КОРРУПЦИИ И МЕРЫ, ОБРАЗУЮЩИЕ АТИКОРРУПЦИОННУЮ ПОЛИТИКУ ГОСУДАРСТВА

В современном обществе среди многих проблем, связанных с противодействием преступности, особое место занимает борьба с коррупцией и её проявлениями в виде коррупционных преступлений. Такие преступления создают и накаляют напряжённую обстановку в обществе, подрывают стабильность функционирования органов публичной власти.

Коррупция, к несчастью, является неотъемлемой частью государственных институтов власти, уходящим в глубину веков. Как социально-негативное явление коррупция появилась с момента начала функционирования управленческого аппарата и была присуща всем государствам в любые периоды их развития. От древности и до современных времен коррупция разъедает аппарат власти в государствах, пронизывая все его сферы, тормозя развитие и создавая тревогу у граждан.

В России состояние коррупционной преступности и её предупреждения оставляет желать лучшего. Так, по данным МВД РФ за январь-июль 2022 г. было зарегистрировано 24,6 тыс. преступлений коррупционной направленности, большинство из которых (13,2 тыс.) составляет

взяточничество, то есть получение взятки (3946), дача взятки (3164), мелкое взяточничество (4963), посредничество во взяточничестве (1179)[1].

Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» дает представление о видах и формах коррупционного поведения, указывает на принципы и меры антикоррупционных мероприятий, проводимых государством, но не дает определения антикоррупционной политике, как и не останавливается на признаках коррупционных правонарушений и преступлений [2]. Но все же в российской правовой традиции он стал первым актом, который обобщил весь предыдущий опыт борьбы с коррупцией и аккумулировал всю многовековую историю мировоззренческих позиций, ставших философской основой для появления подобных правовых регуляторов.

Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы» предусматривает меры совершенствования антикоррупционной политики и осуществления конкретных антикоррупционных мероприятий. В частности, указывается на необходимость повышения эффективности образовательных и иных мероприятий, направленных на антикоррупционное просвещение и популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов [3]. В виду этого считаем, что ретроспективный анализ философских концепций о коррупции и противодействии ей является опорой для такой деятельности.

Немаловажный вклад в учение о справедливом устройстве общества и государства внес великий древнегреческий философ Аристотель.

Осмысление устройства государства и его жизнеспособности в связи с феноменом коррупции мы находим в значимых трудах Аристотеля, таких как «Политика», «Евдемова этика». В них философ раскрывает роль правового регулирования в государственной политике и важность сочетания права с морально-нравственными устоями общества и морально-нравственными принципами отдельных представителей общества – носителей власти. По Аристотелю, высшей добродетелью является справедливость, любое попираание справедливости является порочным: «справедливое – это законное и равное, а несправедливое – противозаконное и неравное» [4, с. 109].

Коррупция соответственно является нарушением законов полиса, она приводит к вырождению государства, может служить причиной его гибели. При этом Аристотель указывает, что «почти все установленное законом подпадает под понятие добродетели в целом, ибо законы предписывают все виды добродетели и запрещают пороки» [4, с. 115]. Несправедливые законы рождаются под влиянием порочных правителей в неидеальных формах государства.

Причиной коррупции Аристотель называет порочность отдельных граждан, которые являются носителями власти. Они поддаются соблазну алчности и корыстолюбия, поэтому целью их деятельности уже является не общее благо, а личные корыстные интересы и устремления. В виду этого

философ считает, что неразумность представителей власти требует контроля, и прежде всего гражданского контроля – со стороны среднего класса. Для преодоления продажности управленцев Аристотель также предлагает не допускать занятия одним и тем же гражданином нескольких должностей, также как и долговременное пребывание на должности одного и того же лица [5, с. 451].

Как известно, Аристотель определяет идеальные формы справедливого государственного устройства, а остальные считает отклоняющимися. Современные ему государства он также считает неидеальными, а значит коррумпированными. Монархия как власть одного лица, аристократия – правление немногих, полития, напротив, правление многих, представляют собой правильные формы государственного устройства, которые направлены на достижение общественной пользы. Тирания, олигархия и демократия, определяемые также по тому же критерию правлением одного, немногих и многих, наоборот, не направлены на достижение общественного интереса, а значит, власть осуществляется в узких, собственнических корыстных целях правителей. Таким образом, Аристотель определяет идеальным то государство, в котором отсутствует коррупция, так как в нем наличествует компромисс между личным и общественным, удовлетворение общественных интересов является заботой правителей и приоритетом государственной политики. Коррупцирование и деградация государства происходит на основе моральной деградации управленцев как постепенное утверждение индивидуального интереса и отступления от приверженности общему благу [7, с. 192]. Философы-правители в лучших формах государства хотя и связаны формализмом законов, но должны рассматривать существо решаемого вопроса, тогда как для обычных правителей в неидеальных формах правления закон является сдерживающим фактором их эгоизма и стремления к личной выгоде и наживе, а значит, к коррупции.

Значимость данных философских выводов Аристотеля состоит в том, что им антикоррупционная политика определяется как такие методы и меры, принимаемые аппаратом власти, которые нацелены на достижение общественно полезных целей, идеала справедливости и общего блага. Вместе с тем, как считает мыслитель, и правители должны быть мудрыми и не сосредоточенными на личных корыстных устремлениях.

Проводя параллель с сегодняшним днем, мы можем сказать, что любое коррупционное преступление определяется как дисбаланс между личным и общим благом, выражающийся во вреде человеку, обществу или государству. Так, злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации) как одно из коррупционных преступлений совершается вопреки интересам службы по мотиву корыстной или иной личной заинтересованности. Интересы службы понимаются как цели и задачи, стоящие перед конкретным органом или учреждением, где работает или служит должностное лицо, но в целом, это интересы общества, конкретного человека, во имя которых осуществляет свою деятельность

государственный (муниципальный) служащий. Да и в самом определении коррупции в законе федерального уровня коррупция, кроме прочего, понимается как использование должностного положения в целях получения имущественной выгоды [2].

Верховенство закона, также признаваемое Аристотелем для лучших правильных форм правления, в настоящее время признается одной из характерных черт правового государства, что также является одной из норм для современного российского государства, определяющих его конституционно-правовой статус (ст. 1 Конституции РФ). Однако Аристотель здесь также подчеркивал необходимость совершенствования самого содержания законов наряду с их верховенством, что также должно согласовываться с общим благом. Таким образом, античный философ подчеркивает необходимость соединения правовых и моральных норм во благо всеобщего процветания [6, с. 24].

Суждения Аристотеля, несмотря на прошедшие века, являются весьма актуальными, так как проблема коррупции не искоренена, хотя пути ее преодоления были указаны им еще в далекой древности. Прогрессом в данном направлении является то, что не только философия, но и современная правовая регламентация признает необходимость борьбы с коррупцией и указывает на пути и меры противодействия ей, однако, серьезная работа на данном пути необходима. Государство, опираясь на выработанную стратегию преодоления коррупции, должно неустанно искоренять социальные факторы, способствующие возникновению и существованию коррупции, и устанавливать этические ориентиры противодействия этому негативному социальному явлению.

Список использованной литературы:

1. Состояние преступности в Российской Федерации // URL: <https://komiss-korrup.ru/статистика-по-коррупции-в-россии-2022/> (дата обращения: 06.01.2023).
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 275-ФЗ «О противодействии коррупции» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 06.01.2023).
3. Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402519978/> (дата обращения: 06.01.2023).
4. Аристотель. Евдемова этика / пер. с древнегреч. Т.В. Васильевой, Т.А. Миллер, М. А. Солоповой. М.: ИФ РАН, 2005. 448 с.
5. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 376-644.
6. Бурмакин В.М. Проблема формирования антикоррупционных мер в философской ретроспективе (Платон и Аристотель) // Вестник Московского

государственного областного университета. Философские науки. 2019. № 3. С. 18-24.

7. Цырендоржиева Д.Ш., Лугавцов К.В. Социально-философское осмысление феномена коррупции в трудах Платона и Аристотеля // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 10-2(84). С. 191-193.

ГОЛУБЧИКОВ Ю.Н.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация

ДВА МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Два догмата. В современном мире соседствуют и противостоят два фундаментальных мировоззрения: науки и веры. Зиждятся они на двух диаметрально противоположных догматах. В основу современной науки положен фундаментальный догмат о случайности. Возникновение мироздания, жизни и человечества трактуется наукой как результат действия очень долгих, но абсолютно слепых сил, а в самом мироздании не усматривается ни величия, ни красоты, ни предназначения.

В основу религии выдвинут телеологический догмат (telos – по-гречески «цель»). Пытливый ум повсюду видит, что неживая материя служит живой, а та, в свою очередь, – человеку. Почему падает камень на землю? Потому что существуют сила и закон гравитации, под их действием он и падает - отвечает наука. Потому что для человека надо, чтобы тяжёлое было внизу, а легкое наверху – отвечает телеология. Для того и существует закон гравитации. Он, как и все законы физики, хотя лежит за пределами материального мира и управляются непонятными для нас способами. Законы природы тоже телеологичны и имеют свои неведомые нам цели. Они точны, изящны и лаконичны, расположены за пределами материального мира.

Ученые много пишут о случайности и хаотичности исторического процесса, о роли личности и народных масс в его ходе, о приоритете социальной нестабильности, случайности, неопределенности, беспорядке, многообразии возможностей. В религии, напротив, считается, что истории присущи смысл и цель. Потому введение телеологического принципа в познание и позволяет объяснить гигантские объёмы фактов. «А это необходимее всего в истории, где ни одно событие не брошено без цели» - провозглашал великий Гоголь [8, с. 37].

Иммануил Кант пояснял, казалось бы, очень индивидуальны и часто случайны выборы и поступки людей. Но обуславливая рождения и смерти, браки, они осуществляют некие законы природы и ведут человечество к неведомой ему цели. Предполагать при этом у отдельного человека наличие разумной цели, по Канту, не приходится «все в целом соткано из глупости, ребяческого тщеславия, а нередко и из ребяческой злобы и страсти к разрушению [12, с. 7]. Но невероятный ряд поколений обнаруживает некую общую для всего человечества разумную цель истории.

Пафос науки в прогрессе и эволюции от меньшего к большему, от малого к великому. В религиозных построениях вырисовывается обратная прогрессу картина инволюции, деградации и угасания. Высшее не может появиться из низшего, большее из меньшего, сложное из простого. Из ничего не появляется нечто. Порядок прямо противоположен хаосу и может в него только обращаться, но никак из него не происходить. Сам греческий

корень «косм» означает «порядок». Считается, что Пифагор назвал систему светил космосом, что означает мироздание, устроенное в строгом порядке в соответствии с законами математики.

Два ключа к доисторическому прошлому. Зияющее расхождение между религией и наукой существовало не всегда. Лет 200 назад они успешно дополняли друг друга. Геологические изыскания учёных тех лет сливались с телеологическими. Такие геологи как Буклэнд, Конибер, Седжвик даже являлись лицами духовного звания [15, с. 56].

Настоящее у ученых тех лет характеризовалось фундаментальным разрывом с прошлым. В прошлом господствовали процессы креации (созидания). Современной эпохе более свойственны процессы разрушения («антикреации»). Ключом к прошлому служила окаменелость. Современные процессы быстрого распада организмов не позволяют накопиться каким-либо окаменелостям. А между тем, большая часть окаменелостей представлена беспозвоночными животными, не имевшими твердых скелетных форм, (различные медузы и насекомые), которые часто ничем не отличаются от современных форм.

Решающую роль в формировании лика Земли отводили тогда катастрофической силе воды. Главным событием прошлого считали описанный в Библии и в преданиях народов всего мира Всемирный Потоп. К наиболее его очевидным свидетельствам относили раковины морских моллюсков на вершинах Альпийских, Апенинских и Пиренейских гор и гранитные валуны на северных равнинах Европы, перенесённые из Фенноскандии.

В 1830 году 33-летний юрист Чарльз Лайель (1797-1875) начинает публиковать трехтомник под названием «Основные начала геологии, или попытка объяснить древние изменения Земли действующими и сейчас процессами». В нем Лайель выводил, что «ключом к познанию прошлого является современность». Все геологические процессы и явления в прошлом были такими же, что и сейчас. Образование форм рельефа и отложений, относимых к потопным, стали объяснять действием медленно наступавших и отступавших огромных ледовых покровов.

За отрицанием катастрофизма проглядывало не просто желание представить с новой научной точки зрения историю Земли. Подлинной целью этих творений было создание теорий альтернативных библейским [17]. С разрушения предания о Потопе открывалась возможность подвергнуть сомнению все христианское мировоззрение и дискредитировать связанное с ним устройство христианских государств. А то и вовсе разрушить их.

Идеология науки. В.И. Вернадский писал: «Геологические науки в XIX в. заставили и религию, и философию силой логики и жизненных приложений склониться перед научным фактом и переделать свои построения» [6, с. 236]. И те склонились. Даже в православии утвердилась ересь сциентизма и распространились воззрения, что если Бог столь

всемогущ, то вполне мог попустить и эволюцию. Человек в ней своему происхождению обязан обезьяне. Но тогда и именуйтесь обезьянопоклонниками, господа хорошие, поскольку в православии человек выводится от Адама.

Только в науке «идеология определяет, что является фактом, а что – нет» [9, с. 32]. Точнее говоря, идеология определяет какие теории и парадигмы являются правильными. А они уже по своему интерпретируют факты. Сама же по себе «теория не следует из фактов, так как из них вообще ничего не следует, они ни на что не указывают, ни о чем не говорят... На одни и те же факты с успехом могут наложиться различные теоретические объяснения, в силу чего в науке на протяжении всей ее истории конкурируют противоположные идеи, концепции и картины мира» [10, 2018].

На деле учёные хорошо знают на какой стороне надо пребывать. Во время пандемии они все выступают за прививки. Потому что будешь против, не опубликуешь. Еще более непримирима идеология в отношении трактовок некоторых исторических событий. Противоречащие сведения не просто отвергаются как неприемлимые, но даже преследуются. В итоге, исследователь не открывает прошлое, а формирует его так, чтобы не создавать себе излишних проблем. Хотя казалось бы в России как нигде должен быть иммунитет от подобных запретов с пониманием их неизбежной отмены.

Две онтологии. Ещё в эпоху мрачного Средневековья человек ощущал себя в центре Вселенной. Ради него зажигались звезды, вращалась Луна, восходило и заходило Солнце. Онтологический статус человека был даже выше статуса Вселенной. Он был центром, смыслом и целью мироздания, обвораживающим соединением совершеннейших из форм и материй. Его душа ценилась выше всех царств мира. Сам же человек в своих лучших порывах стремился к согласию своих стремлений с природой, Вселенной и их божественными законами.

Затем Коперник, Кеплер, Галилей переместили центр Вселенной от Земли к Солнцу и утвердили его там. Сегодня мы даже не знаем где этот центр. Он стал нам не нужен. «Увеличивая мир до чрезвычайных размеров, новое научное мировоззрение в то же время низводило человека со всеми его интересами и достижениями – низводило все явления жизни – на положение ничтожной подробности в космосе» [5, с. 247].

По словам российского православного философа Виктора Аксючица: «Тот образ вселенной, которым так гордится наука (“мир—автомат”, “вселенная—заведенные часы”), — это образ ада... Бесконечный круговорот вещества, существование по застывшим неизменным “законам” лишены цели, а значит, и смысла, а бессмысленное прозябанье — это одна из форм небытия» [1, с. 377].

И чем эта модель и интерпретация мира ближе к истине, чем отвергнутая телеологическая? «В частности, в решении вопроса, является ли Земля результатом слепого действия физических законов или её развитие

подчинено некоторой конечной цели, например, цели стать вместилищем человеческой цивилизации», – замечал замечательный российский географ А.Д. Арманд [2, с. 3].

Если из современного учебника физики – науке о природе – убрать жизнь, учебник никак не изменится. Тем более нет в нем места человеку и человечеству. Отдельные жизни, особенно героические, могут иметь смысл и цель. Если только они за нас, разумеется. Но у жизни в целом смысла нет.

А это две диаметрально противоположные идеологии и даже онтологии. Или все вращается ради нас. Или мы несёмся на хаотической пылинке в океане космоса, в океане смерти, на краю бездушной эволюционирующей Вселенной. От главенства этих онтологий зависит не только образовательная модель, но и мораль, и само счастье человечества.

Воззрения великих мыслителей прошлого о телеологичности мироздания к середине XX века представлялись уже окончательно преодоленными. Прогрессивная наука окончательно восторжествовала над мракобесием. Как вдруг с 1970-х годов выясняется, что важнейшие законы физики задаются 9 фундаментальными константами. К ним относятся гравитационная постоянная всемирного тяготения, заряд и масса электрона, константа, обратная скорости света. Каждая из них выглядит случайной, не связанной с другими, казалось, могла бы иметь иные значения. Но каждый раз оказывалось, что не только эти константы, но и их соотношения критически важны для существования нашего мира. К концу 1980-х гг. указывалось уже на 30 таких констант, затем на 70, сегодня их насчитывается 200 [13].

Даже небольшое мысленное варьирование одной из констант приводит к потере устойчивости всей Вселенной. Она станет не какой-то иной, подходящей, допустим, для другой материи, а в принципе теряющей физический смысл. Протон тяжелее электрона в 1836 раз. Если это соотношение станет чуть другим, то или электрон упадет на протон и весь мир развалится в пустыню водорода или напротив, электрон оторвется от протона и все превратится в ещё нечто худшее [16]. Только при этом подборе констант у Вселенной могут существовать наблюдатели, как физики именуют людей. А без наблюдателей не было бы Вселенной. Некому было бы ее видеть и слышать. Это открытие получило название антропного принципа.

С утверждением антропного принципа человек вновь возносится в центр Вселенной и в определённом смысле становится её «автором». Среди величайших тайн Вселенной все более высвечиваются: «Откуда появился человек, есть ли душа или её нет? Если есть – бессмертна ли она или смертна? Живет ли она один раз, как утверждает христианство, или перевоплощается множество раз в различных телах? Как связана душа с телом? Есть ли судьба? Связана ли судьба человека с точным временем и местом его рождения? Как на судьбу человека влияют небесные тела? Можно ли заглянуть в будущее человека? Что такое предвидение, на чем оно

основано?» – резюмирует выдающийся исследователь творчества философов М.В. Бахтин [3, с. 8]. Идет становление человековедения. Выстраиваются принципы построения нового полидисциплинарного комплекса – антропономии (науки о человеке) [11].

Казалось бы, давно преодолённый телеологизм, вновь обретает свою полноту и направленность. Снова проявляется некий план по которому соткана материя Вселенной. Жизнь в свете антропного принципа высветилась не «способом существования белковых тел», а тем, священным, что упорядочивает космос. «Это значит, что физика есть не что иное, как подножие биологии, и самостоятельного значения она не имеет» [13]. На религиозном языке антропный принцип был известен всегда и именовался Божьим промыслом о человеке.

Ещё полвека назад доктрины происхождения жизни на Земле из неживой материи, а человека из животных, для многих выглядели блистательными открытиями, навсегда обретенными человечеством. Тогда ничего не было известно ни о тончайшей юстированности Вселенной под человека, ни о сложности клетки, ни целенаправленной цепочке генетического кода. Мир мог вполне быть сведён к механической модели.

Сегодня те мифы науки вчерашнего дня уже не считают серьёзными. Мироздание перестаёт быть понимаемым с точек зрения редукционизма, эмпиризма, актуализма, атеизма, позитивизма, механистического материализма. Открывшаяся антропность мироздания аппроксимируется скорее мегакомпьютером с его программами настроенными на пользователя, которые включаются при правильно построенных запросах. Испокон веков эти запросы именовались молитвами.

О новой идеологии. Поскольку в основу научной идеологии положен фундаментальный догмат о случайности, то антропный принцип в общем-то не считается истиной и его пытаются если не сокрушить, то хотя бы маргинализировать. Игнорируют, обходят, не упоминают. На противоречащие механистическому и редукционистскому мнения навешиваются ярлыки умственно отсталых или научно неразвитых. А был бы телеологический догмат положен в основу науки, то ключом к научному познанию мироздания стал бы антропный принцип. Им бы открывался учебник физики.

В постатеистической России люди ищут Бога через науку. «Физики без метафизики нам не хватает, но и метафизика без физики нам не нужна» [7, с. 210-211]. А в ответ им заученно твердят: «Научно только исследование, не допускающее существование Бога, потому что исследование, допускающее существование Бога, ненаучно». Сегодня нужен прорыв ко многим мировоззренческим моделям, в том числе альтернативным и полярным, устоявшимся.

Но и церковная организация не должна оставаться лишь «приютом для усталых и отсталых». Ещё русские религиозные философы XIX–начала XX веков говорили о необходимости принципиального обновления Церкви.

С.Н.Булгаков писал: церковная ограда должна вместить в себе не только дом для инвалидов, но и рабочую мастерскую, и учёный кабинет, и художественную студию. Так должна вновь возродиться церковная жизнь» [4, с. 347-348].

Актуальным становится конструирование новой идеологии, способной стать путеводной звездой для многих сердец. Выстраивать ее придется в духе антропокосмичности. Водворяя человека в центр Вселенной, она умиротворяет и повышает уровень нравственного и интеллектуального здоровья. Можно надеяться, что на этой основе возможен долгожданный переход к духовному возвышению.

Список использованной литературы:

1. Аксючиц В. В. Гибель богов натурализма. Пределы науки и фиаско научного мировоззрения. М., Берлин : Директ-Медиа, 2018. 293 с.
2. Арманд А.Д. Эксперимент «Гея». Проблема живой Земли. М.: Сирия Садхана, 2001. 92 с.
3. Бахтин М.В. Человек в поисках себя: очерки антропологических и этических учений. Том I. Античность и Средневековье. Рагуза, 2022, 470 с.
4. Булгаков С.Н. Церковь и культура // Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997.
5. Вернадский В.И. Проблемы биогеохимии // Труды Биогеохимической лаборатории, Т. XVI. М.: Наука, 1980. 320 с.
6. Вернадский В.И. Пространство и время в неживой и живой природе // Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. С. 210-385.
7. Генис А. Культурология. М.: У-Фактория, 2003. 544 с.
8. Гоголь, Н.В. Статьи // Избранные сочинения. Том VI. М.: Художественная литература, 1986. – 544 с.
9. Горкин А.П. О релятивизме экономической географии (объективные и субъективные аспекты) // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития / Под ред. Г. Дружинина, В. Е. Шувалова/ Материалы Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 4-8 мая 2010 г.). – Ростов-н/Д, 2010. С.32-36.
10. Гусев Д.А. Религия, атеизм и наука: интерпретации взаимодействий и эвристических возможностей (в историко-философском и общетеоретическом аспектах) // Вопросы философии. 2018. № 6.
11. Зеленев Л. А., Владимиров А. А. Антропономия: интегральная наука о человеке. Нижний Новгород, 2011. 141 с.
12. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с. (Серия История эстетики в памятниках и документах).
13. Ланца Р., Берман Б. Биоцентризм. Как жизнь создает Вселенную. СПб.: Питер, 2015. – 224 с.
14. Загадка «Антропного» принципа // Православная беседа, №3, 1996 г. / Фиолетов Н.Н. Очерки христианской апологетики. М.: Братство во Имя Всемилолюбивого Спаса, 1992. 192 с.

<https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/ocherki-hristianskoj-apologetiki/>

15. Хэллем Э. Великие геологические споры. М.: Мир, 1985. 315 с.

16. Barrow J.D., Tipler F.J. The Anthropic Cosmological Principle. Oxford University Press, 1986, 706 p.

17. McLean G. S., Koch E.E. Oakland R. and McLean L. The Evidence for Creation: Examining the Origin of Planet Earth. Full Gospel Bible Institute, 1989, 192 p.

ДУПЛИНСКАЯ Ю.М.

Саратовский государственный технический университет
имени Гагарина Ю.А., г. Саратов, Российская Федерация

«КТО ВИНОВАТ?»: ТРАДИЦИОННАЯ ТЕМА ПОЛИТИКИ МЕЖДУ МИКРОФИЗИКОЙ ВЛАСТИ И КОНСПИРОЛОГИЕЙ

В сознании русского человека вопрос «*Что делать?*» обычно идет в связке с другим вопросом: «*Кто виноват?*». Оба эти вопроса, как известно, дали названия одноименным произведениям русской классической литературы: соответственно, Н.Г.Чернышевского и А.И.Герцена. В рамках, опять же, литературной традиции противоположная позиция, как известно, артикулируется в романе Л.Н.Толстого «Война и мир». Так, Толстой полагал, что считать Наполеона инициатором или руководителем войн с европейской коалицией столь же наивно, как и убеждение дикарей, которым «фигура, вырезанная на носу корабля», представлялась «силою, руководящею кораблем». Наполеона, как и других великих исторических деятелей, Л.Н.Толстой уподобляет детям, которые, «держась за тесемочки, привязанные внутри кареты», наивно думают, что они правят каретой [4, с. 285]. После всего этого прямо-таки напрашивается следующий вопрос. *Кто же, в таком случае, на самом деле «правит каретой», за «тесемочки которой» в данном метафорическом образе держится Наполеон (как и любой другой известный исторический деятель)?*

В философской традиции данная проблематика получает развитие в рамках альтернативных версий. С одной стороны, это - тема власти скрытых *анонимных сил*. С другой стороны, - тема «тайной власти» *метаисторических сил*. Если концепции скрытой власти сил анонимных отсылают к *безличным* и независимым от воли субъекта законам функционирования сложных систем, то концепции сил метаисторических усматривают тайное влияние *скрытых субъектов или сверхсубъектов* (как человеческих, так и сверхчеловеческих), которые стоят за кулисами сцены видимых исторических событий и деятельности известных политиков.

Тема власти анонимного впервые была поставлена в рамках *теории отчуждения*. Теория отчуждения наиболее отчетливым образом артикулирована в трудах Г.Гегеля, Л.Фейербаха и К.Маркса. Кратко изложим суть теории отчуждения в ее марксистской версии. Под отчуждением здесь

понимается феномен, когда результаты человеческой деятельности: а) выходят из-под контроля человека; б) начинают развиваться по своим собственным законам, не зависящим от воли человека; и, наконец, в) поработают самого человека. Итак, отчуждение – это господство над человеком результатов его же собственной прошлой деятельности. В результате отчуждения силы, порожденные человеком, приобретают форму анонимных, то есть безличных сил, а человек утрачивает роль субъекта и превращается в *персонификатора* некоего безличного механизма. Термин «персонификатор» происходит от греческого слова «персона», что означает «маска». Если субъект является инициатором деятельности, то персонификатор – это лишь «квазисубъект», то есть человекообразная маска, надетая на действия безличного механизма.

Примером отчуждения, опять же, в марксистской версии, является господство над человеком сферы материального производства. Все компоненты материального производства (товары, деньги и т.д.), разумеется, создаются людьми. Но капитал имеет свою собственную логику функционирования, не зависящую от желания и воли человека. Это – логика движения по замкнутым циклам с необходимостью самовозрастания. В этом движении все: от первого олигарха, до последнего рабочего, - являются лишь персонификаторами, - винтиками функционирования некоего безличного механизма.

Позже, в более продвинутой версии современных теорий самоорганизации, логика такого движения описывается как появление *петель обратной связи* в саморегулирующихся системах. В этом контексте, от социально-политических проектов *организации* логично перейти к проектам *самоорганизации*; от *регулирования* к *саморегулированию* системы. И, соответственно, от вопросов, типа «кто виноват?» и «с кого спрашивать?» - к математическим закономерностям функционирования сложных самоорганизующихся систем. Вот, к примеру, одна из математических закономерностей самоорганизации. Самоорганизация системы становится возможной лишь в том случае, если имеется *четное число* независимых центров. В случае же *нечетного числа* центров самоорганизации не происходит, и следствием будет только хаос. Тем не менее, и в таких проектах есть свое «но». Дело в том, что все самоорганизующиеся системы *нелинейны*. А это, помимо всего прочего, имеет своим следствием неизбежность социального, имущественного и прочего неравенства. То, что традиционно называлось *несправедливостью*, теперь получает название *нелинейной динамики*. Итак, имеет место дилемма. Либо *организация* ... с уходящей в бесконечность лестницей «надзирающих за надзирателями» ... и, - заметим, - соответствующим окладом у каждого. Либо *самоорганизация* с нелинейной динамикой системы, неизбежным следствием чего является более или менее радикальное социальное расслоение ... которое неискушенные в науке и, так сказать, «отстало мыслящие» люди расценят как отсутствие социальной справедливости.

Отчуждение пронизывает все общество сверху до низу. Здесь - и господство над человеком сферы общественных отношений. Например,

разнообразные «социальные роли», навязывающие нам тот или иной тип поведения. Причем набор социальных ролей, опять же, складывается по не зависящим от человека законам функционирования тех или иных социальных групп. Здесь – и господство над человеком социальных учреждений: та самая бюрократия, которую никто не хотел создавать преднамеренно, но которая возникла из внутренней логики функционирования учреждений. Здесь – и господство над человеком всевозможных знаковых систем: классификаций, кодификаций и стереотипов языка, – тема, которая получила развитие в философии структурализма и постструктурализма.

В неклассической философии власть анонимного рассматривается в контексте, так называемого, *лингвистического поворота*, – поворота к языку, которым определяется стержневая проблематика философии XX – XXI вв. Власть анонимного – это власть языковых структур.

У М.Хайдеггера власть анонимного названа «диктатурой Man». М.Хайдеггер в данном случае обыгрывает специфику грамматических структур немецкого языка. В немецком языке в безличных предложениях подставляется квазиподлежащее, – своего рода квазисубъект, обозначаемый словом «man». Даже в самом «демократическом» обществе повседневность нашего существования пронизана диктатурой. Это – диктатура квазисубъекта «Man».

В философии XX – XXI вв. тема власти анонимного получает дальнейшее развитие в контексте проблематики «смерти субъекта», которая становится сквозной темой, как для культуры постмодерна, так и для постметафизической философии. В философии структурализма и постструктурализма власть анонимных сил рассматривается в качестве своеобразной *микрофизикой власти*. Термин «микрофизика власти» введен в философию М.Фуко. Помимо явных форм власти, существуют скрытые от профанического взора сети микрофизики власти, которые несколько невидимы, настолько и всепроникающи. Это – системы классификаций, кодификаций и стереотипов, которые задаются господствующими системами дискурса. Структуры дискурса формирует не только способ мышления, социальных оценок и действий, но, в конечном счете, и картину реальности.

Язык – это средство классификации, а потому, как замечает другой представитель структурализма Р.Барт, языковая деятельность сравнима с законодательной деятельностью. Власть слова – механизм, обладающий такой же принудительной силой, как и любой другой социальный институт. По словам Р.Барта, «в каждом знаке дремлет одно и то же чудовище, имя которому – стереотип». Р.Барт сравнивает власть языковых систем с самой жесткой из диктатур: с фашистским режимом. Язык – «это обыкновенный фашист, ибо сущность фашизма не в том, чтобы запрещать, а в том, чтобы понуждать говорить нечто» [1, с. 549 – 550]. Но, в отличие от любой другой диктатуры, мы не замечаем власти языка, а потому эта власть может расцениваться в качестве разновидности социального бессознательного.

Все вышеизложенное можно было бы подытожить известным высказыванием из антиутопии Дж.Оруэлла: тот, кто контролирует язык, – тот

контролирует и сознание ... Но заметим, что здесь исследуемая тема вновь совершает «крутой поворот». От вопроса о безличной и анонимной «микрофизике власти» языковых структур мы переходим к проблеме «Кто?»: к вопросу о неких метаисторических силах, - субъектах, которые контролируют язык. Возможности контроля над языком увеличиваются в той мере, в которой происходит подмена языка естественного разного рода искусственно созданными «новоязами». А далее – искусственными языками электронного программирования.

Проблема субъектов тотального контроля versus бессубъектной власти анонимного становится вновь актуальной, как это ни парадоксально, в связи с логикой эволюции таких безличных «сил», как техника и технология. Логика развития техники вписывается в концепцию отчуждения. Как и в прочих примерах отчуждения, техника создается человеком. Но затем выходит из-под контроля, развивается по своим собственным законам и поработает того, кто ее создал. Могут ли роботы поработить человека? ... Могут ... Однако отнюдь не в том смысле, что *роботы станут как люди*. Такая версия антиутопии, скорее, в жанре научной фантастики. Реальная же возможность порабощения человека техникой – не то, что роботы станут как люди, а наоборот: в результате развития новейших технологий *люди станут как роботы*. Живой процесс мышления подменяется манипулированием готовыми дигитальными шаблонами и становится все более стереотипным. Народы превращаются в «массы». Современная техника создает невиданные ранее возможности тотального контроля и манипулирования поведением, сознанием и языком человека. Тем самым всякого рода экзотические «теории заговора», «тайного мирового правительства» и т.д., - которые ранее воспринимались как не более, чем маргиналии и интеллектуальный экстрим, - начинают превращаться из курьезных гипотез в реальную угрозу. У диктаторов, тиранов и заговорщиков прошлых эпох еще попросту не было технических возможностей для манипулирования человечеством в глобальном масштабе. А сегодня это становится технически возможным. Тем самым в философии политики намечается поворот от проблем теории отчуждения к конспирологической проблематике.

Однако традиционный вопрос «Кто виноват?» теперь уже прочитывается в рамках иной парадигмальной установки, которая радикальным образом отличается от просветительской версии субъектов мировой политики. У Н.Бердяева есть интересное наблюдение, что в истории закономерным образом происходит *чередование «дневных» и «ночных» эпох* [2]. Культура, мировоззрение и политика «дневной» эпохи ориентированы на человека. Культура, мировоззрение и политика «ночной» эпохи ориентированы на что-то сверхчеловеческое. (Яркие примеры тому: контраст между древнеегипетской и древнегреческой культурами. Далее: между культурами средневековья и Возрождения/Нового времени. Эти культуры, соответственно, являют собою образцы «ночных» и «дневных» эпох). С точки зрения Н.Бердяева, «день» мировой истории закончился уже в начале XX в., и наступило время новой

«ночной» эпохи. Впрочем, необходимо заметить, что в концепции Н.Бердяева, как «дневная» эпоха не имеет коннотации с чем-то «положительным», так и «ночная» эпоха - с чем-то «отрицательным». Скорее наоборот: мировоззрение «дневных» эпох Бердяев расценивает как мировоззрение весьма ограниченное, поскольку оно заиклено на человеке и не способно видеть ничего выше человека. Переход к новой «ночной» эпохе Н.Бердяев связывает с такой социально-политической катастрофой, как *русская революция*, которая, по мысли Бердяева, коренным образом отличалась от политических событий предыдущей, - «дневной» эпохи. В частности, от революции французской, ибо, как замечает Н.Бердяев, французская революция – это явление политическое, а русская революция – апокалиптическое. Н.Бердяев высказывает несколько эпатажное утверждение, что Россия «скорее родит антихриста, чем гуманистическую демократию и нейтральную гуманистическую культуру», наподобие западной [2, с. 415].

Если в «дневную» эпоху религиозные войны расцениваются как внешняя превращенная форма, под которой скрывается столкновение экономических интересов, то в «ночную» эпоху наоборот, экономические и политические конфликты есть только внешний фасад, за которым скрывается более глубокое основание: противостояние религиозное. В «ночные» эпохи социально-политические катастрофы имеют некий сакральный и мистический подтекст. Например, известно, что идеология немецкого национал-социализма была связана с оккультными исканиями. То же самое, хотя и менее явно, было присуще и идеологии русского большевизма. Как пишет А.Дворкин, «в последние годы мы многое узнали о связях большевиков с Рерихами и другими оккультными учителями и группами». Дворкин упоминает также о «темной фигуре эзотерического оккультного гуру Георгия Гурджиева, который, по всей видимости, был связан и с нацистами, и с коммунистами» [3, с. 67].

Причем имеют место экстремальные гипотезы, что «инициатива» подобных оккультных исканий, возможно, исходит не от человеческих субъектов, а от неких метаисторических сверхчеловеческих сил, которые сами находят человека. В наиболее «умеренной» версии эта мысль артикулирована К.Г.Юнгом, который причину мировых войн видел как вторжение архетипов коллективного бессознательного. Энергия архетипа во много раз превосходит энергию любых сознательно поставленных целей. В концепции Юнга, фактически, ставится знак равенства между такими понятиями, как «бог», «демон» и «архетип». А потому вторжение архетипа может прочитываться как вторжение богов (точнее, демонов) в мир людей. Интересно, что Юнг констатировал факт: накануне второй мировой войны многие люди в сновидениях видели архетипический символ моря крови. В этом русле причину войны он интерпретировал в духе архетипической символики: боги, как в древних магических культах, вновь потребовали от людей жертвоприношения.

Интересно заметить, что традиционные конспирологические версии (масоны, иллюминаты и т.д.) в современном сознании претерпевают трансформацию, которая, фактически, идет в русле общекультурной и

общефилософской тематики «смерти субъекта». Если в одном случае субъект растворяется в дискурсивных структурах анонимной «микрофизики власти», то в другом - становится проводником разного рода инфрачеловеческих или сверхчеловеческих сил. Под теми «Кто», на которых начинает возлагаться ответственность за глобальные социально-политические катастрофы, теперь уже понимаются не обычные человеческие субъекты, но некие сверхчеловеческие метаисторические силы, которые, как заметил Юнг, в наши дни спускаются с небес и пребывают отныне в глубинах нашего бессознательного.

Но существуют и более радикальные версии метаисторических сил, нежели юнгианская концепция архетипов. Если верить сторонникам православного антиглобализма, то первый суперкомпьютер, созданный в Брюсселе, – столице НАТО и впервые создавший возможность управления населением планеты из единого компьютерного центра, - носил название «Зверь» и имел кодовое число «666» [5, с. 8]. Далее. «Штрих-кодовая маркировка по стандартам EAN-13/UPC» (всемирная торгово-финансовая система) также содержит код «666». «Причем использование символов, дающих в совокупности именно такое число, не только не является технически необходимым, но даже наоборот, создает дополнительные трудности при декодировании». «Впервые подробный научно-технический анализ с доказательствами вышеизложенного был выполнен иеромонахом Лукой и монахом Продром из обители преподобного Григория на Святой горе Афон в июне 1997 года. Оба уважаемых отца в мирской жизни были дипломированными программистами высокой квалификации. Затем подобные исследования были проведены целым рядом российских специалистов, имеющих ученые степени кандидатов и докторов наук в области информационных технологий» [5, с. 14]. Так «микрофизика власти» соединяется с конспирологией.

Все это радикально взрывает привычный мир повседневности и может показаться, по меньшей мере, странным. Конспирология, да еще вкупе с нумерологией, - явления, как известно, достаточно одиозные. Тем не менее, как констатировала в свое время философия постпозитивизма, радикальная смена парадигм меняет не только идеи, но меняет и критерии истины. Согласно эсхатологическим пророчествам, мы сейчас живем в перевернутом мире, ибо в конце времен совершается радикальное переворачивание мира. В результате чего перевернутся представления как о добре и зле, так и об истине и лжи. То, чему надлежит быть сверху, - в конце времен будет снизу, и наоборот (перевернется нормальная социальная иерархия, а также иерархия между мужским и женским). Под маской добра станут скрываться темные стихии гниения и смерти. То, что будет казаться истиной, - окажется ложью. Но, - заметим, - равным образом, и *то, что будет казаться ложью, - может оказаться истиной!*

Список использованной литературы:

1. Барт Р. Лекция. / Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс., 1994. С. 545 – 569.
2. Бердяев. Н. Новое Средневековье / Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства в 2-х т. М.: Искусство, 1994. Т.1. с. 406 – 464.

3. Дворкин А. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Нижний Новгород: Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского, 2003. 813 с.

4. Толстой Л.Н. Война и мир. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. М.: Лексика, 1996. 763 с.

5. Филимонов В.П. Но избави нас от лукавого. СПб.: Вектор, 2003. 154 с.

ЕГОРОВА Т.И.

Академия Федеральной службы исполнения наказаний, г. Рязань,
Российская Федерация

УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В УЧЕНИИ АРИСТОТЕЛЯ

Распространенность применения уголовного наказания в виде лишения свободы имеет глубокие исторические корни. Существование в обществе определенного предубеждения и в устойчивости аддиктивного поведения лиц, подозреваемых, обвиняемых и осужденных за совершение преступлений, является основанием стремления к их изоляции с помощью различных субъективных и объективных форм воздействия. Достаточно наглядно данная позиция обоснована Аристотелем, который считал, что человек от природы не является добродетельным, «... камень, который по природе падает вниз, не приучишь подниматься вверх, приучай его, подбрасывая вверх хоть тысячу раз... следовательно добродетели существуют в нас не от природы и не вопреки природе, но приобрести их для нас естественно, а благодаря приучению (*dia tou ethoys*) мы в них совершенствуемся» [1, с. 448]. Очевидно, что степень устойчивости дурных навыков у всех людей разная. На основании этого возможно рассматривать целесообразность применения уголовного наказаний и их сочетания к лицам, совершившим преступления. С точки зрения Аристотеля, именно высокая индивидуализация государственно-правового воздействия может обеспечить его эффективность.

Аристотель разграничил действие добродетелей в преступлениях, выделив их внешние и внутренние причины. Преступники, на которых возможно добродетельное воздействие, совершили преступления в неблагоприятных политических или общественных условиях, прямо не зависящих от них. Например, снижение общего уровня жизни населения, бедность, взяточничество судей, несправедливость власти. Совершение преступления при указанных обстоятельствах, согласно правовым взглядам Аристотеля, должно влечь более мягкое уголовное наказание, либо вообще освобождение от уголовной ответственности. К таким обстоятельствам совершения преступления, наличие которых должно влечь безотлагательное наказание мыслитель, в частности, относил совершение преступления повторно, либо «с особой злостью» [6, с. 91].

Грубое нарушение норм социального взаимодействия и утрата социального доверия является основанием стремления общества к отчуждению лиц, совершивших преступление, путем их изоляции от социального общения. Социальная эксклюзия подозреваемых, обвиняемых и

осужденных наиболее остро проявляется в странах, чьи правовые системы не предоставляют населению достаточных социально-правовых гарантий в области безопасности.

Характеристики определенной исторической эпохи и форма государства, безусловно, имеют влияние на формирование и развитие правовой идеологии и правоприменительной практики. Метафизические выводы Аристотеля и его последователей перипатетиков относительно политического устройства государства и реализации государственно-правового принуждения исходили из практики Афинской республики. Как показывают результаты ряда исследователей, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство рассматриваемого периода было недостаточно эффективно в борьбе с преступностью [7, с. 178; 5, с. 221]. В связи с этим в качестве актуальных рассматривались объективные меры укрепления авторитета закона и субъективные – воздействия на духовно-нравственные установки общества. Немаловажную роль в рассматриваемом процессе имело признание необходимости обеспечения достойных условий жизни гражданам.

Аристотель последовательно указывал на теснейшую взаимосвязь государственной деятельности, признание и реализацию прав и свод человека: «Человек, нашедший свое завершение в государстве, - совершеннейшее из творений, и, наоборот, человек, живущий вне закона и права, занимает жалчайшее место в мире. Ибо опирающееся на вооруженную силу бесправие тяжелее всего. Природа дала человеку в руки оружие – интеллектуальную и моральную силу, но он может пользоваться этим оружием и в обратную сторону; поэтому человек без нравственных устоев оказывается существом самым нечестивым и диким, изменчивым в своих половах и вкусовых инстинктах» [2, с. 36].

Древнейшим наказанием, повсеместно распространенным в различных общественных и государственных формациях, было изгнание. Являясь прообразом современного уголовного наказания в виде лишения свободы, оно прошло длительную эволюцию в различных правовых системах. Ветхозаветные города-убежища стали первыми учреждениями, в которых обеспечивались гарантии безопасности виновных, относящиеся к объективным и субъективным признакам уголовного преследования. Аристотель рассматривал изгнание в качестве исключительного средства воздействия на людей, которые не только непослушны и «сравнительно худой породы (*aphyesteroi*)», но и неисправимы, их следует «вообще изгонять вон из государства» [2, с. 292]. Наказание должно человека заставить страдать, так как наказание является лекарством, противоядием против порока.

В трудах Аристотеля особое внимание уделяется предупредительной роли уголовного наказания, признается, что одними запретительными предписаниями невозможно обратить человека к добру. Будучи от природы мало склонными к добродетели, большинство людей воздерживается от

нарушения закона не из высоких побуждений, а из страха перед наказанием. Добродетельными побуждениями руководствуются лишь немногие избранные, имеющие врожденное чувство и стремление к всеобщей справедливости. Большинство людей склонны искать свои выгоды и удовольствия. Поэтому государство должно сдерживать дурные инстинкты угрозой наказания [3, с. 76].

В работе «Этика» особое внимание Аристотель обращает на роль законного воздаяния, дополняя его при этом принципом пропорциональности. Философ считал, что справедливое наказание не должно быть крайне жестоким или излишне мягким. Оно должно основываться на законе, гарантирующем справедливое и честное отношение к гражданам со стороны государства. Аристотель полагал, что честность и умеренность при определении наказания должны установить баланс между преступлением и наказанием и тем самым избавить общество от крайностей [4, с. 124].

С развитием в эпоху Просвещения естественнонаучных знаний об обществе и человеческой личности, возможностях ее преобразования произошло переосмысление наказательных доктрин, придание им антропоцентричного характера, выраженного в дифференцированном заключении, особым вниманием к потребностям осужденных и осознанием их просоциальных перспектив. Теоретизация структуры человеческой личности, установление разумных и моральных критериев абсолютной ее ценности определили неприкосновенность и неотъемлемость правового идеала уважения, сохранения и поощрения достоинства человека. По верному замечанию И.А. Подройкиной, Аристотель считал целями наказания исправление преступника и предупреждение преступлений, тогда как устрашение может быть не совсем справедливо и оправдано с моральной точки зрения [8, с. 114]. Данные гуманистические предпосылки трансформации пенитенциарного процесса оказали значительное влияние на совершенствование законодательства и правоприменительной практики.

Современный международно-правовой и национальный статус человеческого достоинства является основанием для понимания прав человека, их источник и желаемый результат реализации права, исключая семантический контекст. Достоинство осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, и лиц, находящихся под стражей, обладает социально-правовой природой, будучи закрепленным в праве двояким образом: гарантируя личности обеспечение ее социально-правовых интересов, в тоже время, налагая ограничения и запреты в сфере правовых, психосоматических и криминальных рисков и угроз.

Объективное представление о человеческом достоинстве, как природном свойстве каждого человека и его нормативно закрепленном праве, соответствует убежденности Аристотеля о значении законов государства, которые являются не велением людей, а требованием уравновешенного разума. Под человеческим достоинством в таком случае возможно понимать

врожденное и неотъемлемое социально-онтологическое свойство сверхценности существования человека, основывающееся на всеобщем требовании права и режиме законности. Применительно к подозреваемым, обвиняемым и осужденным это предполагает обеспечение разумных безопасных условий содержания под стражей и отбывания уголовного наказания, предотвращающих возникновение каких-либо угроз объективного и субъективного характера для социально-правовых благ лица.

Достоинство имеет в политико-правовых явлениях объективное выражение, отражаясь в самой природе человека как «политического» существа [9, с.147]. По справедливому мнению Аристотеля, в государстве стремление людей к социальному общению, основанному на законах и праве, находит свое нравственное выражение и развитие: «Закон, надлежащим образом воспитавший должностных лиц, предоставляет им возможность в прочих делах выносить судебные решения и управлять, руководствуясь наиболее справедливым суждением» [2, с. 242]. Эту проблему законности при реализации представителями государства властных полномочий Аристотель рассматривает в качестве одной из основных в контексте обеспечения общественного блага и безопасности: «Самое главное при всяком государственном строе, – отмечает он, – это посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться» [2, с. 372]. В соответствии с этим, современный УК РФ содержит достаточно большое количество антикоррупционных норм, а также предписаний, направленных на предупреждение злоупотреблений властью и превышения должностных полномочий при реализации уголовного наказания.

Таким образом, можно заключить, что государственно-правовые взгляды Аристотеля отражают основные подходы к содержанию наказания, обеспечению его справедливости и гуманизма.

Список использованной литературы:

1. Аристотель. Никомахова этика. СПб, 2022. 448 с.
2. Аристотель. Политика / пер. с древнегреч. С. М. Роговина. М., 2010. 589 с.
3. Аристотель. Риторика. Поэтика. М., 2000. 224 с.
4. Гнеушева Т.Б. Проблема наказания в Античной философии // Социально-культурные процессы в условиях интеграции и дезинтеграции : Матер. всерос. науч. конф. с междунар участием, Улан-Удэ, 27–29 июня 2017 г. / Отв. ред. Д.Ш. Цырендоржиева. Улан-Удэ, 2017. С. 124-127.
5. Гоббс Т. Левиафан. М., 2001. 478 с.
6. Калашникова Е. Б., Тимохина М.И. О преступлениях и наказаниях через призму истории политических и правовых учений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 10-3(49). С. 91-93.
7. Каругати Ф., Хадфилд К., Вайнгаст Б.Р. Установление правопорядка в древних Афинах // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. № 4. С.

176-199.

8. Подройкина И.А. Проблема наказания в работах Платона и Аристотеля // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 9(76). С. 112-115.

9. Скубченко, Л. Ф. Проблема безопасности личности и государства в политико-правовых концепциях Древнего мира // Вестник Международного института экономики и права. 2011. № 1(2). С. 146-152.

ЕФИМОВА С.Г.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

РОЛЬ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Особое место в формировании политического мировоззрения занимает процесс политической социализации, подразумевающий усвоение личностью основных норм и ценностей современного государства, общепринятых форм поведения, организующих политическую жизнь данного социума.

Опираясь на определение, данное Роговой Е.Е. и Алферовой А.В. [3], следует отметить, что "политическое мировоззрение" есть не только убеждения и принципы личности, ориентации, установки, представления о политическом устройстве общества и месте социально-политических общностей и личности в нем, но и способы и механизмы их реализации, инструменты и средства воплощения этих идеалов.

Значимость проблемы формирования политического мировоззрения учащейся молодежи определяется её потенциалом для будущего конструирования и воспроизводства политической системы, а не только как демографический, трудовой и кадровый ресурс, поскольку активное участие молодежи в социально-политической жизни во многом обуславливает перспективы российского общества как правового и демократического государства [5. с. 113].

Однако, отсутствие объединяющей общегосударственной идеи и снижение политической образованности студенческой молодежи признается, на сегодняшний день, одним из главных недостатков высшей школы. Повышение эффективности и совершенствование гуманитарного образования находятся сейчас в центре внимания научного сообщества, поскольку уровень профессиональной компетентности выпускника вуза еще не является гарантом его успешности в будущей профессиональной деятельности.

Современной личности для ощущения своей состоятельности необходимо, помимо профессиональных достижений, умение взаимодействовать с окружающими людьми, имеющими различные идеологические взгляды, религиозные верования и политические убеждения.

Необходимо и важно сотрудничать, терпимо относиться к чужому мнению, вести диалог и находить компромиссы, уметь отстаивать собственную точку зрения, уважая при этом права и свободу других людей.

Поэтому современное образование не может и не должно ограничиваться только обучением академических знаний, оно должно одновременно воспитывать полноценного члена общества, имеющего развитое чувство долга и патриотизма, желающего и умеющего жить в правовом государстве, осознающим себя как полноправного гражданина своей страны.

Значимым этапом в становлении самосознания и собственного мировоззрения для многих молодых людей выступает период студенчества, когда формирование устойчивого образа своей личности, выработка жизненной позиции является важнейшей ступенью саморазвития.

Принятие в качестве собственных положений политических, экономических, социальных и духовных убеждений взаимосвязано с идентификацией личностью своего места в социуме и особенностями её положения в малой социальной группе. Таковой группой может выступать любая студенческая группа, классифицируемая как малая, самостоятельная и хорошо организованная единица социальной структуры общества, где участники объединены одной целью и совместной деятельностью, находятся в личном и эмоциональном взаимодействии длительное время. У представителей данной группы, как правило, сходные ценности и стандарты поведения.

Главная роль в формировании мировоззренческих основ такой личности принадлежит предметам социально-гуманитарного цикла. Воспитательная коммуникация и образовательная информация, передаваемая посредством учебных дисциплин, способны вводить студента в круг общественной проблематики и, в частности, проблем политического содержания.

Пространство вуза является специфической коммуникативной средой, где в процессе обучения студенты контактируют как с преподавателями, так и между собой. Передаваемая информация из самых разнообразных источников является почвой для формирования собственной позиции в отношении разных социально-политических проблем. Поэтому роль вуза, как социального института, чрезвычайно велика, поскольку высшее образование способно создавать информационно насыщенную среду, транслирующую социально-политические ценности. Высшее учебное заведение целенаправленно ведет работу по политическому воспитанию, расширению знаний и кругозора личности, а также способствует выработке устойчивых ценностных ориентаций, интересов и потребностей студентов [2. с. 286].

Политическая социализация в вузе происходит посредством изучения гуманитарных дисциплин, среди которых первенство в этом вопросе принадлежит политологии, истории, социологии, религиоведению, культурологии, этике, то есть тех дисциплин, которые нацелены на

формирование у молодёжи гражданственности и культурной идентичности, ориентации на гуманизацию социально-политических процессов.

Однако, преподавание политологии в российских вузах для студентов негуманитарных специальностей, за редким исключением, фактически не ведется. Это обусловлено тем, что общекультурные компетенции в рамках компетентностного подхода, не имеют целью усвоение политических знаний. В результате чего, в российских вузах не реализуется функциональный потенциал преподавания политологии для студентов всех специальностей. Получение знаний о политической системе, о ключевых политических институтах, их механизмах и функциях остаётся за пределами вузовского образования. В связи с этим слабо реализуется возможность формирования активно и патриотически настроенных граждан, осознанно участвующих в политической жизни страны. Зачастую студенты не способны к самостоятельному анализу, критическому мышлению и рациональному решению имеющихся политических и социально-экономических проблем и задач.

Кроме того, следует отметить противоречия в системе высшего образования и для студентов гуманитарных специальностей, заключающиеся в несоответствии целей изучения гуманитарных дисциплин и результатов этого изучения. Разногласие касается названия учебных дисциплин, количества часов, отведенных на их освоение, идеологических взглядов преподавателей и пр. Современное образование – хаотичный набор рабочих программ, теорий, различных авторских методик, дезорганизуемый постоянно меняющимися государственными стандартами [2. с. 289].

Часто возникает проблема нехватки ресурсов, когда требуется расширение политико-информационной функции образования, реализуемой посредством проведения конференций, диспутов и проблемных семинаров. От возможностей каждого отдельного вуза зависит повышение профессионального уровня преподавания гуманитарных дисциплин, в частности, социально-политических, и наблюдается низкий контроль качества преподавания. Помехой в освоении прикладного аспекта этих дисциплин выступает уменьшение аудиторных часов на работу со студентами, тогда как именно прикладная проблематика является необходимым элементом в решении жизненных и профессиональных задач.

Руководство вузов и преподавательский состав, в особенности негуманитарных специальностей, которые не предполагают глубокое изучение политических процессов, зачастую вынуждены самостоятельно искать эффективные подходы в процессе передачи практических знаний студентам в области политики, что, создает дополнительные трудности в формировании политического кругозора у всего студенческого сообщества.

В ходе реализации образовательного процесса важно учитывать единство и взаимосвязь познавательного, аксиологического и практического компонентов. Комплексное обеспечение развития политического мировоззрения студентов в единстве этих трёх компонентов возможно

достичь посредством организации результативной коллективно-творческой, социально-политической деятельности [1. с. 102].

Приоритетным направлением образовательного процесса сегодня должна стать самостоятельность в приобретении и использовании знаний, для чего могут применяться самые разнообразные методики обучения. В рамках такого подхода делается акцент на творческую деятельность, поиск, дискуссии, размышления, а не на простое усвоение и воспроизведение полученных знаний.

Придавая гуманитарным дисциплинам прикладную направленность следует опираться, в том числе, и на субъективный опыт обучающихся, целенаправленно ориентировать его в соответствии с предметным содержанием учебного материала. Общественные науки, преподаваемые в вузах, приобретут прикладной характер при использовании методов, развивающих критическое мышление, умение проводить аналогии и строить умозаключения, способность к самоанализу и самооценке.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования определил для каждой специальности или направления блок социально-гуманитарных дисциплин, в котором основополагающими для развития политического сознания являются "Политология", "История", "Социология". Те специальности и направления, где не предусмотрено изучение этих предметов могут использовать факультативное освоение их содержания, а также включить во внеурочное время работу дискуссионного клуба, организовать олимпиаду или внутри- и межвузовские дебаты и конференции. Важную роль здесь играет деятельностный компонент. Следует делать упор на анализ конкретных ситуаций из реальной жизни, опираться на личный политический опыт студентов, моделировать события, которые требуют применения полученных знаний, поиска практического решения проблемы.

Кроме того, в содержание учебного материала следует ввести отобранный и систематизированный комплекс основных актуальных общественно-политических тем, которые будут определять жизненные установки и мировоззренческие ориентации обучающихся. Например таких, как: "Моя политическая культура", "Политика и религия: особенности взаимодействия", "Моё отношение к общественно-политическим ценностям", " Взаимное влияние религиозного и политического в современной России", " Место морали в современной политике", "Свобода и политико-правовая ответственность" и т.п.

Для того, чтобы сформировать у студентов сознательное и активное отношение к дисциплине целесообразно использование таких активных форм проведения практических и семинарских занятий, как "семинар–диспут", "семинар–круглый стол", "семинар–пресс-конференция" и др. Целью таких занятий выступает практическая реализация полученных теоретических знаний. Они способствуют выработке умения аргументированно и убедительно излагать свою точку зрения, критически мыслить и выделять

главное. Всестороннее обсуждение темы и конкретных насущных вопросов активизируют познавательную деятельность и творческое мышление студентов. Подобные формы семинаров развивают навыки вести продуктивный диалог, корректную полемику, самостоятельность в поиске аргументированных ответов, образность и яркость речи, повышая политическую культуру [4. с 59].

Таким образом, система высшего образования предполагает мировоззренческую нравственную ориентацию полученных знаний, где представление о человеческой жизни как высшей ценности настоятельно диктует необходимость выработки у студенческой молодежи соответствующих политических ориентиров. Только на основе постижения исторического опыта предшествующих поколений и всего комплекса достижений общественных наук может быть раскрыта сущность происходящих сегодня политических событий. И роль гуманитарных дисциплин здесь сложно переоценить, ведь хорошо известно утверждение, что неграмотные люди политически инертны и безучастны. Такой индифферентный человек, находясь вне осознанной политики, является не субъектом политических действий, а объектом политического манипулирования.

От того, как будет сформировано политическое мировоззрение молодых людей, какую власть выберет новое поколение, насколько осознанно и ответственно они это сделают, как будут защищать и отстаивать свои права и интересы, во многом будет зависеть будущее нашего общества.

Список использованной литературы:

1. Белогорская Л.В. Особенности развития политического сознания студенческой молодежи в образовательном процессе // АНИ: экономика и управление, 2015. – №3 (12). – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-politicheskogo-soznaniya-studencheskoy-molodezhi-v-obrazovatelnom-protse> (дата обращения: 18.12.2022).

2. Зуляр Р.Ю. Роль преподавания социально-политических дисциплин в обеспечении политической активности студенчества // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение, 2011. – №2. – С. 286-290.

3. Рогова Е.Е., Алферова А.В. Становление политического мировоззрения в процессе взаимодействия со студенческой группой // Science Time, 2015. – №12 (24). – С. 654-659.

4. Симонова М.М., Левченкова Т.А. Роль социально-политического образования в формировании мировоззрения студента // Наука и школа, 2017. – №4. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialno-politicheskogo-obrazovaniya-v-formirovanii-mirovozzreniya-studenta> (дата обращения: 12.12.2022).

5. Улубекова Н.Ш. Формирование политического сознания и мировоззренческих взглядов учащейся молодежи в процессе изучения общественных дисциплин // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки, 2008. – №1. – С.111-120.

ЗУБКЕВИЧ А.А.

Департамент региональной безопасности Нижегородской области,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ЗУБКЕВИЧ Л.А.

Нижегородская академия МВД России,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

**ФОРМИРОВАНИЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО
МИРОВОЗЗРЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ
МИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ**

На конференции «Мировоззренческая парадигма в философии: неустойчивость современного мира» в 2020 году обсуждался вопрос о направленности развития обществ и тенденции этого развития [7, с. 99-100]. Тогда направленность развития была определена как движение человечества к единству. В рамках данного движения существуют три тенденции: нигилистическая, уравнивающая, возвратная.

Нигилистическая — отрицающая всякую этническую специфичность, рассматривающая мир как человечество вообще, понимая его (как правило) суммой индивидуальностей, личностей, обладающих правами человека. Сегодня эта тенденция вылилась в противопоставление этой возведенной в абсолют личности обществу как таковому. Последнему отказано в праве обладать собственной сущностью и, как следствие, существованием. С нашей точки зрения это закономерный, логически обоснованный результат развития гуманизма как учения о правах и свободах человека, понимаемого исключительно как личность. Такой гуманизм стал метафизически, рационально обоснованным оправданием индивидуализма и социального эгоизма.

Уравнивающая тенденция — средний путь в развитии, компромисс между нигилизмом и абсолютизацией этнической специфичности. Сегодня эта тенденция реализуется посредством развития международного партнерства, создания системы многополярного мироустройства. По сути, это иное понимание гуманизма и прав человека, оно построено на диалектическом сочетании единого и много. Здесь общество не только бытийствует, но и является субъектом развития, представляя собой целостность. Отношения личности и общества — это отношения части и целого. Человечество по сути тождественно человеку, как совпадение максимума и минимума у Н. Кузанского.

Возвратная тенденция — проявление этнического эгоизма, утверждение нормы собственной этнической специфичности, потребительское отношение к окружающей среде и к другим этносам или обществам. Сегодня эта тенденция реализуется в глобалистском однополярном мироустройстве, в милитаризме так называемого «коллективного Запада». Несмотря на то, что эта тенденция среди всех других наиболее институционализована, имеет центр управления, она

наименее устойчива (по закону иерархических компенсаций). И поэтому имеет постоянную потребность «выплескивать» свою энтропию за рамки своей системы.

В современном информатизирующемся мире главная схватка — война «за умы» или война за способность людей мыслить, то важнейшим полем конкуренции указанных тенденций является мировоззренческое поле. Главным инструментом такой войны является терроризм. Поэтому сегодня конкуренция этих тенденций переросла в войну против человечества и человека вообще.

В законодательстве Российской Федерации терроризм определен как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [17]. В науке существуют обширные определения терроризма с перечислением характеристик, черт, признаков, составляющих элементов, характера действий, целей, объектов, последствий и т. п. (например, Замкова В., Ильчиков М., Горбунов Ю.С., Эфиров С.А., Власова С.В., Шаутаева Г.Х., Вишняков Я.Д., Грачев С.И., Метелев С.Е., Уилкинсон П., Пфаль-Трауберг А., Полянский Д.С. и др.) [6, с. 9; 3, с. 54; 11, с. 21; 18, с. 84; 2, с. 4-6; 1, с. 230-231; 5, с. 9; 14, с. 137–164; 16, с. 130-135; 15, с. 7].

По итогам анализа этих подходов выявлены основные характеристики терроризма:

1) является опасным социально-политическим явлением:

- использует политические, экономические и идеологические противоречия, существующие в обществе,

- может выступить детонатором межнациональных, межконфессиональных конфликтов, гражданских войн, которые могут превратиться в крупные военные столкновения,

- совершает насилие как субъект целенаправленно против слабого объекта (общество, гражданские лица) для нанесения урона сильному объекту (государство, власть),

2) имеет массовый (неразборчивый), публичный (заинтересованность в огласке своих деяний), изменчивый (постоянно видоизменяется) характер,

3) имеет свою структуру, организацию, идеологию (идеологию терроризма),

4) имеет конкретные цели:

- политические — подавление, устранение политических противников и конкурентов, изменение политического устройства, оказание воздействия (давления) на принятие органами власти решений, совершение действий и (или) удовлетворение незаконных и неправомерных имущественных или иных интересов,

- экономические — нанесение имущественного ущерба, уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества,

материальных объектов,

- социальные — нарушение общественной безопасности, конституционного строя, правопорядка, намеренное игнорирование норм права и морали, преступная деятельность против государства, личности и общества,

- идеологические — распространение идеологии терроризма и вовлечение в деятельность террористических организаций новых adeptов,

5) использует в качестве инструмента:

- насилие или угрозы его применения для устрашения власти и общества, используется случайность и символичность для атак на выбранные мишени,

- насыщающий террор как системное применение массового насилия с использованием тактики непредсказуемых атак с целью нагнетания страха и ужаса, паники.

Исходя из данных характеристик, терроризм как инструмент может быть использован как силами возвратной, так и нигилистической тенденций. Но, поскольку институционально организованной является возвратная тенденция, то применение этого инструмента под силам или организациям глобализма, или конкретным странам, придерживающимся политики в русле возвратной тенденции. Этот инструмент и идеология сегодня представляется особенно действенным и, в связи с этим, опасным вследствие переходного состояния мирового развития. В условиях современных рисков и кризисов главное противостояние состоит между терроризмом как глобальным вызовом современности и подлинным гуманизмом как основой мироустройства.

При переходных общественных состояниях происходит формирование новых ценностных и мировоззренческих установок, норм и правил, а также корректировка или отрицание старых. Ключевым остается вопрос о выборе каждого отдельного человека и общества в целом пути развития, смыслов, целей и ценностей жизни: «как жить и во что верить?». Это момент качественной неопределенности и неустойчивости. Если есть вопрос, то будет ответ на него, поскольку любая неопределенность конечна. Важно, кто и чем заполнит образовавшуюся пустоту – представители государства и гражданского общества или лидеры бандформирований, носители террористической идеологии.

Требуется формирование в обществе антитеррористического мировоззрения, основанного на гуманизме и миролюбии [См.: 4, с. 39 – 40; 13, с. 124], традиционных российских ценностях, ориентированного на человека и его потребности, которое сможет дать жизненно необходимые ответы о смыслах, целях и ценностях жизни, а также веру и жизненную силу. Антитеррористическое мировоззрение необходимо рассматривать как антипод идеологии терроризма. Это позволит нам действовать на упреждение, не допуская вовлечения в террористическую деятельность

новых лиц, в первую очередь молодежи [8, с. 8-10] и исключая появление новых адептов террористической идеологии.

Основу данного процесса составит гуманитарное воздействие на личность [10, с. 26] посредством самоорганизации, самореализации людей и управления ими, поскольку «с изменением среды меняется и личность, ее потребности, интересы» [9, с. 3]. Применение гуманитарных технологий, как совокупности методов, процессов и средств деятельности, ориентированной на человека, обеспечат снижение неопределенности в обществе, развитие общественного контроля и профессионализацию во всех сферах жизни.

Единство гражданского общества и государства, осознанность выбора, ответственность при принятии решений и выполнении задач в своей профессиональной деятельности [10, с. 24], сплоченность общества – великая сила и мощь России, которая неоднократно в ходе истории доказывала свою уникальность и эффективность. Только будучи едины, мы сможем дать уверенный отпор деструктивной деятельности террористических и экстремистских организаций и создать крепкую защиту личности и общества от проникновения радикальных идеологий [8, с. 13; 12, с. 77; 13, с. 126].

В целях обеспечения национальной безопасности России для решения задачи формирования антитеррористического мировоззрения нами выработаны следующие рекомендации по формированию государственной политики: 1) нельзя допускать — обеднения населения страны, так как именно бедность готовит почву для распространения радикальных идей терроризма, 2) важна адекватность нашего восприятия и отношения к действительности самой этой действительности, сегодня замена истин интерпретациями наблюдается во всех сферах общественного сознания: в СМИ, в сфере образования, воспитания и т. д., 3) необходимо вернуться к советскому пониманию государства и отношения государства и человека как совокупности делегированных для осуществления управленческих функций членов общества, равных всем остальным, обладающих не властью над обществом, а обязанностями по отношению к нему, которые обуславливают полномочия, 4) необходимо в образовательных учреждениях учить и воспитывать гражданина Российской Федерации, аналогично как в СССР учили и воспитывали советского человека. В основе процесса воспитания должно быть гуманитарное воздействие на личность [10, с. 26] посредством самоорганизации, самореализации людей. Мы должны воспитывать антитеррористическое, гуманистическое мировоззрение как восприятие мира, основанное на добре, красоте, солидарности, эмпатии, 5) требуется формирование в обществе антитеррористического мировоззрения как антипода террористической идеологии.

В государственной политике в сфере обеспечения национальной безопасности большое значение придается превентивным мерам — профилактике терроризма. Выработаны рекомендации по их совершенствованию: 1) организация профилактической работы на принципах системности, комплексности, адресности;

2) недопущение ситуации исключенности из общества для лиц с проявлениями девиантного поведения, исключение применения адресной психолого-педагогической и правовой профилактики как доминирующей среди предпринимаемых мер, а тем более единственной меры;

3) ориентация мероприятий на формирование гуманистического, антитеррористического мировоззрения, основанного на традиционных российских ценностях;

4) выстраивание системы образования и воспитания на основе синтеза лучших советских и современных российских достижений.

Список использованной литературы:

1. Вишняков Я.Д., Бондаренко Г.А., Васин С.Г., Грацианский Е.В. Основы противодействия терроризму: учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений. Москва: Издательский центр «Академия», 2006. 240 с.

2. Власова С.В., Шаутаева Г.Х. Выявление и пресечение преступлений террористической направленности: Методические (практические) рекомендации. Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015. 49 с.

3. Горбунов Ю.С. К вопросу о классификации терроризма // Московский журнал международного права. 1993. № 1. С. 51-66.

4. Гордин А. В., Киселев А. В. Анализ идеологии терроризма в контексте современных вызовов и угроз // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2021. № 2 (26). С. 37–42.

5. Грачев С.И. Терроризм и контртеррористическая деятельность: вопросы теории. Учебное пособие. Нижний Новгород: ФМО/ИСИ ННГУ им. Н.И.Лобачевского, 2010. 242 с.

6. Замковой В.И., Ильчиков М. Терроризм - глобальная проблема современности. М.: Фирма «Гардарика», 1996. 73 с.

7. Зубкевич Л. А. Общая характеристика тенденций в контексте развития человечества в современном переходном состоянии // Мировоззренческая парадигма в философии: неустойчивость современного мира: [Электронный ресурс]: сборник статей по материалам XV Международной научной конференции (Н. Новгород, ННГАСУ, 20 марта 2020 г.) / Нижегород. гос. Архитектур. – строит. ун-т; редкол. М. М. Прохоров, А. Ф. Кудряшев, А. Н. Фатенков, В. С. Лапшина – Н. Новгород: ННГАСУ, 2020. 188 с.

8. Интервью председателя Национального антитеррористического комитета, Директора ФСБ России Бортникова А. В. главному редактору «Российской газеты» «Пятнадцать лет против террора» (10 марта 2021 г.) // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2021. № 2 (26). С. 5 – 10.

9. Казаков М.А., Зубкевич А.А. Гуманизация политики России: феномен национального политического лидерства как ее актуальный ресурс

// Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4 (144). С. 17–23.

10. Казаков М.А., Лемкина Е.С., Савельева И.В. Гуманитарная перспектива национальных интересов// Вестник Нижегородского университета им.Н.И.Лобачевского. Серия Социальные науки. 2011. № 4 (24). С. 24–29.

11. Киреев М.П. и др. Терроризм: психологические корни и правовые оценки: Круглый стол // Государство и право. 1995. № 4. С. 20-43.

12. Кочубей М.А., Мареев П.Л., Смирнов А.А., Сутормина Е.В. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде. СПб.: ООО «Издательство «Русь», 2018. 96 с.

13. Маркин В.В. Концептуальные подходы к формированию антитеррористической идеологии в российском обществе / Роль федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, бизнес-сообщества и СМИ в формировании системы противодействия идеологии терроризма, разработке и осуществлении мероприятий по информационному противодействию терроризму. Материалы II Всероссийской научно-практической Конференции, Москва, МГУ 13-14 октября 2010 г. Том II. – Москва, Университетская книга, 2010. С. 124–126.

14. Метелев С.Е. Современный терроризм и методы антитеррористической деятельности. Омск: Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2008. 332 с.

15. Полянский Д.С. Терроризм как политическое явление в современной России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2006. – 21 с.

16. Пфаль-Трауберг А. Правый терроризм в ФРГ // Актуальные проблемы Европы. 1997. № 4. С. 130-135.

17. Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. ст. 1146.

18. Эфиоров С.А. Терроризм как катастрофогенный фактор // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. 1993. № 4. С. 84-97.

КОВШОВ Е.М.

Самарский медицинский университет «Реавиз»,
г. Самара, Российская федерация

ЕДИНСТВО НАУКИ, РЕЛИГИИ И ФИЛОСОФИИ КАК ОСНОВАНИЕ БУДУЩЕГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Под мировоззрением следует понимать совокупность смысложизненных убеждений, которыми человек реально руководствуется в своей деятельности, которые определяют не только познавательное, но и

этическое, эстетическое и преобразовательное отношения к себе, другим людям, обществу и к миру. Будучи убеждением, мировоззрение выражает смысло-жизненные ценности человека не в виде пожелания, а в императивной для субъекта форме. Обычно в философской литературе выделяют такие исторически выработанные типы мировоззрения: мифологическое, религиозное, философское, обыденное. Последнее испытывает как противоречивое влияние изменяющейся социальной действительности, так и потребностей саморазвития, которые порождают в обыденном сознании мощные импульсы творческой стихии, выражением и направляющим вектором которой служит здравый смысл. В настоящее время из множества факторов, влияющих на содержание мировоззрения, можно выделить как главные: 1/ изменение социальной действительности; 2/ дискурс таких форм духовной культуры как наука и религия. Оба фактора влияют во взаимодействии.

История взаимоотношений науки и религии сложна и противоречива. В период поздней схоластики известный теолог Фома Аквинский в своем учении о гармонии разума и веры разграничил сферы действия науки, философии и теологии, что дало возможность автономно развиваться европейской науке. В эпоху Возрождения и Нового времени сформировалась классическая наука.

Исторические корни противопоставления науки и религии уходят вглубь периода формирования классической европейской науки в 17-18 вв., когда в ней происходило становление эмпирического уровня научного познания. В то время из науки решительно вытеснялось все то, что нельзя было воспринять органами чувств, наблюдать или измерить с помощью приборов, экспериментально подтвердить или опровергнуть. А так как душу, дух, сущность человека, мира в целом нельзя измерить и наблюдать в эксперименте, то все эти феномены были изъяты из науки как не подлежащие научному исследованию и обсуждению. Философия материализма объявила единственной реальностью материю, порождающую все многообразие своих форм, включая человека с его душой и общество с его духом. Душа и дух стали трактоваться как производные от человеческого бытия, возникающие и умирающие вместе с ним. Такая философия хорошо сочетается с принципами антропоцентризма и гуманизма, согласно которым человек полагает себя высшим существом, господином природы, использующим её законы для удовлетворения все более возрастающих потребностей. То есть, явно или неявно, бесконечность и все многообразие мира было редуцировано лишь к его видимой, эмпирически констатируемой части.

В 19-20 вв. в философии позитивизма и диалектического материализма выдвигается концепция, согласно которой возможно построение научного мировоззрения как наиболее передового, опирающегося на научную картину мира. Но возможно ли это?

Опыт научного исследования изменчив и имеет тенденцию к расширению, но всегда исторически ограничен, а мир бесконечен и вширь, и

вглубь. Необходимо уяснить, что в научном опыте никогда не даны ни мир в целом, ни человек в целом. Совокупность естественных наук отображает различные аспекты материальной реальности настолько, насколько они представлены в опыте. Гуманитарные науки также изучают человека в различных отношениях, разделяют его на части, подсистемы, ни одна из них не рассматривает человека как целостность. Тем более не существует науки, которая исследовала бы отношения мира и человека в их единстве как взаимодействие целостностей.

Таким образом, претензии науки на построение объективной целостной картины природного мира и общества весьма неосновательны. Тем более нет оснований выдвигать понятие научного мировоззрения как мировоззрения самостоятельного типа, так как оно не может выполнить мировоззренческой функции. В нем отсутствует ценностно-нормативный аспект, позволяющий человеку ориентироваться в мире и обществе. Мы полагаем, что нет такого духовного феномена как научное мировоззрение; данное понятие является в логическом смысле пустым по объему и, следовательно, несостоятельно.

Любое мировоззрение призвано ответить на такие вопросы как: Кто я в этом мире?; Что такое мир и какое место в нем занимает человек?; Свободное ли человек существо?; Обладаю ли я свободой воли?; В чем смысл человеческой жизни, ее цель и ценность? Что такое добро и зло, прекрасное и безобразное? На эти вопросы в принципе не может ответить наука.

Как можно заметить, в последние десятилетия, ускорение развития научного познания оказывает плодотворное влияние на процесс сближения науки и религии, на переход от былой конфронтации к сотрудничеству в целях более глубокого познания скрытой гармонии мира и места человека в иерархии бытия. Появилось множество открытий на эмпирическом и теоретическом уровнях научного познания в естественных и в гуманитарных науках, которые вступают в противоречие с парадигмами частных наук, с устоявшейся общенаучной картиной мира, основанной на принципах материализма.

Укажем некоторые из множества открытий эмпирического уровня науки, появившихся в последнее время. Например, на результаты экспериментов с проросшими зернами растений, подверженных различному речевому словесному воздействию. Такие эксперименты проводились сотрудниками отдела теоретических проблем РАН под руководством акад. П. П. Горяева, где был создан прибор, с помощью которого можно словесно обработать семена какого-либо растения и проверить действие на них молитв и проклятий [1. С. 160]. В процессе опыта зерна пшеницы получили дозу облучения в 10 тысяч рентген, в результате чего в них были порваны и перепутаны ДНК, хромосомы и гены. После облучения на эти зерна стали воздействовать молитвами и благословеньями, а затем высадили в почву, где они взошли и стали нормально развиваться. В другом эксперименте с группой зерен пшеницы, подвергнутых воздействию энергии проклятий, большинство погибло, а выжившие стали калеками [2.]. Данные

эксперименты ярко свидетельствуют о целительной силе молитв и разрушительном воздействии проклятий.

Кроме того, российские ученые исследовали действие молитвы на состояние мозга. Так, сотрудниками лаборатории нейро- и психофизиологии в Психоневрологическом НИИ им. В. М. Бехтерева были записаны энцефалограммы семи воспитанников Духовной академии в Петербурге. Они установили, что во время молитвы произошло постепенное урежение ритма биотоков мозга и у взрослого человека возникло состояние сознания, которое бывает лишь во время так называемого «медленного» сна, а в период бодрствования наблюдается лишь у младенцев до двух месяцев. Данные ЭЭГ у усердно молившихся воспитанников семинарии показывали выключение коры головного мозга, которая вновь включилась после окончания молитвы [3.]. На теоретическом уровне следует указать на теорию информационного поля Вселенной, носителем которого является космический вакуум, акад. РАЕН Г.И. Шипова. В соответствии с исследованиями астрофизики, мир видимый составляет лишь всего около 1-2% от объема или массы Вселенной [4. С. 44], а 98 % заполняет вакуум (или тёмная энергия и темная масса - мир невидимый), не фиксируемый приборами. Западный учёный Эрвин Ласло утверждает, что с этим открытием современной науки произошло повторное открытие поля акаши, о котором говорится в ведических и буддистских текстах [5. С. 29-41].

Формулирование «антропного принципа» физиками-теоретиками, теории синергетики, теории фракталов о голографическом строении Вселенной – все эти открытия так или иначе коррелируют, перекликаются с положениями мировых религий о взаимосвязи всего сущего с Творцом, с высшим космическим разумом, с Богом.

Как говорилось выше, другим фактором, сближающим науку и религию в современном российском обществе, является изменение социальной реальности в постперестроечный период. Как явление духовной жизни российского общества обыденное мировоззрение в настоящее время находится в состоянии мировоззренческого хаоса, включавшего в себя переплетение мифологических, религиозных, научных и обыденных взглядов и представлений, возникшего и в России в постперестроечный период, когда в обществе (согласно социологическим исследованиям) возникло большое количество людей, которые не верят ни во что до конца и верят во все сразу. Происходит всё большее осознание факта сочетания научно-технического прогресса с морально-нравственной деградацией, что отмечалось советским философом М. Мамардашвили ещё в 90-х гг. 20 в. Президент РФ В.В. Путин в речи 1922 г. о признании четырёх новых субъектов РФ назвал западную цивилизацию «сатанинской», подчёркивая её антигуманный характер, могущий привести человечество к самоуничтожению. Все большее число граждан России, стремясь избавиться от мировоззренческой неопределенности обращается к традиционной вере (к идеологии православия, ислама и других конфессий), которая сохраняет духовную и

историческую преемственность в жизни отечества. Русская православная церковь, впитавшая в себя на протяжении тысячи лет особенности российского менталитета, становится тем духовным и нравственным стержнем, вокруг которого объединяется большая часть российских граждан. В настоящее время ортодоксальная наука не может дать вразумительных ответов по многим актуальным естественнонаучным, общественным и гуманитарным проблемам, но такие ответы все более полно стремятся дать научные исследования ученых, не отвергающих существования духовного божественного начала, тем более, что к признанию его, нередко, приводит само решение назревших научных проблем. Указанные радикальные изменения, а также приведенные достижения науки позволяют отметить новую тенденцию в отношениях между наукой и религией, проявляющуюся во все более осознанном переходе от былой конфронтации к союзу между ними. Становится все более ясным, что наука сама по себе не может разрешить коренных проблем, стоящих перед человечеством: ни экологической, ни демографической, проблемы разоружения, борьбы с наркоманией и др.

В отличие от науки, целостный охват действительности присущ религиозному и философскому познанию. В заключение следует отметить, что в 19-20 вв. в России и существовала, до революции 1917 г., самостоятельная оригинальная (незападная) философия, представители которой так или иначе признавали наличие духовного начала, стремясь сочетать достижения науки с религиозным духовным опытом. Из них можно назвать таких всемирно известных философов как В. Соловьёв, Н. Федоров, П. Флоренский, Н. Бердяев и др. На наш взгляд, эта традиция продолжается в деятельности общественной академии естественных и гуманитарных наук во главе с её президентом, доктором технических наук, акад. РАН. Л.И. Масловым.

Ввиду бесконечной сложности мира общество, личности должны руководствоваться нравственными законами, которые не могут быть выработаны без религии, а выживание человечества возможно лишь на пути диалога и сотрудничества религии и науки. Именно на этом пути должна формироваться новая философия, вбирающая в себя и религиозный опыт тысячелетнего духовного развития, и достижения науки в познании природы и человека, философия, которая со временем должна стать самосознанием новой эпохи.

Список использованной литературы:

1. Тихоплав В, Ю., Тихоплав Т. С. Гармония хаоса. М., 2003.
2. Дмитрук М. Не спешите проклинать // Женское здоровье. 1996, № 1.
3. Голубев Е. Как измерить силу веры // Аргументы и факты. 2001, № 1
4. Знание-сила. 2001, №1.
5. Ласло Э. Наука и возрождение магии космоса. Целостное видение реальности. – Спб.: ИГ «Весь», 2011.

КОНСТАНТИНОВ Д.В.

Сибирский государственный университет физической культуры
и спорта, г. Омск, Российская Федерация

СОВЕРШЕННОЕ ГОСУДАРСТВО: МЕЖДУ СЧАСТЬЕМ И СВОБОДОЙ

Попытки построения модели идеального государства предпринимались философами ещё со времён Платона и Аристотеля. Но и сейчас едва ли можно с уверенностью утверждать, что такой идеал найден. Более того, сложность и противоречивость современной эпохи заставляют поставить вопрос о том, насколько вообще уместно говорить о создании совершенного государства, имеет ли смысл такая постановка проблемы. Именно с этой точки зрения мы и планируем рассмотреть данный вопрос, не претендуя при этом на исчерпывающую полноту анализа. В качестве теоретической основы нашего исследования мы будем опираться на экзистенциальную философию.

Чтобы говорить о совершенном государстве, необходимо прежде всего обозначить те критерии совершенства, на которые следует ориентироваться. Мы остановимся на подходе, заявленном ещё в работе Аристотеля «Политика»: «Собирающемуся представить надлежащее исследование о наилучшем государственном строе необходимо прежде всего точно установить, какая жизнь заслуживает наибольшего предпочтения. Если это остается невыясненным, то, конечно, неизвестно будет и то, какой государственный строй должен быть признан наилучшим. Ведь ясно, что пользующиеся наилучшим государственным строем должны под влиянием окружающей их обстановки и жить *наиболее счастливо* (курсив наш. – Д.К.), если этому не препятствуют какие-либо неожиданные случайности» [3, с. 453-454]. Формула совершенного государства, предложенная Аристотелем, предполагает, что в совершенном государстве люди должны быть счастливы. От этого тезиса мы и будем отталкиваться.

Следует отметить, что само понимание счастья может весьма заметно отличаться в разных философских концепциях. Сам Аристотель в качестве основы для счастья рассматривает «деятельность в духе добродетели», распространяя этот взгляд как на частную, так и на государственную жизнь [3, с. 504-509]. Мы не планируем здесь подробно рассматривать концепцию Аристотеля (такой подробный анализ уже представлен в ряде работ – см., например [6]), но обратим внимание, что Аристотель фактически соотносит счастье с отсутствием зла. Как раз такой подход, на наш взгляд, и приводит к противоречию, которое вполне точно обозначили В. Д. Губин и Е. Н. Некрасова: «Избежать зла и страдания можно лишь ценой отрицания свободы. Тогда мир был бы принудительно добрым и счастливым. Но он лишился бы своего богоподобия. Ибо богоподобие прежде всего в свободе» [4, с. 121]. Остановимся на этой идее подробнее.

Прежде всего обратим внимание, что с точки зрения экзистенциализма свобода непосредственно связывается с бытием человека. Ж.-П. Сартр говорит об этом следующим образом: «Человеческая свобода предшествует

сущности человека и делает её возможной, сущность человеческого бытия неопределённа в его свободе. То, что мы называем свободой, невозможно, следовательно, отличить от бытия “человеческой реальности”. Человек совсем не является *вначале*, чтобы *потом* быть свободным, но нет различия между бытием человека и его “свободным-бытием”» [7, с. 62]. При этом свободу в данном случае не следует понимать онтически, т. е. как возможность что-либо делать или, напротив, не делать. Л. Калбертсон справедливо характеризует такую интерпретацию как нонсенс [2, с. 236]. Сам же Сартр поясняет смысл свободы следующим образом: «...Следует уточнить, что формула “быть свободным” не означает “получить то, чего хотели”, но “определиться хотеть (в широком смысле выбирать) посредством самого себя”. Иначе говоря, иметь какой бы то ни было успех в свободе. Дискуссия, которая противопоставляет здравый смысл философам, возникает здесь из недоразумения; продукт исторических, политических и моральных обстоятельств, эмпирическое и ходячее понятие “свободы” приравнивается к понятию “способности достижения выбранной цели”. Техническое и философское понятие свободы, которое мы здесь только и обсуждаем, означает лишь автономию выбора» [7, с. 492]. Таким образом, Сартр соотносит свободу с автономией выбора, отмечая при этом, что выбор «тождествен предполагаемому действию начала реализации» [7, с. 492]. И эта связь выбора и действия представляется очень важной. Человек, согласно Сартру, – это свободный проект, не имеющий заданных наперёд оснований. Другими словами, нет ничего, что существовало бы как нечто *готовое*, на что человеку, совершающему свой выбор, можно было бы гарантированно и без особого труда опереться. В такой ситуации свобода, выступая условием человеческого, в то же время возлагает на человека *всю* полноту ответственности за собственное бытие и собственный выбор. Эта ответственность предполагает *активное* отношение, приложение определённого усилия, т. е. указывает на необходимость действовать, чтобы не лишиться себя возможности быть.

Что значит действовать, чтобы не лишиться себя возможности быть? Что может быть ориентиром для такого действия? Сартр утверждает, что единственным ориентиром здесь может быть лишь сама свобода: «В каждом конкретном случае свобода не может иметь другой цели, кроме самой себя, и если человек однажды признал, что, пребывая в заброшенности, сам устанавливает ценности, он может желать теперь только одного – свободы как основания всех ценностей» [8, с. 340]. Другими словами, «действия честных людей имеют своей конечной целью поиски свободы как таковой» [8, с. 340]. Если же человек действует вопреки свободе, то он, зная это (а знает он благодаря совести), фактически обманывает себя. И такой самообман разрушителен, поскольку свобода есть бытие человека, поэтому выход из пространства свободы означает выход из пространства человеческого. Вот почему человек, если он стремится сохранить в себе человеческое, *уже* не может поступить по-иному (если он честен по

отношению к самому себе), что, впрочем, не означает эмпирической (онтической) невозможности иного поступка.

Получается, что человек существует как человек, лишь сохраняя себя в пространстве свободы. И в этом смысле условием человека является сам человек в той мере, в какой он *стремится быть* человеком. Человек в этой устремлённости постоянно пытается воссоздать себя в целостности на своих собственных основаниях без каких-либо гарантий, однако это, безусловно, непросто. Не случайно у Ж.-П. Сартра осознание свободы характеризуется как тревога [7, с. 70]. Не случайно М. Хайдеггер, говоря о человеческом бытии-в-мире, использует слово «ужас» [9, с. 217]. Соответственно, человек может тяготиться своей свободой и ответственностью и испытывать желание переложить эту ответственность на кого-то другого.

Именно такую возможность и готовы предоставить человеку те, кто предлагает ему счастливую жизнь в совершенном государстве в обмен на свободу. Наиболее ярко, на наш взгляд, это показывает Ф. М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы». В рассказанной Иваном Карамазовым «поэме» Великий инквизитор, выступая от лица церкви как имеющий власть, адресует свой монолог Иисусу Христу, видя в нём потенциального оппонента. Он, прикрываясь заботой о слабом и безвольном человеке, как раз и призывает человека расстаться со свободой и получить взамен гарантированную счастливую жизнь без зла и страдания: «У нас же все будут счастливы и не будут более ни бунтовать, ни истреблять друг друга, как в свободе твоей, повсеместно. О, мы убедим их, что они тогда только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся. И что же, правы мы будем или солжем? Они сами убедятся, что правы, ибо вспомнят, до каких ужасов рабства и смятения доводила их свобода твоя» [5, с. 291]. По мнению Великого инквизитора, не свободы жаждет человек, а чуда, тайны и авторитета. Как раз их и может дать ему церковь, став по замыслу Великого инквизитора руководящей и управляющей обществом силой.

Возможно, Великий инквизитор сам искренне верит в то, что он говорит. Однако его образ, на наш взгляд, скорее ассоциируется со Старшим братом как собирательным образом партии и государства из романа Дж. Оруэлла «1984». Вероятно, можно здесь согласиться с Г. Бошамом, утверждающим, что аргумент Великого инквизитора о слабости отдельного человека и необходимости им руководить и направлять берут на вооружение всевозможные тоталитарные режимы: «...Великий инквизитор выступает в качестве прототипа всех Старших братьев в литературе – и в истории (курсив наш. – Д.К.)» [1, с. 141]. Действительно, Великий инквизитор готов уничтожать еретиков сотнями якобы ради всеобщего блага и счастья. Но не является ли такая забота о всеобщем благе просто удобной психологической уловкой, позволяющей оправдать своё стремление к власти ради власти?

Обратим также внимание на высказанную В. Д. Губиным и Е. Н. Некрасовой мысль, что без свободы мир «лишился бы своего богоподобия» [4, с. 121]. Уже в Ветхом Завете зафиксировано, что человеку

даруется свобода выбора: «Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло» (Втор. 30:15). Великий инквизитор, отрицая свободу и право выбора, противоречит также и самому христианскому мировоззрению. И в этом смысле его позиция действительно противопоставляется позиции Христа. Если Христос говорит о любви к человеку, то подобные Великому инквизитору под внешней маской заботы о благе человека по сути делают человека *невозможным*, т. к. человек может *быть* лишь находясь в пространстве свободы.

Подводя итог, можно процитировать В. Д. Губина и Е. Н. Некрасову: «Свобода (как и человек. – Д.К.) погибает либо от зла, либо от принуждения к добру» [4, с. 156]. Принуждение к добру ценой лишения человека свободы нельзя назвать однозначно верным решением, даже если руководствоваться при этом самими благими намерениями по избавлению человека от зла и страданий. Поэтому и проект совершенного государства, предложенный Аристотелем, в значительной степени является утопичным. Приходится признать, что возможность зла и несчастья – это сопутствующий момент свободы, в которой человек каждый раз заново вынужден воссоздавать себя без каких-либо гарантий успеха.

Список использованной литературы:

1. Beauchamp G. ‘The Legend of the Grand Inquisitor’: The Utopian as Sadist // *Humanitas*. 2007. Vol. XX. № 1 and 2. P. 125-151.
2. Culbertson L. Sartre on Human Nature: Humanness, Transhumanism and Performance-Enhancement // *Sport, Ethics and Philosophy*. 2011. Vol. 5. № 3. P. 231-244.
3. Аристотель. Политика. М.: РИПОЛ классик, 2010. 592 с.
4. Губин В.Д., Некрасова Е.Н. Человек в трёх измерениях. М.: РГГУ, 2010. 321 с.
5. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Том 9. Братья Карамазовы. Части 1-3. Ленинград: Наука, 1991. 696, [8] с.
6. Кочеров С.Н. Аристотель о счастье как высшей цели государства // *Schole. Философское антиковедение и классическая традиция*. 2020. Т. 14. № 2. С. 470-482.
7. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.
8. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // *Сумерки богов*. М.: Политиздат, 1990. С. 319-344.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503, [9] с.

КОЧЕТКОВ И.И.

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», г. Нижний Новгород, Российская Федерация

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ

Сложный и противоречивый характер проблем исторической урбанистики придает особое значение методологическим аспектам ее изучения. В научной литературе до сих пор отсутствует единство в понимании многих важнейших аспектов истории урбанизации, и прежде всего при определении ключевых понятий - «урбанизации», «города», проблемы периодизации развития городской жизни и др.

Такое положение дел определяется прежде всего междисциплинарным характером изучения проблем урбанизации, которые будучи объектом исследования сразу нескольких научных дисциплин, анализируются с разных методологических позиций. В географической, демографической, социологической, экономической и исторической науках можно встретить разнообразные определения основных понятий.

Помимо этого, в самой исторической урбанистике имеется множество методологических подходов, использование которых, с одной стороны, ведет к расширению круга исследуемых проблем, но с другой стороны, приводит к существованию множества противоречивых концепций. Наиболее широкое применение при исследовании проблем российской урбанизации получили формационный, цивилизационный и модернизационный подходы, которые прежде всего существенно расходятся в оценке воздействия различных факторов на ее развитие.

Так, например, для марксистского, или формационного подхода, широкого распространенного в отечественной историографии, характерен экономический детерминизм, который обуславливает признание города прежде всего как центра экономической жизни и предполагает противопоставление города с деревней. Изучение процессов урбанизации ведется с позиций развития производительных сил и производственных отношений, классового противостояния основных социальных групп.

При изучении истории древнерусских городов в советской историографии длительное время господствовала концепция М.Н. Тихомирова, в соответствии с которой «настоящей силой, вызвавшей к жизни русские города, было развитие земледелия и ремесла в области экономики, развитие феодализма в области общественных отношений» [9, с. 36–37].

Это означало фактическое отождествление понятий «древнерусский город» и «центр развития ремесла и торговли». Но как показали многолетние археологические раскопки в различных древнерусских поселениях, «вероятность обнаружения внушительного числа производственных (ремесленных) комплексов крайне невелика» [2, с. 44–45].

В 90-е в годы в исторической литературе широкое распространение получил цивилизационный подход. Наиболее последовательное его применение нашло отражение в работах А.С. Ахиезера, О.И. Шкаратана, А.Г. Вишневого и др. Помимо критики марксистской методологии для него было характерно признание решающей роли социально-культурных факторов в урбанизационных процессах, отражающих особенности цивилизационного развития различных стран.

А.С. Ахиезер для характеристики особенностей российской урбанизации предложил термин «псевдоурбанизация», который, по его мнению, отражал неразвитый и ущербный характер урбанизационных процессов советского и постсоветского периодов. Автор считает, что с конца 1920-х - начала 1930-х годов городское развитие было как бы «пристегнуто» к «развернутому социалистическому строительству», прежде всего к форсированной индустриализации. С тех пор индустриализация и урбанизация стали неразрывны в истории советского общества [1, с. 28].

Эта идея нашла отклик у целого ряда авторов, включая представителей смежных дисциплин. Например, специалист в области экономической географии - Ю.Л. Пивоваров применительно к советской урбанизации использует понятие «ложная урбанизация», и относит к «распространенным заблуждениям» прочно утвердившиеся в отечественной литературе завышенные представления об уровне урбанизации страны [7, с. 106-107].

Концепция А.С. Ахиезера и его последователей, выдвинутая в контексте цивилизационного подхода, в настоящее время подвергается справедливой критике. Исследователи полагают, что термин «псевдоурбанизация», звучащий как диагноз, не позволяет оценить динамику и перспективы процессов современной российской урбанизации. Например, Г.М. Лаппо и П.М. Полян, считают, что «несмотря на специфические особенности российских городов, резко отличающие их от европейских, урбанизацию в России на высоком уровне обобщения можно считать сходной по основным стадиям с мировой урбанизацией» [4].

В последние годы в исторической и социологической литературе широко используется модернизационный подход. Его сторонники признают возможность применения западных модернизационных теорий при изучении истории российской урбанизации. В рамках модернизационной теории урбанизация рассматривается как глобальный процесс кардинальной перестройки общества на городских началах, который соотносится с определенной стадией исторического развития – переходом от аграрного общества к индустриальному, и часто не совпадает с традиционными представлениями об историческом развитии городов. Сторонники этого подхода в конечном счете представляют урбанизацию как особый этап в истории городов.

Наиболее авторитетный сторонник модернизационного подхода - Б.Н. Миронов выделяет следующие стадии развития городов: до XVII в. – отсутствие принципиальных различий между городом и деревней в

правовом, социальном, культурном, экономическом отношении, что свойственно традиционному обществу; стадию дифференциации города и села (XVII – середина XIX вв.) как следствие сначала административных решений, а затем социальных, экономических, политических, культурных процессов модернизации и стадию интеграции (вторая половина XIX – XX вв.) [6, с. 383-387].

В рамках данной периодизации вторая и третья стадия (дифференциация и интеграция) соотносятся непосредственно с урбанизацией, а первая стадия - до XVII в. фактически выпадает из нее. Нам представляется, что главным недостатком такого подхода является известный схематизм, попытка подогнать историю урбанизации российских городов под общие модели западных модернизационных процессов, которые не позволяют в полной мере отразить специфику их развития.

Наличие множества методологических подходов свидетельствует о сложности проблем истории российской урбанизации. В этой связи нельзя не согласиться с мнением Л.Н. Мазур о том, что несмотря на формирование в исторической науке разных подходов к изучению урбанизации, концептуализация этого направления (исторической урбанистики) еще не завершена и требует дальнейшей разработки. [5, с. 72].

Среди историков все чаще звучит мнение о необходимости использования комплексного подхода для изучения проблем российской урбанизации. Этот подход позволяет рассмотреть развитие города как сложный историко-культурный и социально-экономический феномен, обладающий набором специфических черт. [3, с. 20-21].

Комплексный подход имеет давние традиции в отечественной историографии. Еще в 20-х годах XX века профессор И.М. Гревс и его ученик Н.П. Анциферов рассматривали город как «цельный социальный и духовный организм», который «должно познавать в его индивидуальном развитии - от рождения через весь его рост до современного состояния» [Цит. по 8, с. 345].

Близкие идеи высказывались историками в поздний советский период, когда получила широкое признание идея о необходимости использовании полифункционального подхода при изучении истории российских городов. В частности, древнерусский город рассматривался в этой концепции как сложный социально-политический и экономический организм, выполняющий в системе феодального государства ряд важных функций – экономических, военных, административных, политических и культурных. Анализ всей совокупности функций и выявление характера их взаимодействия, по мнению авторов, дает возможность выявить специфику развития городов в определенный исторический период [2, с. 51].

В исторической литературе комплексный подход часто связывается с междисциплинарным характером изучения проблем истории урбанизации, т.е. с применением методов различных смежных научных дисциплин. Нам представляется, что помимо междисциплинарного характера исследований

необходимо принимать во внимание тот методологический плюрализм, который сложился в самой исторической урбанистике и который следует учитывать при разработке новых подходов и, в частности, комплексного изучения городской истории.

Список использованной литературы:

1. Ахиезер А.С. Город – фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса: [сборник статей] / Рос. АН, Науч. совет по комплекс. пробл. «История мировой культуры»; [Отв. ред. и авт. введ. Э. В. Сайко]. - Москва: Наука, 1995. - 351 с.
2. Древняя Русь. Город. Замок. Село / Под ред. Б. А. Колчина. – Москва: Наука, 1985. – 430 с. (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах).
3. Историческая урбанистика: теория и практика: учебник для вузов / Попова Н.А., Пономарева М.А., Малыхин К.Г, Смагина С.М., Штомпель Л.А., Галич Ж.В., Ермашов Х.Ю., Ермишина А.В., Аверьянов А.В. / Под ред.: Поповой Н.А., Пономаревой М.А.; Южный федеральный университет. – Ростов-на Дону: Издательство Южного федерального университета, 2014. – 320 с.
4. Лаппо Г.М., Полян П.М. Результаты урбанизации в России к концу XX века // Русский Архипелаг. URL: http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/evolution/prostranstvo_goroda/results_urbanizatsii (Дата обращения: 11.03.2022).
5. Мазур Л.Н. Теоретические проблемы изучения процессов урбанизации. Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города / Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием (г. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г.). – Курган: ООО «Курганский Дом печати», 2015. – 820 с.
6. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): В 2 т. / Б.Н. Миронов. - 3. изд., испр. и доп. - СПб.: Дмитрий Буланин, 2003, 548 + 583 с., 87 + 55 ил.
7. Пивоваров Ю.Л. Урбанизация в России в XX в.: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. №1. С. 101-113.
8. Суховский Н. Городская история: историография вопроса и аспекты современной исследовательской практики. Новая локальная история: Сборник научных статей. – Выпуск 4. Ставрополь-Москва, 2009. – С. 340-347
9. Тихомиров, М. Н. Древнерусские города / М. Н. Тихомиров – Москва: Госполитиздат, 1956. – 477 с.

ЛАПШИНА В. С.

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», г. Нижний Новгород, Российская Федерация

**ФИЛОСОФИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА:
ГУМАНИЗМ, УРБАНИЗМ, ЭВДЕМОНИЗМ**

Тема доклада родилась под влиянием эссе известного архитектора, Виктора Николаевича Логвинова «Удивительные приключения урбанизма в России», напечатанного в журнале «Власть» (2020). Один из виднейших зодчих современной России в острой публицистической форме размышляет о состоянии градостроительства в РФ [5].

Философия любого города прошлого, настоящего или будущего должна отталкиваться от идеи человека, подчиняться его интересам, мечтам, желаниям. Не углубляясь в исторические описания возникновения и развитие городов, отметим преимущества географических, торговых, промышленных, инвестиционных факторов. За последние полвека доля городского населения в мире увеличивается быстрыми темпами. В 1958 г. она превысила 50%, а к настоящему времени составляет почти 3/4. По данным Росстата по состоянию на 1 января 2023 года в России проживало 146 424 729 постоянных жителей, из них городского населения — 75,11%, сельского — 25,27 % (2023). То есть, когда речь заходит о современном человеке, то, вероятнее всего, он окажется городским жителем (коренным или горожанином в первом – втором поколении). Многие приезжают в города учиться, получать образование, остаются работать. Вся жизнь современного человека в большей степени осуществляется здесь, в городе: в квартирах или домах, образовательных учреждениях, на площадях, парках, скверах и т.д. Возникнув как административные, экономические, научно-технические просветительские центры и пр., города выполняют две группы функций: градообразующие и градообслуживающие. Роль последних в настоящее время крайне актуальна. Градообслуживающая сфера, начиная с 1920-х гг. в теории муниципального управления, понималась как сфера **городского благоустройства**, включающая планировку города, строительство жилых домов, асфальтирование и замощение улиц, тротуаров, зелёные насаждения, городское освещение. В широком смысле это удовлетворение социальных, материальных и духовных потребностей местного населения. Само понятие **«благоустройство»** включает слово **«εὐπορία»** (благо), что в переводе с греческого - добро, богатство, состояние, обилие. Буквально «благоразумное», «доброе устройство». В начале «Никомаховой этики» Аристотель пишет, что благо – это то, к чему стремятся люди, объект их стремлений, цель, ради которой предпринимается та или иная деятельность. Получается, что город, выполняя важную градообслуживающую функцию, в ответе за городское благоустройство в широком смысле слова. То благоустройство, которое позволит человеку чувствовать себя не только в безопасности, но и быть жизнерадостным, счастливым, здоровым,

находиться в состоянии гармонии с природой, окружающим миром. В реальности же получается, что благоустройство в городе оказывается «камнем преткновения», что современный горожанин должен отвоевать у города право жить в этом городе и получать желаемое благо. Город либо перестает выполнять имманентную ему функцию, либо происходит имитация её выполнения. Тема «Философия современного города: гуманизм, урбанизм, эвдемонизм» о том, что разногласие между городом и жителями реальность. Необходимо преодолеть это состояние, сохранив в себе человеческое.

В.Н. Логвинов в своём эссе особое внимание уделяет достоинствам и недостаткам советского градостроительства. Его размышления касаются вопросов урбанизации, а именно тех причин, которые привели к комическим, трагическим, ужасным феноменам современного городского пространства. «Урбанизм по-русски», – так коротко и ёмко эти феномены назвал архитектор. Он пишет: «Дурным у нас было не градостроительство как таковое, а его реализация в конкретных формах зданий на очень низком уровне культуры строительства, т.е. качество архитектуры зданий массовой жилой застройки – та самая «типовуха», которая нанесла культуре России колоссальный ущерб, изуродовав на столетие облик советских городов. Дурное архитектурное воплощение может дискредитировать самые прекрасные и гуманные градостроительные идеи» [5].

Одной из ошибок прошлого является выбор самой тяжёлой, бесчеловечной формы *сверхурбанизации азиатского типа*, характерной для перенаселенных карликовых государств-городов. В нашей стране вопреки санитарным разрывам, обеспеченности парковками, инфраструктурой, были проигнорированы и решительно отброшены нормы плотности жилого фонда. Ещё в 1975 г., мы видели 7500 кв. м на 1 га, а далее плотность стремительно полетела вверх: 10 000, 15 000, 20 000, 25 000 кв. м на гектар и далее без остановки [5]. К этой проблеме прибавилась другая – строительство периметральной квартальной застройки с уже известной этажностью от 25 и выше. Автор отмечает, что высокоплотная периметральная квартальная застройка широко применялась во всем мире на протяжении столетий, но при этажности только до 6, очень редко – в 7–8 этажей.

В Москве примеры бесчеловечной периметральной квартальной застройки уже существуют (ЖК «Царская площадь»). Плотностью застройки около 55 000 кв. м на гектар (рис. 1 а). Такие дома называют домами-колодцами, «человеяниками», или, как пишут жильцы, «каменными трущобами, претендующими на уникальность», «от бизнес-класса тут только внешняя бутафория и входные лобби» (Рис. 1 б). Люди в таких дворах гуляют среди машин. На одной из медиаплатформ неравнодушный автор Юлия пишет об одном из новых питерских домов: «Здесь нет вообще ничего, кроме парковки! Всё заставлено машинами. Не забывайте, мы с вами сейчас в эталонно страшном доме! Иногда кажется, что кто-то решил поставить эксперимент над людьми... Сначала немного жутковато, но потом привыкаешь» (вместо ПАРКа = ПАРКовка) (Рис.1 в).

На этапе строительства многие компании обещают, что будет подземный паркинг, отдельная парковка, широкие выезды из ЖК. Но в реальности жители имеют придомовую парковку, не рассчитанную на такое кол-во машин.

Есть и другой положительный пример - дом без парковки в г. Казань, где по решению собрания жильцов и в соответствии с концепцией «Двор без машин» (2015 г.) на территорию двора разрешен въезд только машинам экстренных служб. Это новая тенденция в городском благоустройстве – путь к повышению качества современной городской жизни.

Рис.1. а) ЖК Царская площадь, г. Москва б) Дом по бульвару Александра Грина (Васильевский остров), г. Санкт-Петербург в) «Дом с историей», Новые районы Питера

Ключевой аспект любого объекта жилой недвижимости, объединяющий архитектуру, конструкции, эксплуатационные запросы и экономические вопросы в объемно-планировочных решениях – это квартирография. В большинстве приведенных примеров (за исключением последнего) мы наблюдаем антигуманистическую квартирографию, направленную не на улучшение жизни людей, а на имитацию такого улучшения.

Заслуженный архитектор РФ В.Е. Полищук, анализируя современный инновационный урбанизм, отмечает, что современная квартирография абсолютно бесперспективна: «Современное жилищное строительство не может преодолеть некоторых накопленных инерционных проблем» [8]. Собственников в многоэтажках много, т.к. популярностью пользуются студии, однокомнатные, двухкомнатные квартиры. Владелец квартиры, как правило, имеет автомобиль, а место в подземном паркинге — по цене автомобиля. «Мамы с колясками и ученики первых-вторых классов, спустившись с 20-30 этажа, попадают на крышу паркинга или тротуары, заставленные автомобилями. Строительный бизнес возражает: «есть спрос на студии», а спрос рождает предложение! Но и «Минздрав предупреждает» — градостроители предупреждают о грядущих социальных проблемах при такой квартирографии» [8].

Философского осмысления заслуживают вопросы: «К чему приведут такие дома-человейники, подобное «благоустройство» и инфраструктура в

городе?», «Можно ли оставаться психологически уравновешенным в каменных трущобах?». Гуманистический и/или антигуманистический урбанизм мы наблюдаем? Каком бы мы хотели видеть благоустройство в городе? В нашем понимании урбанизм есть результат урбанизации и включает экзистенциальные, психоэмоциональные переживания, физические особенности проживания в городе, как сегодня принято говорить, ментальное здоровье человека.

Стараясь ответить на эти и многие другие вопросы, мы должны помнить двойственное понимание (и толкование) «гуманизма – с одной стороны, как особого мировоззрения, возникшего в эпоху Возрождения, с другой – как зонтичного термина, объединяющего различные системы взглядов, в рамках которых человеку по тем или иным причинам приписывается особая – центральная – роль и ценность». [7]. Ещё в Древнем Китае существовало аксиологическое и этическое понятие «*Жень*», обозначающее существенную характеристику человека, а также программу его деятельности [С.30]. Содержание «*Жень*» (гуманизма, человеколюбия) как основополагающего принципа учения Конфуция включало качественную определенность бытия индивидов, выбор того или иного вектора развития. Графически «*Жень*» состоит из двух знаков, обозначающих человека и цифру два, то есть два человека. Собственное бытие человека и человеческое начало совпадают [3, С.31]. Вектор развития, человеческая деятельность должны быть направлены на улучшение и преумножение **ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО**. Когда сегодня мы говорим о конфликте города и горожан, нам представляется, что за человеческое ведётся борьба только со стороны жителей города. В том же Конфуцианстве красной нитью проходит идея процветание государства, гуманистическая направленность развития общества возможны только в союзе с индивидуальным, личностным развитием (понятие «Благородного мужа»).

В погоне за экономическими показателями, рейтингом, имиджем и т.д. город порой пренебрегает, игнорирует самое ценное и главное – людей, живущих в нём, их мнения, желания и права на благо.

Древнегреческий мыслитель Аристотель писал, что для одного высшим благом (счастьем) будет созерцание, познание, для другого добродетель, для третьего наслаждения [1, С.8-9]. Счастье есть конечная цель всякого общества и всякой полезной деятельности людей. В более поздний период, материалистами XVIII века стремление к счастью трактовалось как данное человеку от природы, а достижение счастья – как осуществление подлинного назначения человека. Счастливая жизнь человека в современном городе должна рассматриваться градостроителями, архитекторами, дизайнерами, представителями органов власти как *показатель* их профессионализма, успешной экономической и творческой деятельности. Современному урбанизму необходимо опираться на два ключевых начала: эвдемонизм и гуманизм. От формулы «Счастье человека в городе возможно» до «Человек счастлив в городе» (Рис.2). Гуманистический урбанизм предполагает

возвращение города людям, живущим в нём. Необходимо, как считает датский архитектор Ян Гейл, вернуть городу «человеческий» облик, а не конструировать его пространство согласно нуждам транспорта, который негативно действует и на экологическую атмосферу города, и на его эстетический вид. Суть города для Гейла — человеческая энергия [2].

Рис.2 Формула современного урбанизма

Кандидат философских наук, преподаватель Института философии и социально-политических наук ЮФУ О.В. Петровская отмечает, что постиндустриальный урбанизм наших дней это: пешеходная доступность, удобная логистика движения, жилье различных типов, высококачественная среда архитектуры и городская среда, качество жизни, традиционная планировочная структура, решение проблем транспорта, эффективное использование пространства, улучшение социального климата, налаживание связи с населением города и учёт его интересов» [6].

Очевидно, что отказ от азиатской модели урбанизации, работа над ошибками прошлого, установление диалога жителей, профессиональных архитекторов и структур власти, – всё это требует времени, стратегического планирования, конструктивных решений. Но сегодня мы уже наблюдаем положительный опыт, приносящий пользу городу и городскому населению – урбанистический активизм. *Урбанистический активизм* – это деятельность жителей города по преобразованию городской среды в условиях современного урбанизма. Указанная деятельность может включать выдвижение инициатив по благоустройству, выражение желаний по улучшению облика города, голосование за реконструкцию или создание городских объектов, выбор архитектурных проектов [4]. Может показаться, что это деятельность есть сопротивление или борьба за благо, но в идеале она должна быть совместной работой неравнодушных, инициативных жителей и структур власти («Благородных мужей») по благоустройству города.

Список использованной литературы:

1. Аристотель. Евдемова этика. – М., 2005.- 448с.
2. Гейл, Я. Города для людей: Пер. англ. М.: Аль-пина Паблишер, 2012. 276 с.

3. Гусейнов, А.А. Великие моралисты. – М.: Республика, 1995. – 351 с.:ил.
4. Лапшина, В. С. Социально-философский феномен урбанистического активизма / В. С. Лапшина // Kant. – 2022. – № 1(42). – С. 127-131. – DOI 10.24923/2222-243X.2022-42.23. – EDN ZNHSDA.
5. Логвинов, В. Н. Удивительные приключения урбанизма в России / В. Н. Логвинов // Власть. – 2020. – Т. 28. – № 1. – С. 273-278. – DOI 10.31171/vlast.v28i1.7090. – EDN ILGNZT.
6. Петровская, О.В. Современные теории развития урбанизма // Научная мысль Кавказа. 2014. №4 (80). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-teorii-razvitiya-urbanizma> (дата обращения: 14.01.2023).
7. Пирожкова, С.В. Преемственность и противостояние гуманистических концепций // Studia Humanitatis Borealis. 2022. № 4. С. 14–24. DOI: 10.15393/j12.art.2022.3902
8. Полищук, В.Е. Инновационный урбанизм // Инновации. 2015. №4 (198). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnyu-urbanizm> (дата обращения: 17.01.2023).

ЛОЙКО А.И.

Белорусский национальный технический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

ПОЛИТИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

Аристотель одним из первых обратил внимание на то, что у экономических интересов социальных общностей есть политическое выражение [1]. Оно имеет институциональное пространство государства. Поэтому реализуя системный подход к обществу, Аристотель конституировал предметную область экономической и политической науки. В последующем она стала называться политической экономией [2]. Исходное утверждение этой науки заключается в том, что существует феномен политического мировоззрения экономических интересов.

Аристотель, анализируя устройство античного общества греческих полисов, отмечал, что это общество построено на использовании труда рабов. Экономический интерес в работоторговле обусловлен минимальными затратами на содержание работников. Поэтому в экономические интересы не входит внедрение техники. Соответственно доминанте работоторговли строилось политическое мировоззрение. К институту демократии имели отношение только свободные граждане. Рассуждения этих граждан о правах не принимали во внимание очевидное с современной точки зрения антигуманное отношение к отдельным социальным группам людей. Даже статус свободного гражданина не имел абсолютной гарантии. Пленение

могло означать начало процесса продажи в рабство. Платон без пленения чуть не стал рабом. Он был выставлен на продажу и только через выкуп сохранил статус свободного гражданина.

В эпоху Возрождения начали формироваться экономические интересы социальных групп Европы, связанные с рыночной экономикой и промышленной деятельностью. Наиболее активно эти интересы стали себя проявлять в государственной деятельности и политическом мировоззрении в Англии. Это проявилось в философских учениях Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж. Локка, Д. Юма. От философии стала отталкиваться рефлексия английской политической экономии, представленная А. Смитом.

К. Маркс и Ф. Энгельс воспользовались интеллектуальными достижениями английской политической экономии в процессе написания труда под названием «Капитал». В этом труде была четко сформулирована содержательная компонента экономических интересов буржуазии. Она связана с феноменом прибавочной стоимости.

Модель свободной рыночной конкуренции содержала риски для экономических интересов буржуазии. Эти риски связаны с цикличностью функционирования рыночной экономики. Экономический цикл заканчивается кризисом. В этот момент экономические интересы буржуазии нуждаются в поддержке государственных структур власти. К подобному открытию пришел Дж. Кейнс. Его методологией воспользовался частный бизнес и государственные структуры США в период великой депрессии. Они не хотели распространения идеологии марксизма. Для них проблемой было существование СССР. В Германии этой методологией не воспользовались структуры государственной власти, и в итоге Веймарская республика оказалась под контролем А. Гитлера, который придерживался позиций крайнего национализма (арийская теория). В результате Европа стала эпицентром второй мировой войны.

Поскольку идеология национал-социализма в Германии имела тоталитарную направленность, то Великобритания, США и Франция стали противостоять вместе с СССР наступлению немецкой армии в Европе и Северной Африке. Основной вклад в разгром фашизма внесла Советская Армия. Но после завершения второй мировой войны Великобритания и США объявили СССР холодную войну.

Государственный капитализм США стал доминировать в западном мире. Его геополитические амбиции сдерживал только военный потенциал СССР. На фоне геополитики существовали экономические интересы частного бизнеса, представленного транснациональными корпорациями. Эти интересы обусловили создание общества массового потребления в границах золотого миллиарда и общества массового производства, каковым стала Китайская Народная Республика. На поставках энергетических ресурсов на мировой рынок специализировались государства Ближнего Востока и СССР.

Эта ситуация всех устраивала до распада СССР. Когда геополитическое равновесие нарушилось в пользу США, началось быстрое

продвижение структур НАТО к границам России. Эта тенденция могла закончиться только новой геополитической конфронтацией. В этой конфронтации просматриваются экономические интересы крупных компаний США, связанных с военно-промышленным комплексом и оборонными заказами, а также видны экономические интересы энергетических компаний, которые заинтересованы в доминировании на энергетическом потребительском рынке Европейского Союза. Эти экономические интересы формируют политическое мировоззрение государственных структур США.

Еще одним экономическим интересом государственных структур США является возврат производств из пространства Европейского Союза в пределы страны. Этой проблемой была озабочена администрация Д. Трампа. Администрация Дж. Байдена строго следует этой озабоченности и практически делает все возможное, чтобы вернуть производства в Северную Америку. Это социальный вопрос занятости населения.

В новых условиях доминирования экономических интересов бизнеса США важным является вопрос об экономических интересах частного и государственного бизнеса Российской Федерации. Этот бизнес традиционно был ориентирован на энергетический рынок Европейского Союза. Его интересы во многом формировали политическое мировоззрение российской государственной элиты. Это была терпеливая политика в отношении расширения НАТО к границам России. Когда риски конфликта уже осознавались, была провозглашена стратегия Большой Евразии, в рамках которой важная роль стала отводиться стратегическому партнерству с КНР [3]. Под эту стратегию была ориентирована экономическая программа интенсивных поставок энергетических ресурсов в КНР. Началась активная модернизация транспортных коридоров. Это дальневосточные российские порты, железные и автомобильные дороги. Эти проекты требуют времени на реализацию, поскольку речь идет о трудных климатических и ландшафтных условиях, а также малонаселенных территориях с практически отсутствующей придорожной инфраструктурой.

Важным для частного бизнеса России является черноморский регион. В этом регионе существует хорошо развитая инфраструктура дорог, портов. Здесь проживает русскоязычное население, которое не утратило связи с культурой России. Здесь есть Турция, которая находится у границ Европейского Союза. Турция на уровне государственных структур остро нуждается в создании устойчивой экономической основы страны. Эта основа связывается с совместными проектами с Российской Федерацией в области атомной энергетики и транзита природного газа к границам Европейского Союза.

Через Северный Кавказ и черноморские порты Россия осуществляет торговые отношения с Индией и Ираном. В регионе создается сухопутная транспортная и морская логистика, которая будет способствовать формированию экономического пространства Большой Евразии с выходом на рынки Ближнего Востока и Северной Африки. Политические условия для

экономического сотрудничества России с государствами Африки созданы через отношения с Алжиром, Египтом и Центрально-Африканской Республикой.

Для России важную роль играет латиноамериканский политический и экономический вектор. В этом регионе сформировались союзники Российской Федерации в лице Республики Кубы, Венесуэлы, Никарагуа. Важную роль играют отношения с Бразилией в рамках БРИКС.

Таким образом, политическое мировоззрение экономических интересов создало в начале XXI столетия новую геополитическую ситуацию, в которой доминирует военно-промышленный комплекс и энергетические компании США. Этим наблюдением подтверждается тезис о том, что экономический базис рыночной экономики, акцентированный на цели получения прибыли, формирует политическое мировоззрение государственной надстройки.

Фактически подтверждается известное учение В.И. Ленина о высшей стадии развития капитализма в форме империализма. В этих условиях Российской Федерации и КНР приходится идти по пути экономического и военно-политического сближения. Это сближение обеспечивает возможность противостоять геополитической экспансии США в европейском и тихоокеанском регионах планеты. Это важно для многих государств, которые придерживаются ценностей государственной независимости и суверенитета. В числе этих государств Республика Беларусь.

Список использованной литературы:

1. Авокян-Форер А.Г. Философия экономики Древней Греции // Философия и культура. 2020. № 8. С. 46-52.
2. Брегианни А. Аристотель о деньгах и об экономике: предварительные заметки // Review of Business and Economics Studies. 2017. № 5(3). С. 32-39.
3. Loiko A.I. Geopolitical dynamics of Greater Eurasia // Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2022. Vol.6. iss.3. P.353-358.

ЛОЙКО Л.Е.

Академия МВД Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГИИ: КОНТЕКСТ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Сто лет назад в Европе была актуальной тема кризиса культуры (О. Шпенглер), переоценки ценностей (Ф. Ницше), сохранения ценностей (неокантианство). Эта тематика обсуждалась основоположником современной феноменологии (Э. Гуссерлем) и представителями экзистенциализма (К. Ясперс, М. Хайдеггер). Спустя сто лет тема кризиса европейской культуры опять стала актуальной, поскольку западные

социальные технологи идут по пути переоценки ценностей. Темой стала роль СССР в разгроме европейского фашизма в годы второй мировой войны. Целью информационной войны является обесценивание вклада Советской Армии в освобождение европейских государств от государственной идеологии фашизма. Кроме Германии в пространстве этой идеологии находились Венгрия, Испания, Италия, Румыния и Болгария. Дивизии этих стран участвовали в походе немецкой армии на Москву, Ленинград и Северный Кавказ. Их целью была оккупация территории СССР.

Для того чтобы добиться цели информационной войны политические элиты европейских стран разрушают инфраструктуру памяти о погибших солдатах и офицерах Советской Армии. Мемориалы рассматриваются западными политическими технологами как инструменты пропаганды, а также исторической памяти о реальных событиях времен второй мировой войны. Одной из целей является утверждение интерпретации исторических событий с положительным образом националистических организаций, близких по идеологии к современному неонацизму. Подобные интерпретации используются политическими элитами Латвии, Литвы, Украины и Эстонии.

Националистические формирования этих стран активно участвовали в массовом уничтожении еврейских гетто и мирного населения Беларуси. В связи с этим в Республике Беларусь генеральной прокуратурой ведется расследование геноцида белорусского народа в 1941-1944 гг. С этой целью изучаются массовые захоронения мирного населения с тем, чтобы установить причастность конкретных лиц к гибели детей, женщин и стариков. Одновременно изучаются архивы с тем, чтобы обнаружить документальные свидетельства преступной деятельности пособников оккупационных властей. Наглядным образом совершенных националистами преступлений в 1941-1944 гг. является Хатынь [3].

Переоценка ценностей для неонацистских организаций дала им право на статус государственной идеологии, что произошло в Украине. Это выразилось в распространении нацистской символики, печатных изданий, натальных изображений, прославлении лидеров националистических организаций периода второй мировой войны, переименовании улиц и площадей. Радикально переписаны учебники по истории.

В начале XX столетия неокантианцы одними из первых поняли значимость аксиологических модусов социальной истории. Они понимали опасность политических идеологий, базировавшихся на принципах социал-дарвинизма. Это принципы естественного отбора и борьбы за существование. Чтобы ценности не стали объектом отрицания неокантианцы постулировали их априорный статус. Они надеялись на то, что общественное сознание европейской культуры примет это как данность и будет руководствоваться этой данностью. Они также надеялись на авторитет философии И. Канта и позитивный образ немецкой культуры, созданный этой философией. Но нигилизм был слишком силен в общественных настроениях начала XX

столетия. Он сформировался в XVIII столетии во время французской буржуазной революции. Он получил распространение на весь европейский континент. Это явление стало предметом рефлексии и в России.

Философы считали правилом отмежеваться от концепции Ф. Ницше. Это видно по работам Н. Минского [2]. Именно неприятие переоценки ценностей помогло Н. Бердяеву сохранить приверженность христианскому гуманизму и стать основоположником персонализма. По такому же пути пошел Н. Лосский [1]. Как и Н. Бердяев, он преодолел в себе нигилизм и сделал большой вклад в развитие русской религиозной философии. Благодаря этим философам современная политическая элита России дистанцировалась от радикального европоцентризма и стала на путь, сформулированный в трудах Н. Данилевского. Это путь самодостаточной и самостоятельной цивилизации, которая не бросает русских в чужом для них социокультурном пространстве.

К этому пониманию цивилизационной аксиологии Н. Данилевского Н. Бердяев и Н. Лосский пришли в миграции. В миграции к этому пониманию пришли представители евразийства. На фоне этих процессов понимания продолжал свою эволюцию нигилизм. В результате Россия чуть не лишилась собственной цивилизационной идентичности в условиях доминирования идеологий коммунизма и глобализации. С наступлением очередной эпохи кризиса европейской культуры стала очевидной значимость культурного кода. Этот код содержит систему ценностей, создающую семантику идентичности России.

Таким образом, контексты социальной истории представлены культурным кодом цивилизации, культурной локальностью и солидарностью цивилизационной идентичности. В свете этих определений становится понятной динамика социальных процессов в начале XXI столетия. Эта динамика содержательно формируется столкновением цивилизаций. Это столкновение тестирует цивилизационные общности по критериям солидарности, ответственности и преемственности топонимии культуры. В настоящее время Россия проходит этот тест. Она его проходит в условиях многовекового влияния на ее культуру европоцентризма.

Судя по динамике событий Россия не так сильно зависит от европоцентризма. Это дает ей возможность возродить свой статус как евразийской цивилизации и строить новые формы сотрудничества с культурами Большой Евразии.

Список использованной литературы:

1. Лойко Л.Е. С. Франк и Н. Лосский / Наследие С.Л. Франка в контексте русской и европейской культуры / Под редакцией проф., д.ф.н. М.О. Орлова. Саратов: ИЦ «Наука», 2019. С. 69-73.

2. Русецкий А.В., Русецкий Ю.А. У истоков русского символизма. Николай Минский из Глубокого / Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова». 2006. Т.5. С.102-110

3. Убийцы Хатыни. 118-й украинский батальон охранной полиции в Белоруссии, 1943-1944 гг.: Сб. док. / Нац. архив Республики Беларусь, Центр. архив Ком. гос. безопасности Республики Беларусь, Ин-т рос. истории РАН, Фонд «Историческая память»; Сост. И.А. Валаханович и др. М.: Изд-во «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»); Фонд «Историческая память», 2018. 480 с.

ПЕТЕВ Н.И.

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, Российская Федерация

ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Проблематика идеального государства и общества является актуальной для человека во все времена. Она породила множество различных концептуальных моделей, в том числе утопий и антиутопий. Хотя трансгуманизм изначально не ставил целью инициирование политических изменений в будущем, тем не менее, со временем эта тема коснулась и его. Дело в том, что учитывая, что человеческое существование в настоящее время плотно переплетено со всеми социально-политическими реалиями, то невозможно говорить о его собственной трансформации, исключая изменения в сфере его присутствия. Антиутопические концепции известны широкому кругу людей, так как многие из них отражены в научной фантастике. Подобный пессимистический взгляд на прогрессивное развитие техники отражено в таком жанре литературы как киберпанк. Как правило, эти работы связаны с футуристическими представлениями об упадке человечества по причине развития и доминирования науки и техники над всеми остальными сферами жизни.

Трансгуманизм наоборот рассматривает научно-технический прогресс как катализатор «эволюции» человека. В действительности у трансгуманизма нет единой теории идеального государства. Фундамент его телеологии связан с достижением научных прорывов с целью улучшения индивида, повышения качества и эффективности жизни и т.д. Тем не менее, представители данного течения не только не отвергают политическую сферу, но и стремятся активно поддерживать и внедрять своих сторонников в различные государственные структуры. Вита-Мор Н. указывает, что хоть трансгуманистическая политика разнородна, тем не менее, она занимается решением более глобальных и острых проблем, нежели отдельные политические фракции [12]. Иными словами политическая платформа данной организации создана с целью привлечения внимания к тем задачам, которые являются, по её мнению, наиболее важными в настоящее время. Необходимо отметить, что трансгуманизм стремится обеспечить себя протекторатом в лице, как политических, так и экономических (в частности, в аспекте спонсирования

организации) сил в современном мире для реализации своего проекта. Подобное положение вещей указывает на прагматический и утилитарный примат социально-политической активности, однако, каков действительный мотив, – решение поставленных задач или политическая власть – вопрос неоднозначный.

Трансгуманизм не предоставляет чёткого описания идеального государства/общества, однако фундаментом для него должна быть идея становления постчеловека. Бостром Н. называет идею идеального общества/государства неэффективной и ограниченной, ассоциируя её с низкотехническими средствами [5]. Он рассматривает некий идеал будущего как становление «царства постчеловека» через реализацию трансгуманистического проекта. Осуществление вышеуказанной инициативы имеет определённые требования. Во-первых, создание «почвы», т.е. условий для выполнения данной программы (глобальная безопасность, технический прогресс, широкий доступ технологий и т.д.). Такие условия можно классифицировать как внешние, зависящие от социальных и политических (в том числе в мировом масштабе) факторов. Во-вторых, требуется разработка, становление и реализация трансгуманистических ценностей и идеалов. Иными словами это идеологические и аксиологические трансформации ментальности. Данные ключевые моменты должны создать идеальную среду, в которой возможен процесс трансгрессии от человека к постчеловеку.

Таким образом, многие декларируемые социальные, гендерные, политические и т. д. изменения непосредственно не отражают содержание концепта трансгуманистического общества/государства, но являются лишь требованиями, исполнение которых необходимо для трансгуманистического проекта. Иными словами, они касаются настоящего, но не сказываются о будущем устройстве человеческой жизни. Возникает вопрос о том, может ли вообще трансгуманизм при всей своей неоднородности реализовать установленные им цели? Хьюз Дж. в работе «Политика трансгуманизма» рассматривает различные течения в данном движении: начиная от либерально-демократического и фашистского, заканчивая киборгианскими социалистско-феминистками, постдарвинистскими левыми и т.д. [8]. Диапазон их политических представлений колоссален, а отдельные идеи и принципы могут быть диаметрально противоположны. Тем не менее, сам трансгуманизм не только не видит проблемы в подобном плюрализме, но и не стремится нивелировать различие политических идей. Вита-Мор Н. отмечает, что в отличие от обычных политических групп, которые отстаивают личные интересы, трансгуманисты в независимости от политической фракции или группы, в первую очередь преследуют цели трансгуманизма и заинтересованы в решении установленных им проблем [12]. Манн С. указывает, что независимо от того является ли представитель данной философии левым или правым, все трансгуманисты сосредоточены на одной перспективе, и действуют в соответствии с политикой Декларации [9].

Стоит указать, что Бостром Н. в своей работе «История трансгуманистической мысли» (2005) указывает положения Трансгуманистической Декларации, где в седьмом пункте отмечено, что «трансгуманизм не поддерживает какую-либо конкретную партию, политика или политическую платформу» [4, с. 21]. Совершенно иное содержание данного документа наличествует в настоящее время (на официальном сайте «Humanity+» [11]). В новой формулировке можно отметить два важных момента. Во-первых, отсутствует какое-либо указание на политическую нейтральность. Во-вторых, присутствует прямое требование финансового спонсирования гуманистического проекта (что отсутствует в первой формулировке). Такая особенность связана с тем, что в первом случае представлен вариант разработанный «World Transhumanist Association» (сокр. WTA), а во втором «Humanity+» (сокр. Н+). До 2008 года ассоциация трансгуманистов называлась «WTA», затем реорганизовалась в «Н+», а в 2009 году была принята новая формулировка Декларации. Таким образом, данная ассоциация не только отбросила свою политическую индифферентность, но и подчеркнула финансовую заинтересованность в поддержке.

Всё вышесказанное подводит к необходимости моделирования возможного общества/государства на основе трансгуманистических принципов и идей. Трансгуманизм предполагает, что решение политических и социальных проблем, в том числе и острых конфликтов, лежит не только не в этих сферах, но даже и не в сфере экономического. Иными словами, справиться с кризисными ситуациями, нестабильностью, разногласиями и улучшить жизнь можно только при помощи научно-технического прогресса. Устанавливая равенства в возможностях между индивидами, группами, обществами и т.д., исключается необходимость конкурентной борьбы за желаемые блага.

Следующий важный момент связан с проблематикой производства распределяемых благ в обществе/государстве. Ортега-и-Гассет Х. отмечал, что современного массового человека не интересуют источники благ, и он не видит иной обязанности кроме как домогаться их по праву рождения [2, с. 58]. Его не интересует собственно производство и сохранение имеющихся ресурсов, но лишь его собственная доступность к ним. Такая архитектура личности есть продукт мелкобуржуазной философии, коммерциализации и концепции потребительства, которые необходимы для жизнеспособности капитализма. Несомненно, что прежде чем что-либо потребить, требуется это произвести. Для трансгуманизма такой производственной силой становится наука и техника. Иными словами, научно-техническое развитие должно быть настолько высокотехнологичным и автоматическим, что с человека будет снято долженствование заботы о производстве благ и ресурсов. За него уже будет реализован данный процесс, а ему останется лишь потреблять. Достаточно острыми в данном случае остаются вопросы о количественно-

качественных характеристиках потребляемого, и о том каким будет экзистенциальное состояние индивида в данных условиях.

Сознательно или бессознательно, но идеология трансгуманизма стремится избежать тенденций эскалации и доминирования принципов капитализма. Превращение прибыли в капитал, эксплуатация индивидов, разделение труда и т.д. привели к классовой стратификации, и соответственно к разнице доступа к ресурсам не элитарных слоёв общества и знати [3, с. 214-216]. Равное распределение всех имеющихся ресурсов и благ должно исключить подобное положение вещей. Дело в том, что научно-технический прогресс должен обеспечить следующую ситуацию. Во-первых, излишняя продукция не превращается в капитал. Достигается это тем, что она доступна каждому и производится в необходимом количестве. Во-вторых, устранение эксплуатации труда индивида, что обеспечивается тем, что производством благ занимается лишь техника, а человек отчуждается от данного процесса. В-третьих, полная ликвидация классовости путём исключения разделения труда. Дело в том, что если человек не будет участвовать в производстве, то и разделение труда не понадобится. Частная собственность при разделении труда предполагает, что обладание определёнными вещами, которых у других нет, становится основой для эксплуатации [3, с. 184], и именно равный доступ к ресурсам должен исключить данный компонент. В данном случае прослеживается реверсивная логика генезиса капиталистических тенденций. Однако, хотя гипотетически подобная конструкция выглядит обосновано и рационально, но её практическая реализация, исходя из совокупности современных социально-экономических и политических условий, сомнительна. Коренные перемены в социуме, как правило, инициированы элитарным классом, за исключением отдельных событий (например, революций), но вызывает сомнение то, что данная группа будет готова отказаться от своего статуса и имеющихся привилегий.

Возникает вопрос о том, а будет ли в «новом мире» какая-нибудь централизованная власть? Если и будет, то какая? Сам трансгуманизм не отвечает на данные вопросы. Дело в том, что большинство идеалов государственности, выдвигаемых представителями данного течения, зависят от их собственных политических взглядов или принадлежности к определённой партии. Более того, трансгуманистов интересует государство не в будущем, а в настоящем. Некие внешнеполитические и внутрисоциальные изменения необходимо реализовывать в настоящее время, так как именно они позволят воплотить в реальность трансгуманистический проект. Не имеет значение, относится представитель данного течения к «левым» или «правым», либерал-демократ он или коммунист, важным является только одно – любая форма политического управления, экономическое устройство и централизованная власть должны преследовать интересы трансгуманизма. Цели данного течения в подобной ситуации являются не столько приоритетными, сколько категорическими. В целом, всё

устройство государства/общества должно выступать катализатором научно-технического прогресса и воплощением идей улучшения жизни человека.

Но это только с одной стороны. С другой стороны, Бостром Н. отмечает, что «цель создания нового и лучшего мира с помощью централизованно навязанного видения стала устаревшей» [4, с. 6]. В частности, он это относил к политическим учениям и устройствам социума. Государство является фактором, который определяет специфику развития различных сфер человеческой жизни, занимается его защитой, а также распределением благ между индивидами. Однако ряд трансгуманистических идей (абсолютное равенство; полное по качеству и количеству обеспечение благом для всех; отсутствие разделения труда, классовости и эксплуатации; концепция единого разума и т.д.) не только снимает с государства часть его функций, но и тем самым ставит вопрос о необходимости такого института в некоем «совершенном мире». Ортега-и-Гассет Х. отмечал, что государство является механизмом (машиной), который контролирует каждый участок социального тела, и что в своей современной форме оно поглощает социальную активность, заставляя общество жить ради государства [2, с. 127-129]. Для трансгуманизма государство это инструмент. Если же этот инструмент не выполняет свои функции, то необходимость в нём отсутствует. Таким образом, централизованная власть в лице государства может наличествовать в качестве «невидимой руки» (аналогично как у Лао-Цзы), которая вмешивается лишь при острой необходимости или же полностью упраздняется по причине отсутствия необходимого функционала. Третьим вариантом может быть формирование некоего суррогата, который должен будет обеспечить и реализовывать абсолютную мировую всеобщность.

Важной чертой нового государства является решение гендерного и сексуального вопроса. Трансгуманисты лояльно относятся к представителям ЛГБТ-сообщества, феминистическим группам и т.д., и даже считают их своими естественными союзниками (все они соблюдают принцип полного права использования своего тела по своему усмотрению). Анализируя будущего человека (постчеловека) Эсфандиари Ф.М. (FM-2030), отмечал, что одной из его черт будет андрогинность [7]. Кроме того, трансгуманизм связан с таким движением как постгендеризм. Представители этого течения стремятся решить ряд вопросов связанных с деторождением, сексуальностью, гендерностью и т.д., делая акцент на ликвидацию ограничений и свобод в самоопределении [6]. Несомненно, что исключение гендерных и сексуальных особенностей в данном случае является критерием тенденции нивелирования конфликтов и исключения борьбы на почве ущемления прав.

Кроме того, стоит отметить также и возможные изменения религиозного мировоззрения в трансгуманистическом государстве. Эсфандиари Ф.М. указывал, что для постчеловека будет характерно отсутствие каких-либо религиозных взглядов [7]. Мор М. хоть и не

исключает синтеза (в редких случаях) религиозных и трансгуманистических идей, но подчёркивает тот факт, что они исключают друг друга [10, с. 8]. Сфера религии при реализации трансгуманистического проекта теряет свою актуальность аналогично тому, как это происходит с государством (отсутствие функционала). Место Бога занимает научно-технический прогресс и идеальный постчеловек (или иной технологический суррогат).

Подводя итоги необходимо отметить, что в настоящее время в идеологии трансгуманизма не встретишь аналога «Государства» Платона или «Левиафана» Гоббса Т. Данное философское течение не занималось последовательной и систематической разработкой идеи идеального государства. В частности, проблематичность подобной работы состоит не только в том, что сама эта организация неоднородна по своему составу, но и в том, что этот вопрос его не интересует де-факто. В теории трансгуманизма вопрос государственности и политики даже не вторичен (не второстепенный). Обращение к данным темам имеет утилитарный и прагматический характер, в частности для собственной актуализации и привлечения поддержки (в том числе финансовой). К вышесказанному можно добавить, что в данном философском течении можно обнаружить идеи таких концепций как космополитизм (рассмотрение всего человечества как некой единой общности, основанной на принципе всеобщего равенства), анархизм (в учение либертарианских трансгуманистов и некоторых экстропианцев), коммунизм (решения капиталистической проблематики с помощью технических модернизаций) и т.д. Однако предпринимаемый некоторыми представителями и отдельными группами синтез современных проблем и футуристических (фантастических) концепций, в частности взятых из литературы, образуют утопический примат их идей и принципов. Бердяев Н.А. отмечал, что человек движет утопиями, и он постоянно разочаровывается в этих утопиях, которые пытался реализовать [1, с. 87]. Сам трансгуманизм порождает искусственную мифологию (как например миф о постчеловеке), которая создаёт и питает утопию идеального будущего «царства», но и последняя становится донором, что поддерживает жизнеспособность первой.

Список использованной литературы:

1. Бердяев Н.А. Истина и откровение. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996. [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1947_043_00.html (дата обращения: 16.01.2023)
2. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2018 – 256 с.
3. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2016. 624 с.
4. Bostrom N. A History of Transhumanist Thought. Journal of Evolution and Technology, Vol. 14., I. 1., 2005. 1-25 pp. [Электронный ресурс]. URL: <http://jetpress.org/volume14/bostrom.html> (дата обращения: 16.01.2023)

5. Bostrom N. Transhumanist Values. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20071014013128/http://www.transhumanism.org/index.php/WTA/more/transhumanist-values/> (дата обращения: 16.01.2023)
6. Dvorsky G. & Hughes J. Postgenderism: Beyond the Gender Binary. Hartford, CT: Institute for Ethics and Emerging Technologies, 2008. 18 p.
7. Esfandiary F. M. (FM-2030). Are You a Transhuman?: Monitoring and Stimulating Your Personal Rate of Growth in a Rapidly Changing World. New York, NY: Warner Book inc., 1989. 227 p.
8. Hughes J. The Politics of Transhumanism. [Электронный ресурс]. URL: <http://changesurfer.com/Acad/TranshumPolitics.htm> (дата обращения: 16.01.2023)
9. Mann S. WEARABLE COMPUTING as a means for PERSONAL EMPOWERMENT. Keynote address titled presented at the 1998 International Conference on Wearable Computing ICWC-98. Fairfax, VA, 1998. 8 p.
10. More M. The Philosophy of Transhumanism. In: The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future. Chichester, West Sussex, UK: Wiley-Blackwell, 2013. pp. 3-17
11. The Transhumanist Declaration // website «Humanity+». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.humanityplus.org/the-transhumanist-declaration> (дата обращения: 16.01.2023)
12. Vita-More N. The Transhumanist Manifesto. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.humanityplus.org/the-transhumanist-manifesto> (дата обращения: 16.01.2023)

САРАСОВ Е.А.

ООО «ЧТЗ-УРАЛТРАК», г. Челябинск, Российская федерация К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЙ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УЧЕНИИ АРИСТОТЕЛЯ

Политическая и правовая природа человека и гражданина является одним из важнейших вопросов современной науки и общественной практики. Особенно в той части, которая связана с проблемами достижения всеобщего блага, построения совершенных общества и государства, воспитания полноценной личности, создания справедливого законодательства [2, 3, 4, 5, 6, 7]. Одним из первых, кто обратился к этому вопросу – это древнегреческий ученый Аристотель, классик политической науки, заложивший ее основы и, в частности, разработавший ее базовый понятийный инструментарий. Поэтому целесообразно рассмотреть, как он определял эти понятия (человека и гражданина), что он в них вкладывал.

Аристотель обратился к вопросу об определении понятий человека и гражданина, руководствуясь конкретной целью: разработкой своего учения об идеальном государстве. Он считал, что государство – это не только самая

высшая форма человеческого общения (политическая), но и известная организация обитателей государства [1, с. 99], то есть организованная совокупность граждан, которые могут принимать участие в данной форме общения.

Прежде чем говорить о том, как Аристотель определял гражданина, и что он вкладывал в это понятие, необходимо рассмотреть, как он определял вообще человека. Это полезно для выявления тех подходов, которые применял философ для разработки тех или иных понятий и, в частности, для сравнительной характеристики понятий человека и гражданина.

Определяя понятие человек, ученый отталкивался прежде всего от понятия «общение». Целью всякого общения является какое-либо благо. Семья, селение, государство – это все формы общения человека [1, с. 4-7], благодаря которым он может достичь определенных благ: удовлетворения повседневных потребностей, единения, продолжения рода, самосохранения. И, следовательно, достичь своего совершенного развития, которое, думается, что можно отождествить со свободой, набором политических прав. В естественном состоянии, по нашему мнению, каждый человек свободен. И все формы общения, по Аристотелю, заложены природой в человеке изначально. Думается, что можно продолжить мысль Аристотеля и довести ее до логического конца: естественной природой человеческого общения и его главной целью является свобода человека. Явно о свободе как сущности и цели общения ученый не говорит. Но данная цель очевидна, ведь философ говорит, что наивысшее состояние человека – это его природное, естественное состояние. А по природе никто не является несвободным, в частности, в собственных волеизъявлениях [1, с. 10]. Почему же Аристотель открыто не говорит о свободе как цели политического общения? Считаем, что это связано прежде всего с его позицией в отношении рабства: он доказывает его естественность в государстве. Думается, что государственное общение, допускающее рабство, не способно создать совершенное государство, но способно породить порочный режим, допускающий несправедливость и недобродетельные, испорченные нравы, против чего выступал сам Аристотель. В частности, считаем, что будет нарушаться важнейший этический принцип: кто не работает, тот не ест.

По Аристотелю природа общения раскрывается в его наивысшей форме: в государстве (то есть общении политическом), точно так же, как сущность любого организма (человека, коня, семьи и т.д.) можно выявить в расцвете его развития. И только человека природа наделила речью, как инструментом и конкретной формой общения. По мнению Аристотеля, речь – это способность выражения важнейших понятий: полезного и вредного, добра и зла, справедливого и несправедливого. Их совокупность создает основу семьи, а значит и каждого человека, и государства в целом. Общение в целом – это инструмент, который обеспечивает единение каждого человека с государством, обеспечивает связь между частью (человеком) и целым (государством). А высшая форма общения (государственное) – это орудие,

которое приводит человека к совершенству. Регуляторами политического (государственного) общения являются справедливость и право.

Исходя из понятия общения, прежде всего государственного, Аристотель определял понятие человека. Одно из его определений – «*zoon politikon*» – переводят как животное (живое существо) общественное (политическое). При этом у мыслителя животное, естественное начало на первом месте, а политическое на втором, так как согласно его воззрениям именно в естестве человека заложено само устройство общества-государства (полиса). Думается, что выражение ученого можно трактовать и как «живое существо управляемое». Ведь политика с древнегреческого переводится в том числе как управление людьми, сообществом, множеством. И философ прямо отмечал в своем учении, что человек не может стать хорошим правителем, то есть не сможет управлять людьми в политическом смысле слова, если сам не научится повиноваться, то есть подчиняться тем, кто управляет. По природе своей человек свободен, но связан своим человеческим, ограниченным и бранным естеством, условиями реального существования, которые отражаются в устройстве государства. Поведение людей, а также их естественные возможности часто далеки от божественного идеала, а потому, чтобы выжить и развиваться, они объединяются естественным образом в государстве для создания условий собственного выживания и развития. И реализуется это прежде всего посредством общения, речи, языка. Также известно выражение Аристотеля о человеке как «общительном живом существе». Человек должен состояться, согласно ученому, сначала как существо, владеющее языком, то есть как разумное существо, способное передавать и различать смыслы справедливого и несправедливого, и должен научиться находиться в общности с другими людьми, прежде чем он сможет достигнуть «благой жизни», гармонии. Согласно учению философа, уже самой природой в каждого человека заложено стремление к высшей форме общения: государственному общению. Только в государстве, в рамках закона и права человек достигает своего наивысшего развития. Справедливость, умственная и нравственная сила – вот те добродетели, инструменты, которая дала природа человеку для создания совершенной жизни.

Ученый говорит, что господство и подчинение уже заложены в природе человека. Так, например, тело должно подчиняться душе, разуму, а не наоборот. В основу своей концепции о человеке, как существе политическом, он кладет положение о естественном стремлении человека к единению с другими людьми [2, 3]. Человек волен создавать сообщества для самосохранения и развития. В сказанном выше усматривается естественно-правовой подход к определению понятия человека. Недаром Аристотеля называют одним из основоположников концепции естественных прав человека.

Перейдем к анализу понятия «гражданин». Аристотель считает, что гражданин – это составной элемент единого целого: государства.

Государство предшествует гражданину и порождает его, а не наоборот. Тот, кто вне государства, не является гражданином – это либо божество, либо животное, либо раб. Ученый для определения понятия «гражданин» основное значение придает участию во власти и в суде. Этот критерий является основным для его учения. Как понятие человека он определяет исходя из понятия общине, точно также и понятие гражданина он определяет через участие в делах государства, через участие во власти, в общем деле – в целом, через общение людей на государственном уровне.

Гражданином, согласно Аристотелю, является тот человек, который имеет возможность участвовать в политическом общении, то есть в жизни государства. По мысли ученого наиболее показательной формой данного общения является доступ к государственным должностям. Но поскольку невозможно всех свободных граждан обеспечить этими должностями, то следующим показателем наличия политически прав у человека, а следовательно и показателем его полноценного гражданства является возможность участвовать в суде и в законотворческой деятельности (в народном собрании) [1, с. 101]. Тот, кто участвует в законосовещательной или судебной власти, тот и может называться гражданином данного государства.

По Аристотелю, определение понятия «гражданин» зависит от вида государственного устройства. И, думается, что такая зависимость существует в действительности. Ведь, например, в аристократии политические права распределяются в соответствии с добродетелью граждан, поскольку основой государства является прежде всего добродетель властвующих. В олигархии – в соответствии с имущественным цензом, ведь основой государства здесь выступает богатство. В демократиях данное распределение осуществляется в соответствии с делением на свободных граждан и не граждан. Основой демократических государств выступает свобода [1, с. 182]. Поэтому свобода, богатство и добродетель – это все признаки, в различной степени составляющие объем понятия «гражданин».

Рассматривая объем понятия «гражданин» в учении Аристотеля, необходимо полнее рассмотреть те его признаки, которые выделял философ.

Это, в частности, место жительства. Философ считает, что оно никоим образом не позволяет определить гражданина и не гражданина. Иностранцы и рабы могут жить рядом с гражданами. Далее следует способность выступать как истцом, так и ответчиком в суде. Этот признак Аристотель тоже отмечает, ведь в силу межгосударственных договоров иностранцы тоже обладают этим правом. В отношении возраста говорится: дети и престарелые могут являться гражданами в относительном смысле, поскольку они освобождены от исполнения многих гражданских обязанностей. Выделяется такой признак, как происхождение. Ученый отмечает, что, как правило, гражданином является тот, кто рожден от полноправных граждан государства. Однако этот признак не является постоянным, ведь, по словам философа, происхождение может не приниматься во внимание, если

государство малочисленно: чем менее оно населено, тем меньше требований к происхождению человека при определении его гражданской принадлежности. Отношение к воинской службе ученый прямо связывает с понятием «гражданин»: им в полной мере может быть только тот, кто исполнял или исполняет воинские обязанности [1, с. 196-197]. Следующий признак – это способность властвовать и подчиняться: по Аристотелю, гражданин обязан уметь хорошо подчиняться управляющим и уметь быть достойным правителем.

Много внимания уделяется такому признаку, как сословие. Ремесленникам (в современной терминологии – рабочим) и пахарям (крестьянам) Аристотель отказывает в гражданстве, поскольку у них нет ни времени, ни средств упражняться в развитии добродетелей, достойных полноценных граждан [1, с. 113]. Думается, что в этом случае налицо противоречие. Ведь, по мнению философа, правильными являются только те государства, целью которых является общая польза. Аристотель утверждал, что люди, отчужденные от возможности участия в управлении государством не могут к нему хорошо относиться, то есть будут его противниками. Отказ в гражданстве по сословному признаку – это дискриминация, то есть несправедливость. А по Аристотелю, государство должно быть основано на справедливости [1, с. 117].

Ученый включает в объем понятия «гражданин» такой признак, как совокупность гражданских прав. Кто лишен их, тот, по сути, является иностранцем. Остракизм – изгнание гражданина, который считался наиболее опасным для государства – это то же лишение гражданских прав на определенный срок. Аристотель включает этот признак в объем понятия «гражданин», считает это способом достижения равенства среди граждан (когда таким образом подрывали могущество наиболее влиятельных, выдающихся людей). Между тем Аристотель допускает гражданское неравенство. А точнее философ говорит о равенстве для равных в способностях и добродетелях и о неравенстве для неравных в этом отношении.

Ученый считает, что идеальным государством является то, где преобладают так называемые «средние граждане»: те, кто имеет собственность в достаточном, но не избыточном объеме, что позволяет им вести достойную жизнь и не стремиться к власти (то есть к смене государственного строя) и к чужому имуществу. Собственность – важнейший признак для определения понятия гражданина. «Средние граждане» способны избавить государство от вражды бедных и богатых [1, с. 194-195]. Данных граждан Аристотель считает идеальными, доказывая это тем, что из средних слоев вышли наиболее добродетельные люди.

Как же соотносил Аристотель добродетели, а в современной терминологии статус (набор прав и обязанностей) человека и добродетели (статус) гражданина? Другими словами, как он соотносил объемы (содержание) понятий «человек» и «гражданин»?

Добродетели гражданина он определяет как то, что нужно государству [1, с. 109]. Они зависят, с одной стороны, от тех функций, которые он выполняет в государственном общении, то есть его статус варьируется в зависимости от степени вовлеченности в участие в государственную деятельность (во власть) и зависит, с другой стороны, от главной задачи: спасения существующего государственного строя. Добродетели (статус) человека такой зависимости не имеют, они самодостаточны.

Список использованной литературы:

1. Аристотель. Политика [Текст]/ Аристотель; [пер. с древнегреч. С. А. Жебелева]. - М.: Издательство АСТ, 2016. - 384 с.
2. Ганин, О.Н. Понятие «гражданское общество»: сущность и содержание [Текст]/ О.Н. Ганин // *Фундаментальные исследования*. – 2005. – № 2 – С. 93-94.
3. Левяш, И.Я. Глобальный мир и геополитика: культурно-цивилизационное измерение. В 2 кн. Кн. 1. Минск: Беларус. навука, 2012. – (<https://books.google.ru/books?id=aPTFBAА>).
4. Мартышин, О.В. Нравственные основы теории государства и права [Текст] / О.В. Мартышин // *Государство и право*. - 2005. - № 7. - С. 5-12.
5. Права человека – индикатор современного развития России [Текст]: материалы междунаро. научно-практической конференции / отв. ред. Т. А. Сошникова. - М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015. - 355 с.
6. Руденкин, В.Н. Гражданское общество в условиях политической трансформации России: субъектное и структурное измерения [Текст]: дисс. ... д-ра полит. наук: 23.00.02: защищена 07.05.2002/ Руденкин Василий Николаевич. - Екатеринбург, 2002. - 329 с.
7. Садовая, И.И. Политическая этика и развитие идеи общего блага/ И.И. Садовая, Э.Н. Платонова // *Современные проблемы науки и образования*. - 2014. - № 6 - (<https://science-education.ru/ru/article/view?id=16369>).

ТУРСУНОВ Ф.А.

Сибирский университет потребительской кооперации,
г. Новосибирск, Российская Федерация

К ВОПРОСУ О ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЛИТИКИ

Как свидетельствует история человечества, «человек разумный» с самого начала своего существования постоянно занимается созидательным трудом, тем самым приближая цивилизацию, как важной вехи в своей истории. Именно цивилизация впоследствии способствовала формированию в мире разных государств и наций. Сегодня у каждой народности, нации есть история, литература, искусство, архитектура, великие научные открытия, в целом своя неповторимая культура. В жизни каждой нации есть особый

период в развитии цивилизации, который в контексте своей значимости приобретает универсальное значение, неизбежно пересекая границы цивилизации других наций и становясь достоянием цивилизации всего человечества. Этот процесс является важным фактором для развития всех наций в плане обогащения национальной культуры. Великие достижения одного общества передаются другим и служат важным фактором движения вперед.

Исторический процесс и его дальнейшее развитие показывает, что он во многом связан с развитием самой цивилизацией. Каждая цивилизация оставляет заметный след в истории, который указывает на ее высокий уровень развития. Например, клинопись как наиболее ранняя из известных систем

письма и башня Вавилона свидетельствуют о наследии Месопотамской цивилизации, формирование государств-полисов и самобытная философия о ярком прошлом древней Греции, великая китайская стена и изобретение бумаги и фарфора – величие китайской цивилизации, первая декларация прав человека и правовые реформы Кира о величии империи Ахеменидов и толерантном отношении людей друг к другу. Все эти цивилизации прошли сложные этапы в процессе своего становления – зрелость, процветание и упадок, стали достоянием других государств и признанием мирового сообщества, но впоследствии из-за политических, религиозных, этнических противоречий, безразличия и безучастности интеллигенции своих стран перестали существовать в своем былом величии.

Основу цивилизации исторически составляет состояние развития науки и культуры в целом. Наука, как один из столпов культуры, приобщила людей к письменности, образованию, духовному развитию, освободила людей от невежества, определила их пути и цели к плодотворной жизни. В этом контексте прав Аристотель, который утверждал, что «...тот, кто намерен воспитывать массу, и рассчитывает, что посредством воспитания государство придет в хорошее состояние, если бы стал исправлять государство средствами, а не внедрением добрых нравов, философией и законами жестоко ошибается в своих расчетах» [1, с.33].

Нынешняя демократия с обретением свободы направила всю жизнь человека в новое русло, где не остается места, чтобы оставаться безучастным происходящим вокруг событий. Но эта свобода никогда не дает желаемого результата в своем абсолютном смысле. Свобода, наступившей в возможности, требует творческой работы мышления и воображения. Ибо каждая идея свободы дает свой уникальный результат. В этом феномене есть какая-то мудрость жизни. Мы живем в такое время, когда все люди оценивают политические и социальные процессы независимо от их опыта или знаний, или их квалификации.

Из всего сказанного явствует, что государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое, как утверждал Аристотель. Он также писал, что «...тот, кто в

силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, - либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо - сверхчеловек; его и Гомер поносит, говоря "без роду, без племени, вне законов, без очага"; такой человек по своей природе только и жаждет войны; сравнить его можно с изолированной пешкой на игральной доске» [1, 15].

Известно, что общество всегда выступает за справедливое решение проблем и признает, что каждый человек имеет свое личное мнение. Философы во все исторические времена призывают людей к идее мира, дружбы, любви, терпимости. Логично, что каждая идея, каждая теория, каждая книга могут повлиять на сознание людей. Однако, насколько эти идеи и теории близки к жизни и не создают проблем в их судьбах и развитии страны, это тоже большой вопрос. Теории рожают новые реалии, а жизнь людей по существу является продуктом их идей. И все люди в независимости от своего мировоззрения в принципе желают добра в их понимании. Но, прежде чем предлагать людям различные идеи необходимо еще раз подумать о его последствиях.

Познание жизни и ее сущности, если она неправильно сформулирована в сознании людей становится причиной конфликта и других негативных событий. В идеале, государство создается для того, чтобы оберегать людей от всяких политических и социальных бед. Люди должны доверять государству. Как подчеркивал Макиавелли «...если в народе государь ищет опоры, который не просит, а приказывает, к тому же бесстрашен и не падает духом в несчастье, не упускает нужных приготовлений для обороны и умеет распоряжениями своими и мужеством вселить бодрость в тех, кто его окружает, он никогда не обманется в народе и убедится в прочности подобной опоры [2, 48].

Формирование новой мировой системы, быстрое развитие науки и инновационных технологий, появление новых акторов в системе международной политики, расширение сферы интересов сверхдержав в геополитике привели к тому, что мировые процессы приобретают больше политической окраски, чем когда-либо прежде. Ученые методично на основе научных исследований изучают различные аспекты происходящих в обществе событий и процессов и естественно, что большинство ученых, в процессе изучения и исследования различных феноменов мирового сообщества, рассматривают и оценивают данный процесс с точки зрения своих национальных интересов.

Вопросами цивилизационных и национально-культурных особенностях политики в контексте международной политики занимались Абдулатипов Р.Г., Дробижева Л.М., Здравомыслов А.Г., Козлов В.И., Паин Э.А., Тишков В.А. и др. Но, несмотря на достаточную разработанность проблемы, недостаточно обоснована суть национально-культурных особенностей политики, понимание особенностей национальных отношений. Таким образом, актуальность темы обусловлена тем, что недостаточно

всесторонне разработана данная тематика, что и определила вектор нашего исследования.

Политическая теория национальных отношений стала самой сложной проблемой в современном мире. Как во внутренних, так и в межгосударственных отношениях национальные отношения приобрели особый статус. Несмотря на это, есть ученые, которые пытаются объективно проанализировать и рассмотреть мировые явления и события. В рамках политической науки и теории государства политическая и национальная независимость считается одним из основных и важных понятий. Она олицетворяет суверенитет в управлении государством, принятии решений, самостоятельности во внутренней политике и во внешних отношениях.

Нация есть высшая исторически сложившаяся форма социальной и этнической общности людей, которая определяет общность бытия, языка, самости, национального самосознания и некоторых определенных свойств культуры, обычаев, бытия и традиций. Современный мир втягивает в водоворот политики различные социальные и этнические процессы и отношения. Между политикой и социальными, этническими процессами, особенно национальными отношениями, происходит так много взаимодействий, что человек не всегда успевает понять суть этих процессов.

С тех пор, как возникли проблемы в вопросах о нации, философы и мыслители начали искать способы их решения. Национальный вопрос, который возник во время капиталистических отношений, требовал как теоретически, так и практически решить данную проблему, или хотя бы снизить его накал. Поэтому идеологи движений борцов за свободу считали основу решения национального вопроса в реальном осуществлении «национального принципа». Соответственно, согласно данному принципу каждая нация должна была стать хозяйкой своего государства. С теоретической точки зрения обоснование данного принципа – «дать каждому народу отдельное государство и дать суверенитет» – приобрело важнейшее свойство.

В течение определенного времени, особенно во времена буржуазных революций и формирования новых государств, этот принцип сыграл свою положительную роль. В борьбе с остатками средневековой фрагментации народностей и государств, против национального угнетения и борьбы за свободу различных народов, в том числе народов Европы, этот принцип оказал положительное влияние. Но такая ситуация длилась недолго, потому что большинство стран были сформированы из разных национальностей и народностей и соответственно эти страны не имели возможность дать каждому отдельное государство по национальному признаку. Более того, капитализм вошел в фазу империалистических отношений, в результате чего, буржуазия великих держав занялась завоеванием земель и новым делением мира. В таких обстоятельствах соблюдение и действие «принципа национальности» было невозможно, и «национальный вопрос» вышел за рамки отдельно взятой страны и приобрел общенациональный характер.

Следует подчеркнуть, что понятие «национальный вопрос» играет важную роль в формировании стабильной и устойчивой политики, в социально-этнических процессах и национальных отношениях. В большинстве энциклопедий «национальный вопрос» трактуется узко, т.е. как национальные отношения, что не совсем всесторонне отражает суть этого феномена [0, 0]. Национальный вопрос - это совокупность политических, идеологических, экономических и культурных отношений между нациями, народностями и этническими общностями. Национальный вопрос является не только выражением интересов и потребностей наций, но и отражением интересов и характеристик всех видов и форм национальных и этнических общностей. Отсюда, исследование национального вопроса является важным фактором для дальнейшего развития всех социальных и этнических общностей.

Современный мир очень разнообразен по национальному и этническому признаку. Большинство стран мира являются многонациональными государствами. В отдельных странах живут десятки и даже сотни представителей разных наций и народностей, например как в России. В связи с этим большое значение приобретает вопрос об отношениях между национальными и этническими общностями. В частности, в условиях многонациональности страны роль национальных отношений в политической жизни общества значительно возрастает. Отсюда необходимо решать возникающие проблемы с учетом национального состава населения и их интересов.

Политическая независимость пронизывает все отношения человека и государства. Исследователи выдвигают различные гипотезы о формах и содержании теории независимости. Размышляя о важности политической независимости для личности, общества и государства, тем не менее, следует принимать во внимание также и независимость мнения и мысли, которая не менее важна для каждой нации. Нация, у которой нет своей творческой и движущей интеллигенции, слаба и не может рассчитывать на будущее.

Следует отметить, что политическая независимость - это условия, при которых государство может свободно осуществлять все свои задачи на определенной территории, защищая интересы своих граждан. Политическая независимость создает благоприятную основу для реализации национальных целей и задач, ликвидации социальной отсталости, обеспечения прав и свобод человека и гражданина, устойчивого развития экономики страны, защиты и развития национальной культуры, в целом, защиты национальных интересов. Политическая независимость дает государствам возможность участвовать в международной политике как самостоятельный субъект, чтобы они могли в полной мере защищать свои интересы.

Реальность современного мира показывает, что глобализация вместе с ее положительными возможностями создает ряд угроз политического характера независимости государств. Например, анализ показывает, что в государства входящие в Европейский союз в условиях глобализации теряют

часть своих прав и не могут свободно реализовать все свои возможности как независимые политические субъекты. Изучив процесс глобализации, ученые пришли к выводу, что в настоящее время национальные государства в силу создавшихся обстоятельств, не могут оказывать существенное влияние на мировую политику. В этом контексте учеными было замечено, что ухудшение отношений между странами было воспринято цивилизациями как негативное следствие того, что само человечество попало в западню. Отсюда, следует признать, что сосуществование цивилизаций в любой исторический период является логическим приоритетом.

Стоит также отметить, что под лозунгами «идет процесс глобализации» сверхдержавы очень умело выстраивают свою политику. После провозглашения «перестройки» в Советском Союзе была ослаблена зона контроля кремлевского режима в других странах социалистического строя, чем и умело воспользовались другие сверхдержавы, и ускорили влияние своей идеологии в этих регионах. К тому же, многие так называемые «субсидирующие - доноры» организации открыли свои филиалы в этих странах, что ускорило данный процесс. Первый удар пришелся на экономику, который привел сначала к экономическому распаду, а затем политическому поражению социалистического строя.

Отсюда, для укрепления политической независимости государства, защиты своей свободы и своих национальных интересов необходимо устойчивое развитие экономики, постоянное повышение уровня жизни и самосознания граждан, пропаганда великих идей своих предков в общественной практике, всестороннее развитие национальной культуры. Как справедливо подчеркивал Ж.Ж.Руссо «Отказаться от своей свободы - это значит отречься от своего человеческого достоинства» [4, 13].

Также, для решения существующих проблем, в этом контексте, достойное место занимает так называемый «диалог цивилизаций». Как утверждает М. Хотами, диалог цивилизаций способствует искоренению закулисных игр и создает условия для установления мира, стабильности и мирного сосуществования различных цивилизаций [5, 21]. Мнение С. Хотами получил высокую оценку в плане того, что диалог цивилизаций развязывает существующие узлы и способствует достижению мира. Он рекомендует развивающимся странам занять единую позицию в осуществлении своей стратегии по вопросам справедливого решения горячих вопросов, как в региональных, так и в глобальных саммитах.

Поскольку наша страна также является частью мирового сообщества, она не может оставаться в стороне от мировых событий. В этом мире от нас требуется, чтобы мы были бдительными, смело защищали свои национальные интересы. Ныне человечество может создать любой формат взаимоотношений. Важно то, что диалог начинается там, где участники апеллируют к науке, профессиональной этике и уважению общечеловеческих ценностей. Процесс глобализации не может существовать без расхождения мыслей. Потому что противоречие - это постоянный закон развития. Но

противоречие мысли не должно исходить от эмоций. Жизнь людей - это продукт их практических ценностей.

В то же время, наступление глобализации ныне достигло своего пика и идет на спад - наблюдается обратная тенденция, то есть возврат к своим истокам. Наглядно, это брексит в Великобритании, то есть ее выход из Европейского союза, а также существующие противоречия в самом ЕС среди его стран - участниц. Панацеей от данной тенденции может послужить политическое мышление, основанное на политике добрососедства и построение справедливого общества, которое заложит основу для дальнейшего диалога.

Таким образом, наряду с негативным влиянием глобализации культуры, она также имеет положительные стороны. Познакомиться с культурой других людей и использовать в развитии своей культуры то, что соответствует национальным традициям, это нормальная практика для взаимовлияния культур, так как устойчивое развитие государства базируется на разнообразии ее культуры.

Народы учатся друг у друга, могут указывать на недостатки друг друга, и такое высказывание приводит к формированию общего понимания существующей проблемы, появлению норм и гарантий свободной конкуренции, созданию различных совместных экономических и социальных программ. Отсюда, следует подчеркнуть, что с учетом политического и культурного плюрализма процесс глобализации идет в ногу с демократией.

Народы и этнические группы в единой большой стране, например как в России, сохраняя свою идентичность и самобытность, становятся частью великой культуры. Каждый народ, проживающий в России, обладает уникальными особенностями материальной и духовной культуры. Все культуры, независимо от того, насколько они историчны и прогрессивны, имеют право на жизнь. От того, насколько государство пристально будет относиться к национальным интересам каждого народа, этнической группы во многом, будет, зависит и межнациональное согласие. Также бережное сохранение и приумножение многообразия культур очень важно для нашей многонациональной страны.

Список использованной литературы:

1. Аристотель. Сочинения в четырёх томах. Том IV. М.: «Мысль», 1983.
2. Макиавелли Н. Избранные произведения. М.: «Художественная литература», 1982.
3. Новая философская энциклопедия: в 4 т./ Институт философии РАН; В.С. Степин, М.: Мысль, 2000-2001.
4. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре: Трактаты. М.: КАНОН - пресс-Ц., 2000. 544 с.
5. Хатами М. Выступление на заседании ООН, посвященное диалогу цивилизаций. М., 2001. 54 с.

ФЕДОРОВА Ж.В.

Казанский государственный энергетический университет,
г. Казань, Российская Федерация

**ОГРАНИЧЕНИЕ МЕДИА:
ПОЛИТИКО-МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ЯВЛЕНИЯ**

Актуальность исследования обусловлена наличием в современном обществе новых и более эффективных форм регулирования информационных отношений. Цель статьи состоит в анализе ограничений медиaprостранства и выявлении закономерностей их влияния на общественные отношения и процессы. Результатом исследования является обоснование положения о политическом характере манипулятивных технологий, обуславливающих особенности сосуществования информационного пространства и социокультурного поля бытия.

В современном государстве любой формы правления ограничение медиа выступает, прежде всего, как механизм властеотношений, при этом данному процессу свойственен эволюционный характер. Ограничение трансформируется, приспосабливаясь к изменяющейся социальной реальности. Это формирует более совершенные или малозаметные формы регулирования, облеченные в особую методику подачи информации, являющейся вариантом государственного контроля – технологии власти, применяемой для оптимизации управления обществом.

В контексте развития современных средств массовой коммуникации данная технология может выступать одной из форм манипуляции сознанием. Этим термином обозначается способ управления большим количеством людей (коллективами, сообществами) путём создания условий для контроля поведения. Воздействие в первую очередь направлено на психику человека, его задача – лишить индивида свободы выбора посредством изменения представлений, мнений, ценностей, побуждений и целей в нужном направлении. Главная форма такого программирования – контроль над «информационным рационом» человека.

Западные исследователи (П. Лазерфельд, У. Шрамм) давно исследуют роль информации и ее воздействие на человека. И если традиционные СМИ, как писал Г. Маркузе, поглощают лишь «индивидуальные мысли», то новые медиа претендуют на человека в целом, превращая его в биологический вид «человек кликающий», а окружающий мир – в реальность «кнопочной культуры»: индивид включается в мир виртуальной реальности, где «на смену литературоцентризму <...> приходит теле-видео-аудио-центризм», обладающий «немеренной энергией воздействия на сознание» [5, с.32]. В XXI веке, приходит к выводу американский исследователь медиа Б. Багдикян, «самой тяжелой потерей является <...> цензура политических и социальных идей в информационных материалах», конечным результатом чего становится «искажение реальности и обеднение идей» [2, с.88]. Именно

поэтому регулируются те информационные потоки, которые могут влиять на мышление индивида: лишаясь свободы, человек теряет возможность принимать решения в любой сфере бытия, начиная от потребительского поведения, вкусовых привычек, политических предпочтений и заканчивая экзистенциальным выбором.

Воздействие современных информационных технологий таково, что индивид утрачивает свободу воли и тратит на медиасферу гораздо больше времени, чем требует необходимость в информации. Поэтому бесконтрольное потребление медиапродукции (информации) исключено, при этом используются манипулятивные регулирующие технологии, например, из медиатекстов аннулируются слова, вызывающие негативные эмоции, вместо них употребляются семантически нейтральные лексемы (конфликт, операция, устройство, хлопок). Соблюдается запрет на использование большого количества слов, происходит подмена слов и понятий эвфемизмами.

По выражению М. Хайдеггера, «сущность человека покоится в языке. Мы существуем, прежде всего, в языке» [4]. Именно язык систематизирует, организует и классифицирует сознание, фиксирует и закрепляет его содержание. Лингвистическая «коррупция» приводит к использованию языкового потенциала в целях (обратимся к значению латинского слова «согитио») «растления, разложения и распада» сознания индивида.

Упрощение языка чередуется с подбором наиболее подходящих по смыслу и значению слов, представляющих собой языковые клише и шаблоны. Главная мысль, которую требуется внушить аудитории, высказывается в форме утверждения, что лишает индивида возможности для обдумывания, осмысления, анализа. Как пишет С. Московичи, «утверждение в любой речи означает отказ от обсуждения, поскольку власть человека или идеи, которая может подвергаться обсуждению, теряет всякое правдоподобие» [3].

Манипуляция сознанием возможна только благодаря контролю над информацией и коммуникацией. В информационном обществе он иной, чем в традиционном обществе и выступает как одна из форм социального контроля, принимая вид фильтрации сознания. Возникнув как табу на заре человеческой цивилизации и пройдя эволюцию от составления списков запрещенной литературы, сожжения книг и инакомыслящих до создания государственного института цензуры, просуществовавшего до конца XX века, контроль медиа как моделирование действительности сегодня проявляет себя в виде манипуляции сознанием. Последствия – формализация мировосприятия, ориентация индивида на четко определенные (кем-то извне) цели, модификация аксиологически значимого, девальвация смыслов и ценностей. Реальный противоречивый и сложный мир заменяется яркой картинкой, не вызывающей вопросов и сомнений. Человеческое сознание превращается в удобную схему, где действуют готовые способы решения и

стереотипы восприятия, при этом модули и алгоритмы заменяются в зависимости от желаемого результата.

Возникает условная идентичность, которая создает культ созерцательности по отношению к окружающему миру и самому себе. Индивидуальность вытесняется из социального пространства; в нем не остается места субъекту, ответственному за слова и поступки, что создает деформированный способ бытия: мир медиа вступает в противоречие с социальной природой человека, процесс отчуждения обуславливает «единичную» (индивидуальную) коммуникацию и отторжение от «всеобщего». Личное / социальное оказываются в разных мирах, основанных на разной логике и герменевтике. Использование и поддержание манипулятивных технологий сводится к осуществлению тотального контроля над индивидом.

Одним из технологий манипуляции является обеспечение общества информацией только из полностью контролируемых источников. «Ненужная» информация замалчивается, поток рекламы разрывает целостное восприятие и продуцирует невозможность анализа и концентрации внимания на серьезном контенте. Поток пустой информации осложняет и смысловое наполнение. В результате отпадает необходимость в прямых запретах, поскольку «тонко настроенные» информационные технологии выхолащивают рефлексивно-критическое мышление.

Реальность современных медиа – это фильтрация информации. Фильтр представляет собой механизм, выделяющий или удаляющий из исходного объекта некоторую часть с заданными свойствами. В медиаполе таким фильтром является первичный отбор, где субъектами выступают корреспонденты, информационные агентства и другие поставщики информации, которые проводят ее селекцию. Затем происходит систематизация и разделение на тематические информационные потоки: сообщения ранжируются по целям и интересам прямых или аффилированных владельцев СМИ. Третий фильтр осуществляет трансформацию ранжированной информации главными редакторами. Принцип отбора сообщений при этом соответствует целям формирования общественного мнения и изображения «нужной» картины мира. Подобный механизм регулирования и отбора информации влияет на уровень восприятия индивида. В современном информационном обществе диктат, присущий авторитарным формам правления, институты контроля, в том числе и институт цензуры, заменен властью «медиакратии» (термин Е.А.Агаповой [1, с.28]) – власти СМИ и через СМИ, обусловленной сращением в них политической воли государства и экономической – собственника.

Социально-политические и экономические реалии обусловили формирование новых механизмов ограничительного режима. Он представляет собой вариативно настроенный механизм, функционально наполненный действиями основных участников информационного

пространства, производящих и контролирующих информацию – совокупных действий государства, капитала, общества и самих журналистов.

Еще в 1998 году в России была принята «Концепция государственной информационной политики». В ней декларируется принцип независимости СМИ и отказ от подчинения узкогрупповым интересам власти и бизнеса; объективное отстранение СМИ от их влияния; минимизация монополии на СМИ. Несмотря на это, в современном информационном пространстве можно наблюдать обратный процесс. Это предоставление неполной, неопределенной, искаженной или ложной информации, постправда, сращение власти, бизнеса и СМИ, высокий уровень их концентрации в руках экономически активных граждан, использование манипулятивных технологий. Эти факторы, в том числе, способствует уменьшению независимых источников информации и информационному бесправию.

Список использованной литературы:

1. Агапова Е.А. Философия цензуры: социокультурный и диахронический аспекты. Автореферат дис... д.ф.н. Ростов-на-Дону, 2013. 36 с.
2. Багдикян Б. Монополия средств информации / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1987. 322 с.
3. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс // https://bookap.info/sociopsy/moskovichi_vek_tolp/gl17.shtm (дата обращения: 9.01.2023).
4. Хайдеггер М. Путь к языку // <https://lektiv.org/16-6939.html> (дата обращения: 29.12.2022).
5. Цензура как социокультурный феномен. Саратов: Новый ветер, 2007. 370 с.

ШАМИН И.В.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ВЕДЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ НА МЕЖГОСУДАРСТВЕННОМ УРОВНЕ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

В качестве одного из ключевых событий, положившего начало историческому периоду постмодерна, следует рассматривать широкомасштабный системный финансово-экономический кризис, который разразился в США и других странах «Большого англосаксонского Запада» летом – осенью 2008 г., и фактически продолжающийся до сих пор. Данные события означали, что США, Великобритания, государства ЕС и Япония к началу 2010-х гг. в значительной степени уже исчерпали практически все имевшиеся в их распоряжении геополитические, геоэкономические и научно-технологические возможности для обеспечения собственного

поступательного развития и процветания в рамках образовавшейся в мире после достижения Соединёнными Штатами «победы» над СССР в «холодной войне 1» так называемой «глобальной англосаксонской системы капитализма». Поэтому в конце 2010-х – начале 2020-х гг. прежде всего для правящих кругов США и Великобритании одной из главных стратегических задач становится разработка проектного содержания, а также практическое «построение» в масштабах всего мира уже «обновленной» концептуально-организационной модели англосаксонского капитализма, т. е. формирование модели так называемого «*постмодернистского неокapитализма*» и достижение на данной «основе» тотального мирового господства [1].

При этом англосаксонская элита в качестве основных геополитических противников США и Великобритании на международной арене, которых необходимо было «сокрушить» в первую очередь, определила РФ, а также КНР и ИРИ. Поскольку для американских и английских правящих кругов к середине 2010-х гг. именно данные государства фактически стали представлять собой самый настоящий «геостратегический барьер» в Евразии, который превратился для Вашингтона и Лондона в главное препятствие на пути к «успешному» осуществлению глобального экспансионистского «суперпроекта», ключевым приоритетом которого являлось формирование так называемого «нового постмодернистского мирового порядка». Реализуя данные подрывные планы на Евразийском континенте, администрация президента Б. Обамы весной 2014 г. развязала «холодную войну 2» против России. Затем в мае 2018 г. правительство президента Д. Трампа официально отказалось от выполнения так называемого «ядерного соглашения» с Тегераном и, таким образом, инициировало начало «холодной войны» США с Ираном. В июле 2018 г. Белый дом «организовал» широкомасштабную «торговую войну» против Китая, которая положила начало «холодной войне» между Вашингтоном и Пекином.

Руководство США для того, чтобы добиться «уничтожения» России, Китая и Ирана, в 2014 – 2020 гг. основную ставку сделало на использование в данных целях обновленного варианта «непрямой» технологии осуществления геополитической борьбы «умная сила», предназначенной для разрушения «вражеского» государства изнутри путём обеспечения прежде всего «широкомасштабной дестабилизации» / «хаотизации» внутреннего положения, и затем осуществления государственного переворота [2, 3]. Согласно рассматриваемому варианту данной технологии, «непрямое» уничтожение стран-«мишеней» должно было реализовываться в первую очередь при помощи таких инструментов оперативно-тактического измерения, как «экономическая война», «информационно-психологическая война», «кибервойна» и «политическая война». Для обозначения этой технологической версии «умной силы» ее разработчиками была использована особая категория – «**принуждающая сила**» [4].

В то же время в марте 2021 г. администрация президента США Д. Байдена обнародовала документ, получивший название «Временные указания по стратегии национальной безопасности США». В этом официальном документе американского правительства впервые был использован новый термин для обозначения так называемого «пространства вооружённого конфликта». Это понятие – **«серая зона»**. Другими словами, Белый дом в данном источнике фактически определил особенности уже принципиально новой, также оперативно-тактической по своему характеру технологии ведения «непрямой» геополитической борьбы, которую решено было дополнительно задействовать как для сокрушения «неудобных» государств, так и для достижения «необходимой трансформации» существующего устройства мира в целом. По нашему мнению, для определения данной «боевой модели» целесообразно использовать категорию **«управляемый силовой и / или вооруженный конфликт»**. Как следует из содержания этой стратегической программы по обеспечению национальной безопасности США, американские правящие круги фактически констатировали намерение использовать факторы «серых зон» для защиты интересов Соединённых Штатов в различных регионах мира, и прежде всего в Евразийском континенте [5].

В октябре 2022 г. правительство Д. Байдена опубликовало новый вариант «Стратегии национальной безопасности США». Анализ текста данной «Стратегии» позволяет сделать вывод о том, что руководство США не отказалось от своих геополитических замыслов, ориентированных на реализацию в Евразии, Африке и Латинской Америке разного рода подрывных программы, связанных с использованием фактора «серых зон» [6].

Активное использование правящей элитой США и Великобритании в 2010-е – в начале 2020-х гг. «непрямой» технологии осуществления геополитического противоборства «умная сила» в целях достижения тотального мирового господства стало одной из главных причин глубокой трансформации практически всей политической сферы постбиполярного мирового устройства. Другими словами, в указанный период произошли самые радикальные изменения организационного устройства как «международно-политической», так и «государственно-внутриполитической» областей, являющихся ключевыми составляющими существующего глобального политического пространства. При этом представляется возможным выделить следующие основные характеристики сложившейся общемировой политической ситуации, которая образовалась к началу 2020-х гг. под воздействием указанного выше геополитического фактора.

Во-первых, это фактически стирание граней между двумя основополагающими и при этом полярными состояниями мировой политики в целом, каждое из которых имеет глобально-стратегическое измерение. А именно, между положением «Всеобщего мира» (или «Глобального

порядка)), с одной стороны, и состоянием «Тотальной, и при этом «горячей» мировой войны» (или «Абсолютным мировым хаосом»), с другой. Вместе с тем вследствие целенаправленной «непрямой» деятельности Вашингтона и Лондона в эпоху постмодерна началось образование так называемого «третьего положения» системы мировой политики и международных отношений, которое по своему статусу должно стать неким промежуточным и / или переходным «политическим этапом» между состояниями «Всеобщего мира» и «Тотальной мировой войной». Для обозначения этой формирующейся концептуальной конфигурации постбиполярного международно-политического пространства возможно использовать понятие «Подконтрольная глобальная серая зона» (или «Глобальная зона управляемого относительного хаоса»). Главной формой существования «Глобальной серой зоны» будут являться разного рода «очаги управляемой нестабильности» и / или «районы управляемых вооруженных конфликтов», которые станут «искусственно создаваться» США и Великобританией в наиболее геополитически и геоэкономически значимых регионах прежде всего в Евразии, а также в Африке и Латинской Америке в краткосрочной / среднесрочной перспективах. При этом в роли «аттрактора» в рамках этой «Глобальной зоны управляемого относительного хаоса» должны выступать Вашингтон и Лондон. В свою очередь, англосаксонские элиты, как следует подчеркнуть, намерены также предпринять все необходимые меры для того, чтобы в самое ближайшее время «трансформировать» всю сферу современной мировой политики в одно единственное состояние – «Подконтрольную глобальную серую зону», полностью управляемую при этом центрами власти США и Великобритании. Поэтому можно утверждать, что Вашингтон и Лондон рассматривают так называемую «стратегию создания серых зон» в качестве главного инструмента для построения «нового постмодернистского мира», где будет безраздельно господствовать англосаксонский финансовый капитал.

Во-вторых, в силу воздействия указанной выше геополитической причины также началось последовательное поглощение «глобальной международно-политической» сферой так называемой «второй главной составляющей» мировой политики, т. е. идёт практически уничтожение всей «государственно-внутриполитической области» в системе существующего миропорядка. Данная тенденция находит свое выражение прежде всего в том, что складывающихся мировых геополитических и геоэкономических реалиях, которые конструируются Вашингтоном и Лондоном в соответствии со своими глобальными планами, предполагающими самую радикальную «трансформацию» земной цивилизации, все без исключения «не англосаксонские» ведущие государства мира, не говоря уже об остальных странах, должны неизбежно полностью утратить в итоге свой в первую очередь политический, военный, экономический, технологический и культурно-цивилизационный суверенитет. На практике подобная глобальная политическая программа реализуется англосаксонской властной элитой

путём «искусственного превращения» разного рода подконтрольных акторов существующей системы международных отношений – стран, различных международных правительственных организаций, военных блоков, ТНК и глобальных финансовых структур, НПО, ЧВК, разного рода террористических и преступных организаций и др., а также разветвлённых сетей своих непосредственных «агентов влияния» в соответствующих государствах в так называемых «главных» или «ведущих» субъектах внутренней политики всех без исключения стран мира не входящих в состав «Большого англосаксонского Запада». И подобные замыслы, а также конкретные шаги в данном направлении США и Великобритании являются весьма эффективными с точки зрения современной теории ведения «непрямой» геополитической борьбы. Поскольку ни одно государство, при образовании именно такого «расклада сил» в рамках его собственной внутривластной сферы, будет просто не в состоянии обеспечивать процессы формирования и практического осуществления полностью независимой стратегической линии как внешней, так и внутренней политики.

Кроме того, данный фактор представляет также для правящих кругов США и Великобритании огромный интерес и как важнейшая организационная и ресурсно-потенциальная возможность для целенаправленного «планетарного расширения» своей «Подконтрольной глобальной серой зоны», и причём фактически на всех пространственно-географических уровнях одновременно – глобальном, трансконтинентальном, континентальном, трансрегиональном, региональном, а также применительно к конкретным странам мира.

В-третьих, подобный стратегический проект переустройства мира, разработанный Вашингтоном и Лондоном, а также используемая ими технология осуществления геополитического противоборства «умная сила» привело к формированию к началу 2020-х гг. двух основных политических угроз, имеющих глобально-стратегическое измерение, для РФ и других «неанглосаксонских» стран.

Первая – опасность полной утраты указанными государствами мира своего суверенитета, что, в свою очередь, неминуемо приведёт в конечном итоге к разрушению и гибели таких стран в самом ближайшем будущем.

Вторая – это угроза возникновения третьей по счёту «Тотальной, и при этом «горячей» мировой войны», причём с применением прежде всего ОМУ, т. е. ядерного, бактериологического и химического оружия.

Большая вероятность того, что мировая политика может перейти в состояние этого «Абсолютного мирового хаоса» обуславливается в первую очередь тем, что США и Великобритания, а также их союзники из числа стран входящих в состав «Большого англосаксонского Запада» в совокупности располагают тем организационно-технологическим и ресурсным потенциалом, общие объёмы которого являются вполне достаточными для того, чтобы создать «очаги управляемой нестабильности» и / или «районы управляемых вооружённых конфликтов» различных

масштабов в Евразии, Африке и Латинской Америке, «искусственно хаотизируя» тем самым военно-политическую ситуацию либо только в определённых регионах данных континентов, либо в рамках соответствующего континентального пространства в целом. И данный фактор, безусловно, даст возможность Вашингтону и Лондону сформировать в итоге «Подконтрольную серую зону» уже общепланетарного масштаба.

В то же время следует заключить, что масштабов сил и средств, которыми располагают все государства «Большого англосаксонского Запада», явно недостаточно для решения тех ключевых организационных задач, которые связаны с обеспечением «эффективного удерживания» политической ситуации в положении так называемого «управляемого относительного хаоса» продолжительное время, а также «поддержания полной управляемости» такого рода «хаотичных военно-политических процессов» в первую очередь на Евразийском континенте. Это обусловлено во многом тем, что именно в Евразии находятся те ведущие мировые «неанглосаксонские» державы, общий экономический, военный и научно-технологический потенциал которых вполне сопоставим с аналогичными возможностями США, Великобритании и других стран «Англосаксонского Запада». Это – РФ, КНР, Индия, Иран. Кроме того, на Евразийском континенте располагаются 8 из 9 стран, которые официально имеют ядерное оружие: Великобритания, Франция, РФ, КНР, Индия, Пакистан, Израиль, Северная Корея. Девятая «ядерная держава» – это США.

В этой связи необходимо констатировать, что все попытки США и Великобритании «искусственно» создать в рамках Евразии «Подконтрольную континентальную серую зону», а также поддерживать её так называемую «полную управляемость» в течение относительно длительного периода в силу указанных выше причин априори обречены на провал.

Однако существует также реальная перспектива и одновременно опасность того, что подобного рода авантюрные действия со стороны Вашингтона и Лондона могут привести при определённых обстоятельствах к полной утрате ими контроля над «искусственно инициированными» евразийскими «очагами управляемой нестабильности» и / или «районами управляемых вооружённых конфликтов». В данном положении процессы создания США и Великобританией в рамках Евразии «Подконтрольной континентальной серой зоны» вполне имеют все шансы стать переходным этапом не к образованию «постмодернистского нового мирового порядка», к чему стремятся англосаксонские элиты, а к возникновению «Тотальной ядерной мировой войны», которая неизбежно приведёт к гибели всей земной цивилизации.

В заключение следует сделать вывод о том, что правящие круги США и Великобритании в геополитических и геоэкономических условиях периода постмодерна достаточно последовательно осуществляют процессы формирования и практического воплощения в жизнь своего

внешнеполитического курса на международной арене на всех пространственных уровнях, используя при этом в качестве «теоретико-методологической базы» прежде всего принципы так называемой «концепции управляемого относительного хаоса».

Список использованной литературы:

1. Шамин И.В. Основные направления эволюции ведущих государств «Большого Запада» в конце 2010-х – начале 2020-х гг. (геополитический и геоэкономический аспекты) // Наследие В.Г. Короленко. Стратегии гуманизма: сборник материалов Третьей Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 27–28 октября 2021 г.). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2021. С. 425–437.
2. Най Д.С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. – Н.: ФСПИ «Тренды», 2006.
3. Най Д.С. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. – М.: АСТ, 2014.
4. Сила принуждения (P2C). Подготовлено для армии США // Егорченков Д. Необъявленная война. Россия в огненном кольце. – СПб: Питер, 2018. С. 296 – 301.
5. Бартош А. Серая зона - поле битвы XXI века. Американская паутина опутывает весь мир // Независимое военное обозрение. 2022. № 41. С. 1, 5.
6. Стратегия национальной безопасности США от 12 октября 2022 г. 23.10.2022. URL: <https://dzen.ru> (дата обращения: 09.12.2022).

Раздел III
**ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ: ВЫСТУПЛЕНИЯ
СТУДЕНТОВ, МАГИСТРАНТОВ И АСПИРАНТОВ**

АКУЛОВА А.Ю., ЧЕРНЯЕВ А.М.

ФКОУ ВО Владимирский юридический институт ФСИН России,
г. Владимир, Российская Федерация

НУЖНА ЛИ РОССИИ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ?

«Советский Союз был первым в истории человечества сверхобществом огромного масштаба» [7, с. 71] со своей государственностью, экономикой и специфической идеологией. На протяжении всей жизни от колыбели и до самой смерти человек подвергался идеологической обработке. Все слои общества, сферы жизни были подвержены влиянию идеологии. Сейчас вокруг государственной идеологии существует много вопросов, ответы на которые однозначно сформулировать до настоящего времени не удалось. Так что же такое идеология? Способно ли государство существовать без общегосударственной идеологии? И нужна ли России государственная идеология?

Понятие идеология образовано из двух греческих слов: *ιδέα* – идея, представление и *λόγος* – слово, учение. Идеология – это система идеалов, убеждений, принципов, можно сказать – парадигма сознания, через которую человек проявляет свое отношение к окружающей реальности.

В современной России согласно тринадцатой статье Конституции Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

Идеологическое многообразие представляет собой право отдельной личности, социальных групп, политических партий и общественных объединений на беспрепятственную разработку теорий, взглядов, идей относительно экономического, политического, правового, культурного развития России, а также на пропаганду и защиту их [5, с. 125].

Каждый гражданин России имеет право самостоятельно определять свою идеологию и реализовывать. Подчеркивается осознанность и добровольный характер решения каждым гражданином вопроса идеологии. Декларируя такие положения, государство очищается от идеологической окраски, давая гражданам абсолютную свободу в формировании жизненных установок, взглядов, убеждений и оценок.

При этом, на наш взгляд, утверждение об отсутствии у человека идеологии будет абсурдным. Это своего рода мировоззренческий оксюморон. Само бытие человека формируется вокруг идеи, жизненной установки, цели. И хоть каждый формулирует жизненную идею сам для себя, тем не менее, для любого человека такая идея существует. И даже заявление об отсутствии

какой-либо идеи в жизни будет, как это ни парадоксально, само по себе являться таковой и формировать жизненные приоритеты.

Так же не оправдано будет и заявление о том, что человек абсолютно самостоятелен в своем формировании идеологии. Любой член общества находится с момента своего рождения под влиянием массы факторов, формирующих жизненную позицию, мировоззрение, идеологию. Государство, декларируя отсутствие государственной идеологии, отказывается от влияния на систему факторов, ее формирующих, но не от наличия самого явления идеологии в обществе. При этом в социальной среде, не терпящей вакуума, место государства как субъекта, определяющего общественную идеологию, будет занято.

В условиях современного идеологического противостояния Запада и Востока человек постоянно находится под воздействием транслируемых ему через средства массовой информации, интернет идей и смыслов. Зачастую они по меньшей мере абсолютно чужды сознанию и далеки от традиционных, но нередко являются разрушительными для самой основы социального устройства.

В статье 14 Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» говорится, что «идеологическое и психологическое воздействие на граждан ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей, включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений» [9].

В полной мере осознавая эту опасность, Президент России В.В. Путин в своём выступлении на церемонии подписания договора о вхождении в состав России ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей сказал, что «как прежде уже не будет. Гегемонии Запада больше не будет. Поле битвы, на которое нас позвали, поле битвы за будущее России. Мы должны защитить наших детей от порабощения. Сегодня нам нужна консолидация всего общества, в его основе может быть только суверенитет и моральные ценности» [10]. Многонациональный народ России для обеспечения безопасности и процветания нашего государства нуждается в общегосударственной идеологии, включающей в себя основы патриотизма, уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина, сохранение истории и традиций. Необходимо иметь и развивать собственную государственную идеологию, бороться за русскую идею, русский здоровый национализм.

Русский национализм основывается на ценности русской единой и сплоченной нации, общности культуры, словесности, генетики, понимания

гражданственности. Но у данного направления существуют отрицательное ответвление с лозунгом «Россия для русских», предполагающее идеи наделения этнических русских в России исключительными правами и изгнания всех представителей других этносов из страны. Важно искоренять такие отрицательные националистические идеи и развивать на государственном уровне здоровый национализм, заключающийся в уважении всех наций и народов Российской Федерации, равных правах граждан на участие в политической, культурной, социальной сферах, не зависимо от их пола, национальности, родного языка.

По мнению Л.Н. Мартюшова «доминирующей государственной идеологией в России, способной консолидировать общество, может быть только патриотизм. Патриотизм - нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к родине и готовность пожертвовать своими интересами ради нее» [8, с.18]. По данным опросов, все больше россиян считают себя патриотами: 92% – по данным ВЦИОМ за 2022 год, что является максимальным значением за последние 10 лет [4]. Президент России неоднократно заявлял: «У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма» [3].

Государственная идеология огромное влияние оказывает на все сферы жизни человека и общества, но самое главное – на образование, ведь оно является проводником и отголоском государственной идеи, политики. Посредством создания шаблонов государственная идеология устанавливает смыслы и ценностные ориентиры в сознании молодёжи, от которой будет зависеть будущее страны.

М.Н. Шумихина считает, что «главной целью идеологии является воспитание политической культуры молодого поколения. Союз идеологии и образования способствует стабильности и порядку в обществе, уверенности в завтрашнем дне, сохранению нации и государства. Да и само государство может успешно развиваться только в идеологически активном состоянии» [11, с.403]. То есть в действительности звучит призыв к созданию государственной идеологии, которая могла бы де-факто регулировать сферу образования, культуры, политики, взаимоотношений между гражданами страны и органами государственной власти.

А.Г. Дугин развивает свою идею организации современной России и общества – философию и идеологию «русского мира». Суть данной концепции в том, что предрекается появление евразийской сверхдержавы во главе с Россией. По мнению А.Г. Дугина, Российская Федерация должна занять главенствующее место в Европе через интеграцию с бывшими советскими республиками. Философ отмечает, что «мы подошли к той точке, когда без идеологии в России мы никуда сдвинуться не можем. Все политтехнологические возможности и все версии имитаций и симулякров испробованы и исчерпали себя» [1]. Государственная идеология поможет России выйти победителем из идеологического противостояния, сохранив свою многонациональную идентичность, историю и культуру.

В современной политической реальности существуют как сторонники, так и противники государственной идеологии. Например, В.В. Познер утверждает: «Я – противник государственной идеологии. Всякая страна сильна верой народа в свою власть, в свою систему, любовью – это для любой страны, в том числе для России» [2]. Он считает, что «для русского человека очень важно иметь идеал. Очень важно во что-то верить» [6], но если следовать какой-либо политической идеологии, возведенной в ранг государственной, то русский народ станет порабощённым бюрократической машиной государства.

Л.Н. Мартюшов отвергает государственную идеологию. По его словам «лучший способ уничтожить идеологию - это дать ей статус государственной» [8, с.16]. Одновременно он подчеркивает необходимость единой идеологии, не имеющей статуса государственной.

С одной стороны согласимся с А.Г. Дугиным в том, что государство, которое не имеет собственного идеологического ресурса, является неконкурентоспособным политическим субъектом на международной арене, отметим, что вкладываем в термин «государственная идеология» ее объединяющий и доминирующий характер, а также недопустимость самоустранения государства от развития национальной доминирующей идеи. С другой стороны обратим внимание на неприемлемость насильственного насаждения идеологии, искусственного создания её «сверху».

В завершении еще раз отметим, что государственная, национальная, доминирующая и консолидирующая идеология необходима современной России. В ее основе должны лежать патриотизм, сохранение исторической памяти и традиций народов, соблюдение прав и свобод человека и гражданина, высокие нравственные идеалы, институт крепкой семьи, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение.

Список использованной литературы:

1. Александр Дугин: России нужна новая идеология [Электронный ресурс] URL: https://vladimir.tsargrad.tv/articles/aleksandr-dugin-rossii-nuzhna-novaja-ideologija_33821 (Дата обращения: 24.12.2022).
2. Владимир Познер: «Я – противник государственной идеологии» // Официальный сайт Владимира Познера [сайт] URL: <https://pozneronline.ru/2019/08/26208/> (Дата обращения: 24.12.2022).
3. Встреча Президента РФ Владимира Путина с предпринимателями. [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZJq6A2fJBYE&t=2s>. (Дата обращения: 24.12.2022).
4. ВЦИОМ. Новости: Патриотизм сегодня: любить, заботиться и защищать // Официальный сайт ВЦИОМ [сайт] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnja-ljubit-zabotitsja-i-zashchishchat> (Дата обращения: 24.12.2022).

5. Государственное право Российской Федерации : учебное пособие ; изд.3-е, перераб. / И.Т. Беспалый, В.В. Полянский ; Федеральное агентство по образованию. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2008. – 539 с.
6. Для русского человека очень важно иметь идеал // Официальный сайт Владимира Познера [сайт] URL: <https://pozneronline.ru/2021/12/34397/> (Дата обращения: 24.12.2022).
7. Зиновьев А.А. Идеология партии будущего. М.: Алгоритм, 2003. 240 с.
8. Мартюшов Л. Н. Государственная идеология Российской Федерации: какой ей быть? / Л. Н. Мартюшов // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2017. – № 4(41). – С. 4-18.
9. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
10. Церемония принятия новых субъектов в состав РФ [Электронный ресурс] URL: <https://smotrim.ru/video/248724> (Дата обращения: 24.12.2022).
11. Шумихина М. Н. Идеология и образование: вместе и навсегда, или зачем образованию нужна государственная идея / М. Н. Шумихина // Университет XXI века: старые парадигмы и современные вызовы : Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 07–08 апреля 2015 года / Редакционная коллегия: Л.А. Закс, Л.А. Мясникова, С.Д. Балмаева, Г.А. Брандт, А.В. Дроздова, С.А. Мицек, Н.В. Хмелькова. – Екатеринбург: Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Гуманитарный университет, 2015. – С. 402-404.

БЫРКОВ С.И.

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ПОЛЕМИКА А. БЕРГСОНА И А. ЭЙНШТЕЙНА О ПРИРОДЕ ВРЕМЕНИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ЛИГЕ НАЦИЙ ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XX ВЕКА. К ВОПРОСУ О НЕЙТРАЛИТЕТЕ В РАЦИОНАЛЬНЫХ ДИСКУССИЯХ

Объективность, одна из ценностей научного познания, предполагает беспристрастность исследователя, на время слагающего с себя ненаучные ценности. Но возможен ли полный нейтралитет между наукой, философией и вненаучной сферой? Этот тезис очень ярко ставится под вопрос полемикой А. Бергсона и А. Эйнштейна о сущности времени и контекстами, ей сопутствующими.

Проблема концептуализации времени – одна из тем, вечно беспокоящих и возбуждающих философскую рефлексию. Её историю можно проследить

практически вплоть до самого зарождения философии. Обилие работ на эту тему объясняется тем, что всякий предмет философского интереса так или иначе связан с существованием во времени и не может быть рассмотрен вне него. Среди исследователей этой проблематики особенно выделяются. П.П. Гайденок [3], Ю.Б. Молчанов [5], Дж. Уитроу [6].

Несмотря на большой интерес к ней со стороны исследователей, область философии времени не избавляется от огромного числа «трудностей и неясностей, ... наоборот, [появляется много новых] парадоксов, открывающих новые грани привычной постановки вопроса» [7]. Одна из таких граней рассмотрения открывается нашему взору в полемике А. Бергсона с А. Эйнштейном, произошедшей на заседании французского философского общества 6 апреля 1922 года.

Пolemика Анри Бергсона (1859-1941) с Альбертом Эйнштейном (1879-1955) случилась на заседании французского философского общества (*société française de philosophie*). 6 апреля 1922 года знаменитый физик отвечал философам и учёным на вопросы, посвящённые теории относительности. В тот день впервые возникло прямое противопоставление времени, понятого философом – времени физика.

В книге, вышедшей в том же году, Бергсон проводит сопоставление своего понимания длительности с выводами теории относительности; объясняет, что законы электромагнетизма не обязательно ведут к выводам, сделанным Эйнштейном. Продолжая традицию, восходящую к Августину, Плотину и Аристотелю, Бергсон обращает внимание на понимание времени через интроспекцию; исследование сознания, воспринимающего порядок природы.

Биографы А. Эйнштейна по большей части игнорировали роль Бергсона. Ф. Франк [16], Р. В. Кларк [13], А. Фёльсинг [17], Ю. Неффе [22], А. Паис [23], В. Исааксон [19], виднейшие исследователи жизни физика не упоминают о Бергсоне или упоминают лишь вскользь, отмечая лишь ошибочность его представлений и недостаточность знаний. Стэнфордская энциклопедия философии даже не включает имя Бергсона в графу «время» [21]. Между тем как сама полемика казалась современникам огромным событием и сказалась на судьбах оппонентов. Также к значимости данной темы можно добавить, что полемика имела несомненное влияние как на философию (реакцию на неё в разное время высказывали М. Хайдеггер, А. Уайтхед, Г. Башляр, М. Мерло-Понти, Ж. Делёз, Б. Латур), так и на миры искусства, литературы и политики.

Jimena Canales, называет понимания предмета спора оппонентами «Временем нашей жизни» и «Временем Вселенной». Она пишет о том, как эти два взгляда, несовместимых друг с другом, раскололи интеллектуальное сообщество. Исследовательница считает, что обстоятельства полемики могут помочь понять, «почему давнее соперничество между наукой и философией, физикой и метафизикой, объективностью и субъективностью всё ещё так страстно ведётся» [12, VII-VIII].

Носит ли этот раскол исключительно научный характер? А. Эйнштейн, согласуясь с позитивистами Венского кружка, считал, что в науке «политику и ценности следует проверять у дверей [14, 293]. Его идеи ассоциировались современниками с рациональным познанием и идеей, что Вселенная может существовать без нас. Бергсонизм же, напротив, с антирационализмом и витализмом. Впрочем, первое утверждение философ многократно опровергал в письмах к друзьям и беседах.

Бергсон неоднократно отрицал приписываемое ему недоверие к теории относительности и к определению одновременности, предлагаемом физиками. Он занят инструментами мышления, которые предлагает эта теория и критикой философствующих физиков путём философского анализа вводимых понятий и сопоставления выводов теоретиков с исходной интуицией. В предисловии к «Длительности и одновременности» философ пишет о своей заинтересованности различными временами теории относительности и сменой последовательности моментов времени – одновременностью и обратно в зависимости от «изменения точки зрения». Для ответа на этот вопрос Бергсон считает необходимым «выяснить поочерёдно конкретное значение всех элементов, входящих в формулу Лоренца. Таким образом мы обнаружили бы, что множественные времена, о которых говорится в теории относительности, отнюдь не могут все претендовать на одну и ту же степень реальности» [1, 284]. Бергсон не считает построение физической теории последним рубежом на пути мыслителя. «Остаётся определить философское значение вводимых ею понятий» [2, 286]. Помимо прояснения интуиций философский подход Бергсона имеет критическую функцию – анализ образов времени: множественного в теории и включённого в единую вселенную.

Итак, полемика Бергсона с Эйнштейном о сущности времени может быть рассмотрена по меньшей мере в четырёх контекстах философских полемик: 1) Спор между метафизическими системами и спор между метафизикой и позитивизмом. J. Canales [11] пишет о том, что спор между физиком и философом являет больше не различия между физикой и философией, но различия первых принципов и «метафизических темпераментов» оппонентов. Бергсону Вселенная видится бесконечно усложняющейся и становящейся, Эйнштейна влечёт устрашающая и суровая космическая рациональность, соответствующая установленному закону природы; 2) Спор о сциентизме: является ли наука единственным источником познания истины. Являются ли единственно верными описаниями реальности научные теории, «которые заменяют объекты и процессы человеческого опыта непереживаемыми отношениями между непереживаемыми сущностями?». В этом смысле Бергсон, с одной стороны, может быть сопоставлен с другими философами, «восставшими» против разума: Д. Юмом, Ж.-Ж. Руссо, С. Кьекегором, А. Шопенгауэром, Ф. Ницше, У. Джеймсом; 3) Polemika o научном реализме: действительно ли сущности, описываемые научными теориями, существуют в реальности? E. Herring [18,

1] пишет о том, что физик и философ пришли к единому мнению по «фактам», но разошлись в понимании сущности времени. Принципиальная позиция А. Эйнштейна о том, что теория относительности была точным описанием реальности (хоть и не рассматривала психологическое переживание времени вошла в противоречие с конвенционализмом Бергсона. Бергсон стремится к нередуктивному описанию природы [25, 146], согласующему время физики со временем реально переживаемым. И, вопреки мнению Эйнштейна, дело не только в личном опыте и субъективном переживании, но в вопросе о единстве мира, частью которого мы являемся, внутри которого действуем и который стремимся познать. По Бергсону, Познавая себя – мы уже познаём мир в его глубинных аспектах; 4) Спор о причинности и детерминизме. S.L. Goldman сопоставляет спор Эйнштейна-Бергсона с полемикой Эйнштейна-Бора. Эйнштейн до конца жизни отрицал возможность того, что квантовая механика может быть точным описанием реальности, ведь детерминизм в ней сменяет теория вероятностей, нарушая наше интуитивное представление о причинно-следственной связи.

1 апреля 1922 философ был единогласно избран президентом Международного комитета интеллектуального сотрудничества Лиги Наций. Будучи одним из самых политически ангажированных философов своего времени, он считал, политическая организация «добьется успеха только благодаря престижу и авторитету своих членов» [10, 31]. А потому стремился включить в неё А. Эйнштейна. Между тем разногласия, проявившиеся в полемике, повлияли на судьбу международного комитета. Так, 1-5 августа 1922 года Эйнштейн пропускает встречу в Женеве, а к марту 1923 года выходит в отставку, опубликовав резкое заявление против ICIS [10, 31]. «Лига Наций, — утверждал Эйнштейн, — не только не воплощает идеал международной организации, но фактически дискредитирует его» [8, 23]. Его весьма публичная отставка только усложнила работу Лиги Наций и ICIS.

В письме своему другу Морису Соловину он пишет: «Я вышел из комиссии Лиги Наций, так как больше не доверяю этому учреждению. Это вызвало некоторую неприязнь, но я рад, что сделал это. Надо остерегаться обманных предприятий, даже если они носят громкое имя. Бергсон в своей книге по теории относительности допустил несколько серьезных ошибок; да простит его бог» [15, 58-59]. В 1925 году Бергсон ушел в отставку, сославшись на болезнь [24, 72].

Список использованной литературы:

1. Бергсон А. Длительность и одновременность (по поводу теории Эйнштейна). СПб: АCADEMIA. 1923;
2. Бергсон А. Замечания о теории относительности // Анри Бергсон. Избранное: Сознание и жизнь. М.: РОССПЭН. 2010;
3. Гайденок П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философской науке. М.: Прогресс-Традиция. 2006;
4. Фомин А.Л. Диссертация на соискание степени кандидата

- философских наук. М.: 2009;
5. Молчанов Ю.Б. Четыре концепции времени в философии и физике. М., 1914;
 6. Уитроу Дж. Естественная философия времени., М., 1964;
 7. Фомин А.Л. Философско-герменевтическая концептуализация времени;
 8. Albert Einstein, "Die Friedens-Warte", (June 1923)
 9. Albert Einstein. Travel diary to Japan, Palestine, Spain цит. по: Canales J. Einstein's Bergson Problem: Communication, Consensus and Good Science // *Cosmological and Psychological Time*. New York: Springer, 2016
 10. Bergson cited in Jean-Jacques Renoliet, *L'UNESCO oubliée: La Société des Nations et la coopération intellectuelle (1919–1946)* (Paris: Publications de la Sorbonne, 1999)
 11. Canales J. Einstein, Bergson and the Experiment That Failed: Intellectual Cooperation at the League of Nations
 12. Canales J. *The Physicist and the Philosopher. Einstein, Bergson, and the debate that changed our understanding of time*. Princeton university press, 2015
 13. Clark R. *Einstein: The life and times*. NY: World Publishing. 1971
 14. Daston and Galison, *Objectivity*
 15. Einstein to Solovine, Pentecost 1923 (20 May 1923) in Albert Einstein, *Letters to Solovine* (New York: Philosophical Library, 1987)
 16. Frank P. *Einstein, his life and times*. NY: A.A. Knopf. 1947
 17. Fölsing A. *Albert Einstein: A biography*. NY: Viking. 1997
 18. Herring E. *The Physicist and the Philosopher: Einstein, Bergson and the Debate that Changed our Understanding of Time*. *Annals of Science*
 19. Isaacson W. *Einstein: His life and universe*. NY: Simon and Schuster. 2007
 20. Jammer M. *Einstein and Religion. Physics and theology*. Princeton university press. 1999
 21. Ned Markosian. *Time*. *Standford Enciclopedia of Philosophy*. 2010
 22. Neffe J. *Einstein: A biography*. NY: Farrar, Status, and Giroux. 2007
 23. Pais A. "Subtle is the Lord...": *The science and the life of Albert Einstein*. O.: Clarendon. 1982
 24. Renoliet, *L'UNESCO oubliée: La Société des Nations et la coopération intellectuelle (1919–1946)*
 25. Sherman J. H. *Who speaks for nature? On the continued importance of Bergson-Einstein debate*. *Theology and Science*
 26. Whitehead A. *The Concept of Nature: The Tarner Lectures Delivered in Trinity College, November 1919*. *Tarner Lectures*. Camtidge philosophy classics edition. C.: Cambridge University Press. 2015).

КИСЕЛЕВ В.В.

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Российская Федерация

ИДЕОЛОГИЯ ТРАНСГУМАНИЗМА

На сегодняшний день однозначного ответа на вопрос, что представляет собой трансгуманизм (совокупность идей, мировоззрение, философское учение, концепция, направление, идеология), не существует. Каждый исследователь приводит свои доводы в пользу определения трансгуманизма. Так, Макс Мор, давший одно из первых определений трансгуманизма, определил его как движение и философское учение [2]. Д.К. Казеннов его определяет как совокупность убеждений [5, с. 4], философское направление [5, с. 18], философскую позицию [5, с. 157]. И.В. Аксенов считает трансгуманизм философской концепцией [5, с. 19], движением [5, с. 162], комплексом разноплановых идей [5, с. 164].

В ранее проведенных исследованиях [6, 7] мы определили трансгуманизм как *философское футурологическое учение о новом улучшенном человеке, включающее комплекс техноутопических идей и способов их достижения, а также основанное на этих идеях социокультурное движение и идеологию.*

С целью определения относимости трансгуманизма к какому-либо виду научного (ненаучного) знания, мы выстроили условную схему «Этапы развития идей» от какого-либо суждения до научной дисциплины. Так мы сделали вывод, что современный трансгуманизм прошел путь от конкретных идей, предположений, гипотез до целых концепций, теорий, учения и философии. На основе разработанной также нами схемы механизма формирования идеологии мы рассмотрели этапы становления трансгуманизма как идеологии и движения. Таким образом, трансгуманизм можно назвать совокупностью идей, предположений, взглядов, точек зрения, убеждений, позиций, мнений, веры, а также догадок, гипотез, концепций, теорий и учений. Трансгуманизм попадает также под критерии религиозного мировоззрения, философского направления, социокультурного движения и идеологии.

В предыдущих исследованиях [6, с. 138] мы отметили, что все сегодняшние суждения о трансгуманизме можно разделить на 4 основные группы идей: идея бессмертия (к ней мы отнесли идею победы над болезнями, старением), идея бесконечного улучшения человека (к ней мы отнесли избавление от страданий, получение счастья), идея появления постчеловека (человек не вершина эволюции), антитрансгуманистические идеи (идеи противников трансгуманизма, фантазии о последствиях трансгуманистических идей).

В настоящей статье остановимся более подробно на соотношении трансгуманистических идей и идеологии.

В современной литературе все чаще появляются статьи, в которой авторы заявляют, что трансгуманизм является идеологией [8, 9, 10]. Действительно, если разобраться в понятии идеологии, признаках и механизме ее формирования, то можно сделать такой вывод. В предыдущих своих исследованиях мы определяли идеологию как «идеализированную эмоционально заражающую модель построения человеческого общества» [4, с. 450], признаками которой являются: 1) субъективность; 2) основанность на вере; 3) глобальность; 4) стремление к всеобщему признанию; 5) тенденция к эмоциональному заражению сознания; 6) гаправленность против чего-либо, кого-либо. К механизмам формирования идеологии мы отнесли: 1. Появление эмоционально окрашенной мысли (идеи) как результат отражения фрустрирующей действительности. 2. Появление теоретика-идеолога. 3. Появление группы теоретиков-идеологов. 4. Эмоциональное заражение сознания группы обывателей. 5. Появление массовой идеологии, претендующей на статус государственной идеологии [4, с. 447-450].

На примере возникновения трансгуманизма мы видим, что сначала (*на первом этапе формирования идеологии*) возникают какие-либо неотреагированные чувства – чувства неудовлетворенности (например, тем, что человек смертен, подвержен к болезням, старению, страданиям), которые затем трансформируются в чувство несправедливости и идею выступить против этой несправедливости. Важной составляющей любой идеологии является выступление против кого-либо или чего-либо. В трансгуманизме этим объектом выступает гуманизм (идеи гуманизма) и сам человек с его недостатками и проблемами. В других известных идеологиях таким врагом (источником зла), искоренение которого может решить имеющуюся проблему выступает царь-тиран, буржуй-капиталист, социальный паразит и т.п. Идеология трансгуманизма, по нашему мнению, формируется как альтернатива или дополнение к другим утопическим идеологиям о «светлом будущем». Поэтому неудивительно, что после краха советской идеологии в лидерство вырывается трансгуманизм, в котором, кстати, есть течение технокоммунизма, предлагающее синтез идей коммунизма и капитализма, где каждый человек может стать собственником средств производства – автоматизированных домашних фабрик-заводов (художественные представления о технокоммунизме представлены в творчестве российского писателя-фантаста А.В. Лазаревича: «Сеть нанотех», 1997; «Технокосм», 2007).

На втором этапе формирования идеологии появляется теоретик-идеолог. Таким первым идеологом трансгуманизма был английский биолог-эволюционист Джулиан Хаксли, который впервые употребил термин «трансгуманизм» в современном смысле в своей работе «Религия без откровения» (1927) [1]. Хаксли представлял «трансгуманизм» как новую идеологию, «веру для человечества, входящего в новую волну научно-технической революции» [5, с. 25]. На данном этапе Хаксли поддержали соотечественники, группа теоретиков (биолог-генетик Джон Холдейн и

физик Джон Бернал), но в связи с отсутствием на тот момент больших достижений в биологических науках, которые бы могли говорить о возможностях изменения биологической природы человека, идеи Хаксли не получили массового признания. Однако со второй половины XX века, в связи с началом важных открытий и изобретений, которые легли в основе геной инженерии, Хаксли вновь возвращается к теме трансгуманизма в работе «Новые бутылки для нового вина» (Huxley, Julian, 1957, In *New Bottles for New Wine*, London: Chatto & Windus). Этот год принято считать датой официального рождения термина «*трансгуманизм*».

На третьем этапе формирования идеологии появляется группа ученых-теоретиков, которая заметно развивает трансгуманистические идеи. Так, в свет выходят работы Алана Тьюринга «Вычислительные машины и разум» (1950) и Джона фон Неймана о перспективах «мыслящих машин»; Ричарда Фейнмана «Внизу полным-полно места» (1959) – о перспективе создания нанороботов; Роберта Эттингера (основателя Института крионики) «Перспективы бессмертия» (1962), Эвана Купера «Бессмертие» (1962); Элвина Тоффлера (одного из авторов концепции постиндустриального общества) «Шок будущего» (1970). Далее трансгуманистические идеи были развиты в работах Эрика Дрекслера (теоретика молекулярных нанороботов) «Машины созидания: грядущая эра нанотехнологии» (1986); Реймонда Курцвейла «Эпоха мыслящих машин» (1990) – о технологической сингулярности (критический разбор позиции Курцвейла даёт А.Н. Фатенков [10]), а также работы Марвина Минский «Общество Разума» (1986) и Ханса Моравек «Дети Разума» (1988) – в области искусственного интеллекта и саморазвития роботов.

На четвёртом этапе формирования идеологии (который шел параллельно с третьим этапом) появляется группа обывателей, которая подхватывает идеи ученых-теоретиков и популяризирует их. Новые оптимистические футуристические сценарии будущего развития человечества были сформулированы писателями-фантастами, такими как Артур К. Кларк, Айзек Азимов, Роберт Хайнлайн, Станислав Лем, которые размышляли о новом, сверхчеловеческом будущем. Особую роль в развитии именно трансгуманистических идей сыграл писатель-фантаст Ферейдун М. Эсфэндиари, который позже сменил свое имя на FM 2030 (год, обозначавший дату его столетия). Своими книгами он заложил фундамент трансгуманизма и трансгуманистического движения. В книге «Трансчеловек ли ты?» (1989) он ввел определение транслюдей как тех, кто имеет такие порывы к науке и техники, которые способствуют наступлению постчеловеческого будущего.

На пятом этапе формирования идеологии трансгуманизма философы-теоретики начали от теории переходить к практике. В 1988 году Макс Мор начинает выпускать печатное издание «Экстропия: журнал трансгуманистической мысли», в котором публиковались статьи исследователей, работающих в таких направлениях, как искусственный интеллект, нанотехнологии, геной инженерия, продление жизни, загрузка

сознания, робототехника, освоение космоса и философия трансгуманизма. Затем создает Институт экстропии, который просуществовал до 2006 года, целью которого было разработать базовые принципы и ценности нового постчеловеческого общества. В 1998 году Ник Бостром и Дэвид Пирс в противовес Институту экстропии с его техноутопическими идеями основали Всемирную ассоциацию трансгуманистов, а в 2004 году – Институт Будущего человечества. В России ярким идеологом-практиком трансгуманизма можно назвать Д.И. Ицкова (р. 1980), основателя движения «Россия 2045» и технопроекта «Аватар», согласно которому предполагается создание искусственного тела, переноса туда сознания человека, а затем перехода тела и разума в голограмму, состоящую из частиц света. В этой же группе выделим Данилу Медведева (р. 1980) и В.В. Удалову (р. 1960, известную под псевдонимом Валерия Прайд), одних из создателей Российского трансгуманистического движения, а также создателей первой за пределами США крионической компании «КриоРус» (2006), которая хранит в жидком азоте тела своих «криопациентов» – умерших людей и животных (либо их головной мозг) в надежде на то, что когда-нибудь их удастся оживить при помощи высокоразвитых технологий будущего.

На наш взгляд, в настоящий момент идеология трансгуманизма еще не достигла своего пика. На ее рост и спад популярности повлияет, в первую очередь, действительная научная оценка трансгуманизма как социального явления, а также практические результаты от реализации (или нереализации) трансгуманистических проектов. Все точки над «i» расставит 2045 год: наступление (или ненаступление) эпохи технологической сингулярности, а также реализация или не реализация технопроекта «Аватар», предполагающий «загрузку сознания».

Список использованной литературы:

1. Huxley, Julian. Religion Without Revelation / J. Huxley. – London: E. Benn, 1927. – 392 p.
2. More, M. 1990, revised 1996. Transhumanism: Towards a futurist philosophy. Extropy 6. URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/276/110/> (дата обращения: 05.01.2023).
3. Аксенов И.В. Трансгуманизм как проблема философской и религиозной антропологии: специальность 09.00.13 «Философская антропология, философия культуры»: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Аксенов Игорь Викторович; Русская Христианская Гуманитарная Академия. – С.-Петербург, 2016. – 197 с. – Библиогр.: с. 168-197.
4. Век В.В. Влюбленность и любовь как объекты научного исследования: монография. – 3-е изд., исправ. и доп. – Москва: Издательский дом Академии Естествознания, 2017. – 589 с. – ISBN 978-5-91327-477-9.

5. Казённов Д.К. Концептуальные основания трансгуманизма: специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания»: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Казённов Дмитрий Константинович; Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2011. – 170 с. – Библиогр.: с. 161-170.
6. Киселев В.В. Трансгуманизм: новая восходящая мировая религия или новая вариация старых мифов? // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 1А. С. 138-143.
7. Киселев В.В. Трансгуманизм: социально-философский анализ / Научный доклад на соискание ученой степени кандидата философских наук. Екатеринбург, 2018. – URL: <http://vladimirvek.ru/wp-content/uploads/transgumanizm-soczialno-filosofskij-analiz-nauchnyj-doklad.pdf>.
8. Крайнов А.Л. Трансгуманизм как идеология нового социального порядка / / Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 23–27.
9. Таланин В.И. Сущность идеологии трансгуманизма: современные информационные технологии. – Запорожье: ЗНУ, 2016. – 128 с. – ISBN 978-966-599-543-2
10. Фатенков А.Н. Натурный ум в контракте на искусственный интеллект (Полемический отклик на «Эволюцию разума» Рэя Курцвейла) // Философский журнал. 2022. Т. 15. № 3. С. 172–183.

КОЛОБОВА С.В.

Московский гуманитарный университет
Российская Федерация, г. Москва

НОВЫЕ ГЕРОИ. АНАТОМИЯ МУЖЕСТВА У АРИСТОТЕЛЯ И В ПОСТМОДЕРНЕ

Мужество издавна является одной из основных добродетелей и одним из важнейших личных качеств человека в любом обществе. Существенно не меняясь в проявлении, несмотря на смену исторических эпох, само понятие мужества все же варьировалось и дополнялось теми или иными смыслами, порой даже придавая этому понятию отрицательные оттенки (в частности, философ Нового времени Томас Гоббс считал страх смерти важной силой для воцарения твердого мира, указывая таким образом на то, что мужество как отрицание страха смерти, установлению мира наоборот может мешать [7]). Каждая эпоха выдвигала вперед своих героев, со своими особенностями, что дает возможность сравнить понятие мужества на примерах личностей разных эпох. В данной статье для осмысления изменений понятия мужества будут сравниваться характерные черты героев в понимании Аристотеля и персонажей постмодернистских произведений.

Античные философы выделяли четыре основные добродетели: мудрость, справедливость, умеренность и мужество. Аристотель считал, что

добродетель является умением и стремлением человека находить равновесие меж крайностей: недостатком определенного качества в человеке и его избытком. Философ считал мужеством преодоление страха смерти, готовность рисковать своей жизнью ради достижения значимой цели.

Подробно это понятие Аристотель рассматривает в своем труде «Никомахова этика». В данном произведении он подробно рассматривает происхождение добродетелей и приходит к выводу, что любая из них (и мужество в том числе) не является прирожденной способностью человека, а всегда приобретается через воспитание, и именно государство, по словам Аристотеля, заинтересовано в воспитании добродетелей, потому это должно стать важной государственной целью. При этом Аристотель, считая добродетель балансом между крайностями, считал, что как избыток чувства, так и его недостаток в человеке губит все возвышенное. Для каждой добродетели Аристотель указал недостаток и избыток чувств. Для мужества недостатком являлись страх и трусость, а избыток приводил, по мнению философа, к бессмысленному героизму. И то, и другое губило изначально благородное чувство.

Важность мужества в системе нравственных координат философа подчеркивается даже тем фактом, что первой добродетелью, рассматриваемой им, является как раз это чувство. Аристотель считал, что только мужество, бесстрашие перед смертью является единственным способом поведения мужчины в бою. Важно отметить: мужество в античности закреплялось исключительно как специфическая мужская добродетель, потому что только свободные мужчины могли принимать участие в войнах. Ни женщины, ни рабы, ни кто бы то ни был еще не обладали этой добродетелью [1, с. 69]. Фактически это отражено даже в словообразовании: греческие слова *ἀνδρεία* (мужество) и *άντρας* (мужчина) являются однокоренными.

Само по себе мужество Аристотель не считал однородным. Он выделял пять основных типов этого чувства [1, с 68-69]:

- 1) гражданское (политическое) мужество;
- 2) знание как мужество (опытность в определенных вещах);
- 3) мужество, объединяющее яростный дух, сознательный выбор и саму цель;
- 4) мужество во гневе (аффект);
- 5) мужество самонадеянное без оценки опасности и рассуждений.

В этом перечне можно также проследить развитие добродетели от ее минимума через достижение гармонии чувства до избытка и искажения понятия.

В своих произведениях Аристотель писал, что выбирая между долгим кротким наслаждением и часом восторга, между годами обычного существования и годом яркой жизни, между маленькими успехами и одним великим славным подвигом, всегда бы выбрал последнее в каждом случае. Альберт Боргманн в статье, посвященной обзору книги Уильяма Яна

Миллера «Тайна мужества» [8], указывает, что Аристотель предпочитал героическое мужество, восхищаясь героями Гомера, в частности Одиссеем, Патроклом и в особенности Ахиллесом. На это указывают слова философа о том, самой красивой формой смерти является смерть в бою, потому что встретить ее можно среди самых великих и прекрасных опасностей [2].

Также идеальный герой, по мнению Аристотеля, должен обладать грацией и атлетизмом, необходимым для героического боя истинного воина с достойным противником. Философ употреблял много эпитетов при описании своего видения идеальных героев, и, несмотря на то, что он не делал явного акцента на различиях гражданского и героического мужества, нельзя не отметить, что его симпатией в значительной степени пользовалось последнее. Но, даже учитывая, что гражданское мужество было отнесено Аристотелем к низшему виду мужества, философ считал его первым среди всех прочих видов, потому как оно выступало основой для последующего развития этой добродетели.

Для примера мужественного героя можно взять вышеупомянутого Одиссея, одного из персонажей «Иллиады» Гомера и центрального героя произведения «Одиссея». В обоих произведениях Одиссей является эпическим героем в полном значении этого понятия. Несмотря на то, что данный персонаж соткан из противоречий (что является обычным делом для античных эпических произведений), важно здесь выделяющееся описание Одиссея как воина. Даже беря во внимание то, что Одиссей в указанных произведениях полагался не только на силу, но и показывал недюжинный ум и хитрость, расчетливость и изобретательность, притом отличаясь деловым и практичным подходом в обычной жизни, он проявил себя в полном соответствии с описанием достойного и мужественного человека по Аристотелю: Одиссей описывается храбрым воином, умным военачальником, лучшим в кулачных боях, прекрасным атлетом, отважным мореходом, не боящимся опасностей и даже идущим к ним (можно сравнить бесстрашное и очень опасное плавание команды Одиссея между Сциллой и Харибдой, описанное Гомером, с более поздним произведением «Аргонавтика» Аполлония Родосского, где команда Ясона, проплывая то же место, не была предоставлена сама себе, а действовала при содействии морской нимфы Фетиды, направленной Герой, а Эней вовсе отказался от такого пути, предпочтя более безопасный маршрут).

В итоге можно выделить главное, что определяет мужество по мнению Аристотеля: преодоление страха смерти во имя действительно благих целей (на это указывают в том числе следующие цитаты из «Никомаховой этики»: «Кто осмысленно устремляется ради добра в опасность и не боится её, тот мужествен, и в этом мужество» и «Мужество - добродетель, в силу которой люди в опасностях совершают прекрасные дела»). При этом мужественен мог быть только свободный человек, мужчина с правом голоса. Больше никто не мог обладать этой добродетелью.

Что же касается героев, являющихся частью общества постмодерна, то в первую очередь стоит заострить внимание на следующих особенностях. Важно понимать, что постмодерн и постмодернизм не синонимичные понятия. Постмодерн сам по себе - это явление, состояние общества, проявляющаяся в качестве социально-ментальной парадигмы, которая определяет взгляды людей на те или иные события, на окружающих людей, на свое место в мире, распространяющаяся в мире с середины XX века. Постмодернизм же является феноменом художественной культуры и философии. Можно сказать, что это художественное отражение мира постмодерна [3].

При описании постмодерна указывается, что общество отказывается как от теоцентризма, так и от антропоцентризма, что было характерно для предыдущих эпох и стояло в центре всего. Вместо твердой веры в Бога/богов или человека, характерной для более ранних эпох, человеку предлагается верить в то, что нужно самому человеку – «во что заблагорассудится». От веры в человека в целом происходит переход к вере в конкретного человека – в себя, а от веры в Бога – к интересу к миру в целом, во всем его многообразии. Для постмодернизма характерными чертами можно назвать эклектичность, цитатность, инвентаризацию опыта предшествующих эпох, деконструкцию, смешение массового и элитарного, плюрализм. Идеолог постмодерна Жан-Франсуа Лиотар призывал свергнуть тотальность, дав взамен просто различиям [3].

Отражение всех трансформаций общества, конечно же, не могло не найтись в искусстве. Что касается личности в произведениях эпохи постмодерна, то это нередко люди на распутье, находящиеся на перекрестке пространств, времен, эпох. С этой точки зрения можно сказать, что герои постмодернизма - маргиналы в классическом, не вульгарном понимании, люди, выбитые из привычной среды. Они нередко не имеют понятия о том, куда им податься, во что верить, где найти приют. Личности таких героев - результат кризиса окружающего их мира, что нередко сказывается на их внутреннем состоянии. Авторами произведений это раскрывается через болезненность психики персонажей, порой прямым текстом указывая на психический недуг героев. Например, такое можно нередко встретить в книгах Чака Паланика, особенно в произведениях, предшествовавших книге "Колыбельная": персонажи указанных произведений оказываются одинокими, непринятыми обществом, могут проявлять агрессию и ненависть, направленную в первую очередь на себя (этот автор даже дал название подобному стилю: трансгрессивная проза [6]). Следствием тяжелого морального положения героев зачастую является их прагматизм (в бытовом понимании этого слова) на грани с циничностью, причем грань эта легко переступается.

Исходя из описания героя постмодерна, может сложиться впечатление, что человека, стоящего на распутье, который не может получить опору ни внутри себя, ни в окружающем мире, сложно сделать мужественным героем

в аристотелевском понимании. Во многом это будет так: далеко не каждый герой произведения постмодерна будет отвечать указанным требованиям. Нередко появление не только в качестве спутников, но и в качестве центральных персонажей как трикстеров, так и антигероев (например, к таким персонажам относятся капитан Джек Воробей в серии фильмов «Пираты Карибского моря» или герой Клинта Иствуда Блондинчик/Человек без имени в «Долларовой трилогии»; данные произведения за счет деконструкции жанровых тропов можно отнести к постмодернистским), однако постмодерн подходит к этому опять же неоднозначно. Порой именно такие герои по мере развития арки персонажа изменяются настолько, что становятся вполне соотносимы с классической точкой зрения на мужественность, проявляя мужество в понятии Аристотеля. Иллюстрацией подобного развития может служить, например, главный герой фильма Ридли Скотта «Бегущий по лезвию» (1982/1992/2007 г.) Рик Декард. Персонаж изначально представлен зрителю эгоистичным, грубым и циничным в работе и жизни человеком, недолголюбивающим репликантов (человекоподобных биороботов, создаваемых людьми для тяжёлых и опасных работ), однако после более близкого знакомства с ними меняет свое отношение к биороботам вплоть до готовности пожертвовать своей жизнью ради сохранения «жизни» важного для него репликанта. Что это, как не мужество, согласно представлениям Аристотеля?

В то же время важно отметить проблему самого существования мужества и мужественности в современном обществе. Общественные деятели и авторы художественных произведений заявляют, что нынешнее общество в своем потреблении и стремлении к миролюбивому, едва ли не травоядному существованию, ушло от понятия мужественности, а само мужество по причине ненужности атрофируется. Постмодернистские произведения указанного выше Чака Паланика затрагивают эту проблему. В романе «Бойцовский клуб» автор раскрывает тему неудовлетворенности мужчин состоянием мужественности, устами героев заявляя, что они являются «поколением мужчин, воспитанных женщинами» [5].

Писатель видит корень проблемы в обществе потребления, в котором мужчины вместо проявления себя через мужественные дела в классическом понимании, направляют все свои силы на навязанное приобретение вещей, становясь заложниками бесконечной гонки за новым и лучшим. Предметы быта, по мнению Паланика, из потребности превратились в самоцель и предметы статуса, которые в итоге делают человека своим рабом: «Ты покупаешь мебель. Ты уверяешь сам себя, что это — первая и последняя софа, которую ты покупаешь в жизни. Купив её, ты пару лет спокоен в том смысле, что как бы ни шли дела, а уж вопрос с софой, по крайней мере, решён. Затем решается посудный вопрос. Постельный вопрос. Ты покупаешь шторы, которые тебя устраивают, и подходящий ковёр. И вот ты стал пленником своего уютного гнездышка, и вещи, хозяином которых ты некогда был, становятся твоими хозяевами» [5]. Таким образом, бесконечная гонка за

вещами, навязанная обществом потребления, не оставляет возможности мужчине заняться чем-то великим, где, по мнению автора, он бы раскрыть себя. И именно эта проблема является почвой для дальнейшего сюжета произведения, началом пути героя.

Проблему маскулинности и мужества в обществе постмодерна подчеркивают и слова критиков о данной книге: высказывалось мнение, что роман написан специально для мужчин и библиотека каждого из них должна содержать эту книгу, которая когда-нибудь может пригодиться как Библия мужчины [4]. Таким образом герои постмодерна могут выходить за рамки мужества в понимании Аристотеля, отправляясь на поиски этой добродетели в себе через столкновение с окружающим миром.

Подводя итоги, важно еще раз отметить, что Аристотель считал мужеством риск своей жизнью и преодоление самого большого страха любого человека – страха смерти – во имя важных добродетельных достижений и поступков. Идеальными героями, по мнению Аристотеля, были те, кто был готов на поле брани жертвовать своей жизнью (примеры таких героев: Одиссей и Ахиллес). Именно такие люди олицетворяли мужество в глазах Аристотеля. Общество постмодерна представляет героев несколько другого плана: оторванных от привычного и циничных, но все же не лишенных своеобразного благородства, готовых проявить мужество в аристотелевском понимании этого слова, но только если это мужество им удастся обрести.

Список использованной литературы:

1. Алымова, Е. В. Тема мужества в этике Аристотеля / Е. В. Алымова // Verbum. – 2017. – №19.
2. Аристотель Никомахова этика [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Nikomakhova.pdf (дата обращения: 05.01.2023).
3. Гардари, Д. – Постмодерн и постмодернизм [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gardari.art/postmodern-i-postmodernizm/> (дата обращения: 05.01.2023).
4. Данилкин, Л. Бойцовский клуб [Текст] / Лев Данилкин // Афиша. - 2001. - 20 ноября.
5. Паланик, Чак Бойцовский клуб / Чак Паланик // – Москва: АСТ, 2006. – 256 с.
6. Паланик, Чак Обезьяньи привычки / Чак Паланик // Фантастичнее Вымысла – Stranger than Fiction: True Stories. - Москва: АСТ, 2007. - 265 с.
7. Романова, А. Н. Влияние представлений о мужестве на нравственное саморазвитие молодых людей / А. Н. Романова // Система ценностей современного общества. – 2014. – №33.
8. Everyday Fortitude by Albert Borgmann [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.religion-online.org/article/everyday-fortitude/> (дата обращения: 05.01.2023).

КОМОВА Е.Б., ЧЕРНЯЕВ А.М.

ФКОУ ВО Владимирский юридический институт ФСИИ России,
г. Владимир, Российская Федерация

КОГНИТИВНАЯ ВОЙНА – ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Человечество находится в состоянии войны на протяжении всего своего существования. Процессы и явления, без которых немыслима система современного политического устройства, сопровождаются противоборством сторон, интересы которых они затрагивают. Генералу прусской армии и теоретику военной науки XIX века Карлу фон Клаузевицу принадлежит известная формула: «война есть не что иное как продолжение государственной политики иными средствами» [4, с 27].

Классическое понимание войны как средства решения политических задач связано, прежде всего, с действиями сил на суше, на воде и в воздухе. С относительно недавнего времени к потенциальному театру военных действий добавился космос, завершив собирательное понятие физической области военных операций.

В современной политике не меньшее значение имеют действия в информационном пространстве. Цифровая среда, информационное поле, киберпространство – все это термины, характеризующие область со своими законами, правилами и особенностями противоборства.

Наряду с двумя упомянутыми аренами политического противостояния сейчас все большую актуальность приобретает третья сфера, или как еще говорят «домен». Войны в третьем домене «называют также «войнами нервов», «войнами за умы», психологическими, когнитивными, ментальными войнами» [2, с. 43]. Цель когнитивного воздействия заключается не в том, чтобы служить дополнением военной доктрины и нанести врагу поражение без боя, а в том, чтобы через изменение восприятия вести войну с тем, как общество думает, что оно любит и во что верит. Примечательно, что в качестве «врага» выступает не только население противостоящего государства, но и собственное население которое подверглось когнитивному удару. Угроза в данном случае характеризуется возможностью превращения гражданских лиц в «спящие ячейки», которые представляют опасность для стабильности государства, не осознавая при этом собственной деструктивной роли.

Концепцию когнитивной войны сформулировали Бернар Клавери и Франсуа дю Клузель, по словам которых когнитивные атаки организовываются с целью введения в заблуждение или изменения сознания рядовых членов общества, руководителей, целых социальных слоев и даже всего населения государства или группы стран [1, с.1]. Природа технологии заключается в системном воздействии на сознание и образ мышления людей, а задача состоит в том, чтобы «взломать личность», используя «слабые места человеческого мозга» для следующего применения «социальной инженерии»

с целью исправления личности. Иными словами, это формирование искусственной личности с заданными ценностями, нужной моралью и пониманием добра и зла. Когнитивная война – это искусство использования технологий для изменения сознания людей, которые часто и не подозревают о подобных попытках. Среди жертв когнитивных атак часто оказываются люди, профессиональной задачей которых является защита от них, минимизация деструктивных последствий или управление таковыми.

Несмотря на то, что концепция когнитивной войны как вида политической операции была сформулирована относительно недавно, средства для ее проведения уже давно широко известны. Это печатные издания, художественные фильмы, литературные произведения. Сегодня ко всему этому добавился интернет. В сети даже реклама не случайна и вовлечена в системное воздействие, благодаря которому контролируются интересы конкретного человека. Воздействие на его сознание происходит уже с учетом личных потребностей и предпочтений. Элементом современной когнитивной войны является попытка подменить понятия нация, народ, достоинство, семья, брак и заменить традиционные ценности экзальтированным поклонением доведенной до абсурда свободе и воюющей толерантности.

На самом деле эти военные цели продвигаются многими из современных лидеров мнений, находящихся «в тренде» и поддерживающих идеи глобалистов, движения «зеленых» и других. Нейробиология и экология человека используются для преобразования гражданских научных знаний в военные. Крупные коммерческие компании вкладывают огромные средства в когнитивные сражения, стремясь установить цифровой контроль над каждым человеком и заменить национальные правительства.

Как утверждают Клавери и дю Клузель, в условиях современного цифрового мира самым эффективным средством когнитивного воздействия является стимулирование использования цифровых инструментов, которые могут нарушать или изменять когнитивные процессы политического противника на всех уровнях [1, с. 8]. Речь идет о том, что на каждом этапе процесса принятия решения внедряется цифровое средство, которое влияет на него или вовсе подменяет функцию человека. Например, на стадии сбора информации между человеком и ее источником находится посредник. Это может быть телевизор, печатное СМИ, радио или электронное устройство, подключенное к сети интернет. Воздействие на такого посредника может быть направлено на перегрузку человека информацией или, наоборот, на создание информационного вакуума. Аналогичным образом можно использовать средства, фильтрующие информацию. Сейчас это различные цифровые алгоритмы, которые можно настроить для создания определенного информационного фона.

Необходимо сказать, какие сферы общественной жизни затронуты. Это в первую очередь образование и культура. Война объявлена историческому наследию, народной памяти. Если раньше объекты культурного наследия

народа, проигравшего в войне, уничтожались вторично после военных целей, то сейчас они становятся самостоятельной мишенью, отдельной от боевых действий в традиционном понимании. Отсутствие неискаженной, а то и вовсе непереписанной истории становится нормой. Целые поколения людей, не знавшие мировой и национальной истории, выросли в националистических традициях и ценностях абсолютизированного либерализма и капитализма как единственной жизненной парадигмы. Культура, включающая в себя нормы морали, нравственности, обычаи, обряды находится под постоянным давлением. Это видно по ряду неформальных молодежных лидеров и их имиджу, общественному мнению, протестным чувствам (в основном в молодежной среде), общественному нигилизму, неспособности проверять информацию, обсуждать свои действия и реагировать на них.

Когнитивное воздействие состоит из двух компонентов: информационного и психоэмоционального. Информационный раздел включает в себя изменение информации, фактов и их информационного содержания, например в форме дезинформации и подмены понятий. Инструменты влияния – это новости, аналитические и социологические данные, образовательные программы в высших учебных заведениях и школах. Психоэмоциональная составляющая включает реакции отдельные людей, социальных групп и общества в целом на информацию. Целью влияния выступает формирование несознательного состояния социума, необходимых оценок, мнений без понимания природы событий и вещей.

Процесс воздействия на политические процессы через историческую перезагрузку самопознания, основных смыслов и целей общества с помощью системы образования является долгосрочным. Переписывание истории, разрушение традиций, обычаев, веры (вероисповедания) и фундаментальных ценностей занимает от одного до нескольких десятилетий. В среднесрочной и краткосрочной перспективе когнитивное политическое воздействие влияет на поведение с целью подрыва доверия к власти, раскола общества и формирования «пятой колонны».

Современные военные действия приобрели новую, неожиданную и в высшей степени непривычную форму. С развитием новых технологий методы политического уничтожения соседа усовершенствовались. Сегодня война идет в области знаний и сознания людей, в виртуальной реальности. Границы между воюющими сторонами размываются. Враги – это уже не страна, а нации и население мира. Когнитивная война – это битва за человеческий разум. И цель здесь не в том, чтобы уничтожить человека. Он должен быть «модифицирован» и прийти в то состояние, которое нужно противнику. При этом поражение в такой войне имеет не менее разрушительные последствия. «Опыт распада СССР наглядно показывает, как проигрыш на уровне когнитивных матриц имел ключевое значение в поражении в «холодной войне»» [3, с.19].

Когнитивная война ведется двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, независимо от времени года. Участие в ней может прекратить только

полное отсутствие интернета и мобильных приложений. Но это уже невозможно. Многие современники выросли на принципах этики и мировоззрения, а также на нормах и правилах, сформулированных в закрытых лабораториях.

Как мы можем противостоять когнитивному влиянию? Представляется, что целесообразно меры противодействия рассматривать на двух уровнях: индивидуальном и государственном. В первом случае речь идет о формировании на уровне личности тактики и методики защиты от когнитивного удара. Поскольку когнитивные технологии основываются на эмоциональной реакции, противодействие им должно зиждиться на эмоциональной самодисциплине, рефлексии и развитии способности критического мышления.

Способность фильтровать информацию, отделять факты от оценок и суждений, отличать дезинформацию и ложь от достоверных данных – ключ к успешному противодействию когнитивному политическому влиянию. Важно не утонуть в информационном потоке, ограничив объем поступающих сведений путем разумного и осознанного сокращения количества источников получения информации.

Индивидуальная стратегия принятия решений должна включать привычку принимать во внимание только проверенные данные, максимально объективно характеризующие обстоятельства и факты. Импульсивность и порывистость в данном вопросе – это симптомы жертвы когнитивного удара.

На государственном уровне первым шагом является содействие формированию идеологии для всего населения, которая понятна и близка любому из его граждан. Второе – это активная работа с молодежью через полноценную и бесплатную систему образования. Необходимо повышать уровень исторических знаний, развивать национальную традицию образования, отказаться от примитивного копирования иностранных решений в этой области. Стоит заметить, что повышение уровня патриотического воспитания детей также представляет собой эффективное средство защиты в войне за разум.

Государству необходимо развивать систему подготовки специалистов-историков, дипломатов, политологов, социологов, психологов, нейробиологов и многих других, способных разрабатывать и реализовывать меры по обеспечению стабильности и повышению уровня безопасности в постоянно изменяющемся агрессивном информационном окружении.

Список использованной литературы:

1. Claverie B., du Cluzel F. The Cognitive Warfare Concept // Innovation Hub [сайт]. URL: https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-02/CW%20article%20Claverie%20du%20Cluzel%20final_0.pdf (дата обращения 14.12.2022).

2. Алексеев А. П. Цифровизация и когнитивные войны / А. П. Алексеев, И. Ю. Алексеева // Философия и общество. – 2021. – № 4(101). – С. 39-51.
3. Багдасарян В. Э. Когнитивные матрицы манипулятивных технологий в войнах и революциях нового типа / В. Э. Багдасарян // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2020. – № 1. – С. 8-23
4. Клаузевиц К. О войне. М.: Логос; Наука, 1998. – 448 с.

ЛЕЧКИНА Е.В.

Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Российская Федерация

«THINK DIFFERENT» КАК ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Последние исследования BigData показывают, что нейросети способны выявлять самые непредсказуемые закономерности и связывать между собой на первый взгляд совершенно неожиданные вещи. Таким образом, впервые в истории человечества мы все оказываемся на площадке, где каждый индивид, национальные правительства, наднациональные корпорации и сеть оказываются уникальными игроками.

Остановимся подробнее на возможных коммуникативных и социальных рисках и вопросах, которые уже заметны или в ближайшее время проявятся. В пространстве, где все есть информация, которая постоянно обновляется, наибольшие шансы на конструктивное существование в сети имеют те, кто первоначально привык иметь дело с массой разнородной противоречивой визуальной, текстовой и экстралингвистической информации. То есть те, кто получил фундаментальное образование и продолжает взаимодействовать со сложной и разнообразной коммуникативной средой на протяжении всей жизни. Остальные рискуют стать заложниками бесконечных манипуляций с самых разных сторон и самыми разными инструментами и окончательно утратить способность к критическому мышлению, психологическому балансу и саморефлексии. Такого рода фрустрация внутри, в частности, представителей части политического спектра способна привести к непрогнозируемым последствиям и социально-политическим поворотам.

В 1997 году в лос-анджелесском офисе рекламное агентство TBWA/Chiat/Day придумало для компании Apple слоган «think different». В 2007 году был выпущен первый iPhone. С этого момента к общеизвестному ироничному, политехнологическому лозунгу в целом приложимому к операциональной части взаимодействия любого рода спикеров о том, что все политика, все маркетинг и все пиар имеет смысл добавить, что все информация. То есть можно говорить о том, что молчание, в частности,

цифровое страшнее чем смерть. С началом эпохи мобильного Интернета, социальных сетей и чуть позже BigData общество начало свое погружение в цифровую реальность в формате fullscale.

Эти три события полностью трансформировали сознание и жизнь, прежде всего, для тех, кого принято называть *nativedigitals*, поколение сегодняшних молодых людей, детей и подростков. Люди цифровой эпохи и те, кто родились в доцифровую эру, стали встречаться на просторах Интернета в самых разных ситуациях, будучи вынужденными выстраивать индивидуальные стратегии поведения в сети. Через какое-то время Интернет был поделен между пользователями разных социальных классов, уровня образования, возраста, социального окружения, происхождения и географии.

Таким образом, были определены и сформированы информационные пузыри со своей микрокультурой, этикетом, спецификой высказывания, ценностями и внутренней социально-политической динамикой. Высокий уровень социального неравенства, продолжавший расти вместе с ростом экономики, закрепил различия в текстовом и эстетическом профиле таких пузырей, сделал их менее проницаемыми и читаемыми для представителей других групп. Старшее поколение вместе с большинством представителей власти во многом осталось в домодернистской риторике, в то время как самая образованная часть молодых людей переместилась из постмодернизма и в его мета интерпретацию. Подчеркнем, что в современных реалиях в условиях адаптации человека в огромном информационном потоке происходит трансформация его восприятия мира, формируется и преобладает «клиповая» форма мышления, как в среде молодежи, так и в среде старшего поколения [1, с. 530].

Молодежь условно поделилась исходя из принадлежности к социальному классу и доступного уровня потребления. На вершине социальной пирамиды оказались те, кого была или появилась возможность выстраивать свой жизненный сценарий с максимальным соответствием своим ценностям и представлениям об эстетике и в самом низу – те, чьи социальные траектории ограничены скудным количеством вариантов и неопределенными перспективами.

К этой социальной сетевой фрагментарности и изолированности прибавились психологические различия между теми, кто живет в пяти самых крупных мегаполисах с их эффектом разнообразия, и жителями небольших и моногородов и сельской части страны. Все перечисленные группы оказались в условиях эгалитарности, относительной свободы, отсутствия предсказуемо работающих инструментов администрирования сетей и абсолютной прозрачности. В коммуникации разных социальных классов уже сегодня отчетливо заметны как лингвистические, так и социально обусловленные различия, как в содержании, так и в инструментах конструирования дискурса. Стоит отметить, что свобода, будучи фундаментальной человеческой ценностью, на данный момент претерпевает изменения, спровоцированными становлением новых модусов бытия. В современном

цифровом мире вопрос свободы глобальный, разносторонний и неоднозначный [2, с.455].

Такое непересечение дискурсов в перспективе способно привести к полному разрыву коммуникации между социальными классами и между властью. Взаимодействие между ними рискует стать сначала формальным, а затем и ритуальным, следовательно, лишенным внутреннего социального отклика, с одной стороны, и неспособностью эффективно донести суть своей повестки, с другой.

Оформление нового типа социальных и коммуникативных практик их расширение, относительная устойчивость и замкнутость на самих себя способна значительным образом разобщить, изолировать и впоследствии привести к конфликтам самого разного рода от социальных и политических до межэтнических и межконфессиональных.

В качестве таковых можно привести троллинг и доксинг. Явления, появившиеся в ограниченном кругу американских элит, мигрировали в массовый Интернет и продолжают оставаться фактором значительного влияния на общественное мнение самых разных социальных классов. В качестве позитивных социальных практик, которые могут иметь негативный социальный отклик среди сравнительно бедных в условиях жесточайшей социальной конкуренции способны стать продолжительное по времени образование, конструирование социального имиджа и эстетика, отражающая благополучие в конкретном обществе или внутри социальной страты.

Отдельного внимания заслуживает то, что принято называть «эгалитарной утопией» – ситуацией, где при декларируемом равенстве и свободе каждое сетевое движение прозрачно, отслеживается и используется для модерирования сетевого окружения одновременно неопределенным количеством акторов. В условиях постоянного неререфлексируемого ни по силе, ни по объему, ни по инструментам влияния любое сетевое действие или бездействие уже невозможно интерпретировать и оценить как с точки зрения самостоятельности и системности мышления, так и с точки зрения отдельного человека и референтной группы. Любые информационные и политические стратегии при таких обстоятельствах больше не могут носить гомогенного характера и действовать на одном уровне восприятия.

В заключение отметим, что человечество как вид вступило в эпоху чрезвычайно сложных взаимодействий, механизм которых не только неясен, но и непрогнозируем. В сложившейся ситуации любое прямое или метарегулирование в сети по масштабам последствий способно быть похожим на эффект бабочки и изменить самые разные сферы коммуникации и взаимодействия людей самым непредсказуемым образом, существуют вполне ясно очерчиваемые риски, что «владея оружием массового поражения, в мире сетевой прозрачности и отсутствия конфиденциальности, человечество ввергнет себя в пространство без ограничений и порядка и будет идти от кризиса к кризису не осознавая последствий» [3, с. 455].

Список использованной литературы:

1. Хафизов А.А., Елхова О.И. Виртуальная реальность как предпосылка формирования клипового мышления. В сборнике: Гуманитаризация инженерного образования: методологические основы и практика – 2022. Материалы III Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Отв. редактор Л.Л. Мехришвили. Тюмень, 2022. С. 529-531.
2. Зарипова А.Н., Елхова О.И. Онтологические основания свободы в цифровом мире. В сборнике: Гуманитаризация инженерного образования: методологические основы и практика - 2022. Материалы III Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Отв. редактор Л.Л. Мехришвили. Тюмень, 2022. С. 453-457.
3. Киссинджер Г. Мировой порядок пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова. – 2022 Москва: Издательство АСТ С.455.

МАТЯШОВА Д. О.

Санкт-Петербургский государственный университет, факультет
международных отношений, г. Санкт-Петербург, Россия

ГЕНЕАЛОГИЯ ПОНЯТИЯ «ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ» В КОНТЕКСТЕ РАСШИРЕНИЯ ПОНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО

В 1990-х гг., в период трансформации международных отношений как особой формы политического взаимодействия, а также во время продолжающейся дискуссии об их сущности в академическом и аналитическом дискурсе, сформировалось понятие «человеческой безопасности». В политическом дискурсе он прозвучал в Докладе ПРООН 1994 г. о развитии человеческого потенциала, где подразумевал защищённость от угроз, выходящих за рамки глобальных границ, системно негативно влияющих на индивидов как в развитых, так и в развивающихся странах, проистекающих не столько из конфликтов между государствами как таковых, сколько из провалов в ведении «низкой» (экономической и социальной политики). Несмотря на то, что в докладе подчёркивалась необходимость более подробной концептуализации и операционализации понятия, в описание «человеческой безопасности» были включены отдельные её факторы, ставшие в последствии ключевыми для конструирования и деконструирования термина. В частности, ПРООН выделила «защищённость работы», «гарантии дохода», «безопасность здоровья», «экологическую безопасность», «защищённость от постоянных угроз голода, болезней, преступности и репрессий» [1]. Позднее были выделены семь разделов «человеческой безопасности»: экономическая, продовольственная, экологическая, личная, политическая, безопасность сообществ и здоровья [2, с. 53].

В академическом дискурсе оформление понятия связывается с работой К. Буса 1991 г. "Security and Emancipation", в рамках которой, с одной

стороны, прогнозировался «исторический упадок» межгосударственных войн как форм насилия, с другой стороны, отмечалось сохранение вызова внутреннего насилия [3, с. 316] со стороны суверенного государства, которое в рамках данной логики из источника и гаранта безопасности превращается в фактор и источник угроз. Ещё одним источником, на основе которого было сформулировано понятие «человеческой безопасности», В. В. Митеева называет школу критических исследований в международных отношениях [4, с. 12], сосредоточенную на переосмыслении места государства и индивида и их взаимодействий. Выявленные связи указывают на то, что процесс формирования понятия «человеческой безопасности», несмотря на отмеченную Н. Тзифакисом важность для организаций и структурирования их деятельности [5, с. 353], не замыкался исключительно на дискурсе международной бюрократии.

Вместе с тем, всеобъемлющий характер понятия (а впоследствии - концепции) «человеческой безопасности», его широта, а также интенсивность дискуссии о международных отношениях в 1990е не позволяют рассматривать процесс его появления в контексте одной школы или проблемы, что обосновывает актуальность представленной работы. Другим источником её актуальности служит сам объект исследования – термин, появившийся в эпоху неопределённости и разрушения старой, биполярной системы международных отношений, что даёт возможности использовать выявленные особенности для анализа новых концепций в политических науках.

Цель исследования - выявить дискурсивные источники понятия «человеческой безопасности», которая к 2000м получила концептуальное оформление и заняла место альтернативы реалистским понятиям безопасности в международных отношениях. Ключевым методом, соответственно, является генеалогический, заимствованный у М. Фуко [6, с. 22], что позволяет рассматривать «человеческую безопасность» как концепт, конституированный и закреплённый в дискурсе со стороны ООН, однако сформировавшийся вне зависимости от её власти, в силу трансформации и взаимовлияния идей о безопасности. Новизну исследованию придаёт помещение «человеческой безопасности» в контекст политического как широкой абстракции, претерпевшей изменения в XX в.

На протяжении XX в. понятие политического расширялось, выходя за рамки государства как средоточия политики: так, если К. Шмитт, разделяя государственное и политическое, выделял конституирующую нормы и имеющего на это уникальное право суверена [7, с. 183], то К. Ханиш в эссе «Личное – это политическое» провозгласила конституирующим политическим субъектом (при этом конституирующим не прогрессивную альтернативу, а радикально новую норму) индивида, принимающего «личные решения», относящиеся к экономике и быту, но трансформирующие образ социальной группы, которую представляет индивид, и ткань общества [8].

В измерении международных отношений понятие политического претерпело схожие изменения. В силу тесной связи политического для международных отношений с государством для этого потребовалось две последовательные методологические и философские трансформации: синтез «нео-нео» и постмодернистский поворот. Первый касался исключительно международных отношений и подразумевал сближение двух конкурировавших парадигм: неолиберализма и неореализма. Оно произошло за счёт принятия неолиберализмом системного подхода в качестве методологической основы, что позволило сфокусироваться на общей картине, а не на взаимовлиянии отдельных акторов, и признания неореализмом значимости международного сотрудничества как системного фактора в международных отношениях, что позволило формулировать концепции безопасности, где весомыми факторами были бы кооперация или стремление к защите. Вторым был общим для социальных наук в целом и радикально расширял субъектность, «возвращая» её индивидам и их сообществам, объединённых дискурсивными практиками и разделяющими единый интерсубъективный опыт. Первая трансформация привела к акценту на взаимосвязанности и взаимозависимости факторов, формированию образа «глобального политического», в то время как вторая сделала объектами политического переживания и опыт отдельных индивидов, которые они готовы разделить с другими. Взаимосвязанность в терминах глобальных угроз, сотрудничество фокус на «низкой» политике как близкой каждому индивиду – краеугольные камни понятия «человеческой безопасности»

Расширение понятия политического и внутридисциплинарные трансформации оказали влияние на фундаментальные категории международных отношений, тесно связанные между собой – на суверенитет и безопасность. Безопасность как объект изучения определялась через противодействие угрозам, создаваемым акторами международных отношений, в то время как способность противодействовать угрозам изнутри и снаружи оставалась сущностным признаком суверенитета. С расширением трактовки акторности расширилось понимание угроз, в то время как с закреплением системного подхода в качестве методологической основы двух ведущих парадигм акценты были смещены на «первопричины» угроз (вызовы), которые стали синонимичной категорией. Это привело к новым трактовкам понятия безопасности и новым требованиям к обеспечению суверенитета.

Данные требования проявили себя во время формулирования категории «устойчивое развитие», концептуализированной в конце 1980х и окончательно закреплённой в дискурсе о глобальной политике и выстраивании её стратегического видения (за счёт оперирования данной категорией со стороны ООН, странами развитого мира и новыми ведущими экономиками) в 1990х. Видение устойчивого развития, предложенное и продвинутое комиссией Брундтланд, было более экономически ориентированным, нежели определённым в терминах власти и защищённости

от вооружённой агрессии. Об этом свидетельствуют как фокус на «новой эре экономического роста» на основе «политики... оптимального использования и расширения базы природных ресурсов», которая должна была стать итогом реализации концепции устойчивого развития, так и само определение последнего через доступность ресурсов для будущих поколений [9]. В данном случае политика понималась как последовательный курс рационального использования тех или иных ресурсов, доступных актору. Это шло вразрез с восприятием политического как конфликтного, связанного с конкуренцией и противостоянием «иному» как экзистенциальной угрозе, однако совпадало с восприятием власти как неотъемлемого и неотчуждаемого ресурса, присущего акторам международных отношений, который необходимо использовать для гармонизации последних.

Экзистенциальной угрозой в рамках категории устойчивого развития становились последствия нерационального использования природных и людских (экономических) ресурсов. В контексте прежних понятий политического их можно было связать с безопасностью через способность государства обеспечивать «благое управление» как одну из предпосылок для внутренней легитимности и реализации внутреннего суверенитета, не связанную с защитой национальную - или блоковую, в рамках союзов - безопасности. Однако фокус на «взаимозависимых кризисах», на международной ответственности акторов за достижение устойчивого развития, на общности ресурсов Земли позволили приоритизировать на международном уровне проблемы, которые в рамках прежних категорий относились к внутренней политике. Внешний суверенитет был «дополнен» за счёт обоснования тесной взаимосвязи с внутренним на уровне предпосылок к осуществлению последнего.

Устойчивое развитие и «человеческая безопасность» напрямую связаны: авторы доклада ПРООН о развитии человеческого потенциала отмечали добавочность термина «человеческой безопасности» по отношению к устойчивому развитию [1] и необходимость его концептуализировать и детализировать для достижения устойчивости.

Наконец, появление термина «человеческая безопасность» было тесно связано с восприятием ценности суверенитета как, с одной стороны, ясной политической категории, значимой для теоретизирования международных отношений, с другой стороны, как института и принципа, гарантирующего субъектность и обосновывающего право на неё отдельных сообществ. В силу опоры на расширенное понимание политического и на концепцию устойчивого развития термин «человеческой безопасности» продолжал задавать новые стандарты суверенитета, связывая его внешние характеристики с гарантиями его внутренних черт в единый конгломерат и, соответственно, повышая требования к суверенным акторам. Это спровоцировало негативное восприятие термина «человеческая безопасность» как подрывающего субъектность государств, образовавшихся в результате деколонизации [10, с. 10], видевших в суверенитете источник

своей независимости и способности выстраивать собственное видение политического и политики безопасности. В силу своей идентичности они не воспринимали власть – как политическую, так и экономическую – как нечто безусловно данное и неотчуждаемое, что противоречило исходным предпосылкам формирования категории. В конечном итоге это привело к формулированию концепции, в которой акцент делался на непротиворечии независимости государств и кооперации в сферах, где возможно выделить общие проблемы. Это ознаменовало «возвращение» суверенитета в «человеческую безопасность» и продемонстрировало потенциал для сужения понимания политического в международных отношениях.

Таким образом, понятие «человеческой безопасности» стало возможным благодаря расширению более фундаментальной для социальных наук категории политического. Новая категория политического, закрепляемая в рамках постмодернистского поворота, воздействовала на дискурс внутри международных отношений, в то время как межпарадигмальная дискуссия внутри них («синтез нео-нео») создавала для её использования методологические предпосылки. Это запустило расширение фундаментальной для международных отношений категории безопасности и переопределение суверенитета, попытка операционализировать которое отразилась в концепции устойчивого развития. Тем не менее, неготовность части субъектов международных отношений принять данное переопределение привело к изменению самого понятия «человеческой безопасности».

Список использованной литературы:

1. Human Development Report 1994 // UNDP URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr1994encompletenostatspdf.pdf> (дата обращения: 9.01.2023).
2. Соловьёв Э.Г. Гуманитарное измерение «мягкой силы»: «человеческая безопасность» во внешней политике РФ // *Международная жизнь*. 2011, № 8. С. 47–60.
3. Booth K. Security and Emancipation // *Review of International Studies*. 1991, №4 (17). С. 313-326.
4. Митева В. В. Общее и особенное в концепции человеческой безопасности // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2010, № 4. С. 12-15.
5. Tzifakis N Problematizing human security: a general contextual conceptual approach // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2011, №4 (11). С. 353-368.
6. Самылов О. В. Генеалогический метод М. Фуко и перспективы исторического познания // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*. 2013, № 2. С. 21-29.

7. Шмитт, К. Понятие политического // Социология власти. 2011, № 8. С. 173-190.
8. Кэрол Ханиш. "Личное - это политическое" // Московская феминистская группа URL: <https://www.sites.google.com/site/moscowfeministgroup/kerol-hanis-licnoe---eto-politiceskoe-> (дата обращения: 9.01.2023).
9. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития // Организация Объединённых Наций URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 9.01.2023).
10. Tadjbakhsh S., Chenoy A. Human Security: Concepts and implications. 1 изд. London: Routledge, 2007. 288 с.

МОРОЗ Е.Н., ЧЕРНЯЕВ А.М.

ФКОУ ВО Владимирский юридический институт ФСИН России,
г. Владимир, Российская Федерация

АБСЕНТЕИЗМ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Для поддержания стабильности и эффективного развития любому государству требуется обеспечить важнейшее качество власти – ее легитимность. Речь идёт о доверии граждан руководству страны, народном признании и поддержке политической системы.

Вывод о легитимности власти можно сделать по политической активности граждан, проявляющейся в различных формах политического участия, прежде всего, на выборах.

Выборы в узком смысле представляют собой процедуру избрания какого-либо лица на определенную должность с помощью открытого или тайного голосования, а в широком смысле – способ волеизъявления граждан, их участие в общественно-политической сфере жизни.

В Российской Федерации выборы проводятся на основании конституционных принципов, таких как приоритет человеческих прав и свобод, народовластие, политический плюрализм (принцип многопартийности), всеобщность и равенство. Указанные принципы актуальны и для других форм политического участия. При этом обязательная реализация принципа всеобщности позволяет считать сформированную систему власти легитимной.

Таким образом, одной из критических угроз для любой системы государственного управления является абсентеизм. «В основе абсентеизма лежит усталость от политики. Как закономерный итог, граждане стремятся максимально дистанцироваться от политической сферы, в том числе от выборных процессов» [2, с. 152].

Для России особенно в текущих геополитических условиях легитимность власти, народная поддержка являются важнейшим условием

выживания государства и сохранения суверенитета. Однако в последние годы статистика политической активности складывается в рамках негативных трендов. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2021 году политическая активность граждан России снизилась до минимального с 2004 года значения [3].

Трудно переоценить разрушительный эффект политического абсентеизма в молодежной среде. Молодежь, которая всегда являлась прогрессивной движущей силой всего населения, демонстрирует равнодушное отношение к выборам, к политической жизни в целом. Нежелание молодого поколения участвовать в политических процессах, отчуждение от властных институтов приобретает форму опасной тенденции.

Бездействие и равнодушие молодежи к реализации таких основополагающих политических прав и свобод, как, например, право выбора, право на участие в управлении делами государства, право избирать и быть избранными в 16 % случаев связано с уверенностью в том, что участие ничего не изменит, а 15 % граждан вообще не испытывают никакого интереса к политике [3]. Хотя ВЦИОМ и указывает на снижения данных показателей, они все равно являются проявлением недоверия к власти. То есть можно сказать, что власть в глазах молодого поколения является недостаточно легитимной. Снижение числа активных избирателей может привести к дискредитации всей выборной системы и дальнейшей утрате легитимности государством.

Среди основных причин политического абсентеизма среди молодежи можно выделить неграмотность, неспособность разобраться в политической жизни. Данную причину приводит член молодежной избирательной комиссии Тулы Дмитрий Балябкин. Он считает, что молодежь обладает «низкой политической и правовой грамотностью» [5]. Пожалуй, отчасти с этим можно согласиться. Однако этому можно найти объяснение. В силу того, что просвещение молодого поколения в данной сфере не носит обязательный характер, информация о политических движениях, процедурах имеет сложный и непонятный терминологический состав, тяжело делать выбор, шаг, чтобы стать участником отношений между государством и населением. На телевидении и в сети интернет есть огромное количество выступлений, программ, статей, однако лица, осуществляющие писательскую и ораторскую деятельность, выражаются с помощью понятийного аппарата, характерного для данной области, который является не всегда понятным для неподготовленного человека.

Следующая причина вытекает из предыдущей. Отсутствие достаточной заинтересованности в политических процессах. Из-за того, что молодежи не разъясняется значение данной социальной сферы, у них отсутствует желание участвовать в этой, на их взгляд, консервативной области жизни. Молодежь считает, что не разбирается в политической системе и, исходя из этого, не способна сделать правильный выбор. Отсюда возникает мысль о том, что

избирательный процесс существует для лиц другой возрастной категории, более опытных и разбирающихся граждан.

Не выдерживает критики эффективность предвыборной агитаций и работы с молодежью. Зачастую кандидаты представляют однотипные программы, не раскрывая конкретных действий по улучшению жизни страны и ее субъектов. Кандидаты, публикуя документ, повествуют о том, чаще всего, что, по сути, и хотят получить граждане (то население, которое активно участвует в выборах), либо же называют проблемные, по их мнению, направления деятельности, в которых они планируют работать. Однако, современная молодежь требует конкретики. Им не хватает детализации деятельности людей, в пользу которых требуется сделать выбор. Зачастую постеры, листовки, видеоролики, в которых звучат призывы отдать голос за определенную личность, не содержат попутных комментариев, почему именно на нее молодые избиратели должны возложить ответственность за все население страны.

Здесь же стоит обратить внимание на недостаточную работу государства в областях, где молодежное присутствие наиболее высоко. Речь идет о площадках в сети интернет и, прежде всего, о социальных сетях. В.А. Якушенко отмечает слабость государственного присутствия в социальных сетях и отсутствие человека или структуры, которые могли бы оказывать достаточное влияние на аудиторию, формировать прогосударственное настроение [6, с. 278].

В качестве еще одной причины абсентеизма назовем неявный характер политических перспектив и высокий порог входа в политику. Молодежи очень сложно попасть в политическую сферу общественной жизни в силу возраста, отсутствия опыта и многих других причин, которые являются препятствием для входа в данную систему. Возможно, молодое поколение должно прочувствовать, понять ее изнутри с помощью молодежных политических институтов, чтобы делать осознанный выбор. В качестве примеров работы с молодым поколением можно привести пионерскую и комсомольскую организации. Именно они помогали сформировать не просто личность, а полноценного гражданина, способного участвовать в политической жизни и обладающего политической волей и активной гражданской позицией.

Отнюдь не последней по своему значению причиной политического абсентеизма молодежи является спокойная внутриполитическая ситуация. Примечательно, что этот фактор выделяют именно представители молодежной среды. Так, характеризуя данную причину абсентеизма, В.А. Казакова утверждает, что «молодые люди не видят необходимости менять что-либо в сложившемся укладе жизни, и в тоже время не рассматривают политическую деятельность в качестве значимой для себя» [1]. Пусть эта точка зрения прозвучала в 2011 году, нельзя сказать, что ситуация сильно изменилась за последнее время. Культура потребления, навязанные консьюмеристские ценности «душат» политическую волю молодых людей,

«приземляют» потребности и заменяют желание управлять своей жизнью и строить собственное будущее сиюминутными благами и стремлением к быстрому обогащению, не требующему затрат труда, вложения сил и работы над собой и окружением.

Здесь существует парадоксальная ситуация, поскольку абсентеизму может способствовать как спокойная внутрисполитическая ситуация, так и постоянная нестабильность внутри государства. Об этом говорит Ю.А. Курочкина, утверждая, что «наличие абсентеизма у российской молодежи связано с нестабильностью социально-политической обстановки внутри страны. Причин для этого много: коррупция во всех ветвях власти; отсутствие рабочих мест; низкий уровень пенсий, пособий, заработных плат; высокие размеры платежей за ЖКХ и многое другое. Это все создает у молодежи ощущение безысходности, безвыходности и подрывает доверие к избирательным процессам и выдвигаемым кандидатам» [4].

Таким образом, очевидно, что для выработки активной гражданской позиции молодежь с одной стороны должна осознавать стоящие перед обществом и государством проблемные вопросы, а с другой стороны – видеть реальные пути их решения и иметь возможности и ресурсы для движения в соответствующем направлении.

Закономерно актуальным остается вопрос противодействия низкой политической активности. Абсентеизм является негативным и опасным явлением, но его устранение не может быть достигнуто путем принудительных мер таких, как обязательная явка на выборы, увольнение молодых сотрудников, отказывающихся участвовать в политических процессах, склонение молодежи к определенным кандидатам путем давления и угроз и так далее. Универсального, единственно верного ответа не существует. Необходим комплекс мер в различных направлениях.

Во-первых, работу с молодежью начинать нужно с самого раннего возраста способом политпросвещения в учебных заведениях. Но не только таким способом, как общеразвивающие дисциплины, а еще и современными мерами интерактивного характера, как например, различными играми, конкурсами, мероприятиями, в которых будут принимать участие личности, имеющие практический опыт политической деятельности. Молодежь нужно заинтересовать, а не привлечь насильственным способом – это важно. Молодое поколение нужно приобщать к политической жизни с помощью ознакомления с терминами, понятиями сферы, характеристикой политических институтов, анализа реальных политических примеров.

Необходимо возрождать и на федеральном, региональном и местном уровне поддерживать работу молодежных организаций, занимающихся политической интеграцией. Также следует организовывать молодежные центры, в которых будут проводиться политические тренинги и семинары с участием компетентных в различных политических и социально-экономических областях специалистов, где будут рассматриваться наиболее важные и актуальные вопросы современной повестки. Можно привлекать

молодежь к выборам внутри этих организаций, предлагать им для решения задачи политического характера в рамках муниципалитета, региона. То есть предложения и обращения граждан молодого возраста должны рассматриваться, анализироваться и получать экспертную оценку. Таким образом, познание политической системы, погружение в активную гражданскую деятельность заинтересует молодое поколение, разбудит желание принимать участие в выборе судьбы своего региона или даже страны.

Работу по политической социализации молодежи необходимо проводить последовательно во взаимодействии гражданского общества и политических институтов. Преодоление абсентеизма должно достигаться не только через вовлечение в решение государственных и муниципальных административно-управленческих задач, но и через стимулирование желания каждого молодого человека активно влиять на свою судьбу и судьбу своей страны, через формирование осознания собственной принадлежности к государству, Родине, через развитие ценности гражданственности и ответственности вместо потребительства и безразличного гедонизма.

Абсентеизм – сложное явление, для борьбы с которым необходимо четко понимать его конкретные исторические и социально-политические причины, принимать своевременные, эффективные меры по их устранению, отвечая на актуальные вопросы молодежной политической повестки.

Список использованной литературы:

1. Абсентеизм в молодежной среде [Электронный ресурс] URL: https://infourok.ru/absenteizm_v_molodezhnoy_srede-490712.htm (Дата обращения: 09.01.2023).
2. Баранчиков О. Абсентеизм как предмет научно-теоретического анализа (Часть 1) / О. Баранчиков, О. С. Городнина // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). – 2017. – № 2(2). – С. 151-161.
3. ВЦИОМ увидел снижение политической активности до минимума за 17 лет — РБК [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/08/2021/61052d699a7947d73c58f35b> (Дата обращения: 09.01.2023).
4. Курочкина Ю.А. Политический абсентеизм российской молодежи // Вестник молодежной науки. – 2019. – №3 (20). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-absenteizm-rossiyskoy-molodezhi/viewer> (дата обращения: 09.01.2023).
5. Политический абсентеизм в молодёжной среде: перспективы и тенденции [Электронный ресурс] URL: <http://www.rfsv.ru/law/informirovanie/politicheskii-absenteizm-v-molodiozhnoi-srede-perspektivy-i-tendentsii> (Дата обращения: 09.01.2023).
6. Якушенко В. А. Социальные сети как инструмент политического влияния / В. А. Якушенко // Российское общество и государство на

современном этапе : сборник научных трудов, Владимир, 25–29 апреля 2022 года. – Владимир: Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – С. 275-279.

РЫБАКОВ А.А.

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ВЛАСТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ В СССР

Национальный вопрос на протяжении всей человеческой истории является краеугольным камнем в вопросе построения мирного взаимовыгодного сосуществования между различными группами людей. Проблемы, которые столетиями перерастали в крупные геополитические конфликты и в наше время сохраняют свою актуальность, не находя унифицированных решений.

Союз Советских Социалистических Республик провозгласил одной из своих самых главных ценностей «дружбу народов» [7, с.28]. Несмотря на взгляды о первичности классовой составляющей в формировании новой ступени эволюции общества, большевики видели национальные элементы, как важный элемент для перехода на новый этап человеческой истории.

Национальная политика велась под непосредственным контролем советской власти и отражало общий идеологический курс той эпохи. Партийные органы наравне с государственными играли весомую роль в оформлении государственной национальной политики во многом опережая решения исполнительных и законодательных органов власти, а зачастую и формируя государственную политику в целом. Важнейшим элементом в решении национального вопроса стали органы региональной власти, а также региональные партийные отделения.

В дальнейшем власть Советов также ограничивалась диктатом Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. И если по Конституции 1924 года роль партии в управлении страны не упоминалась (по факту декларируя некий плюрализм и многопартийность), то уже в сталинской Конституции 1936 года в статье 126, главы X, посвященной основным правам и обязанностям граждан, ВКП (б) отводилась роль «...передового отряда трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющего руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных» [2, с.13].

1930е годы стали временем стабилизации государственного аппарата и перехода к новому этапу в жизни страны – индустриализации. Во многом время острого кризиса, угрожающего существованию единой страны, к началу нового десятилетия прошло. Основной задачей руководства СССР стало форсированное развитие всех сфер общества и формирование через

них новой наднациональной идентичности – советского человека. Данный исторический этап идеологически оказал глобальное влияние на характеристику советского солдата перед лицом внешней угрозы во время Великой Отечественной войны.

Структура ВКП(б) во многом была сопоставима с парламентскими советскими структурами. Также существовали съезды, между которыми роль отводилась к выборным исполнительным органам (Секретариат ВКП(б)). Партийные съезды играли решающую роль в жизни страны. Именно на них определялся курс, которым будет идти страна и происходило принятие плана так называемых «пятилеток».

Партийные решения прямо затрагивали национальный вопрос на местах, и советская модель выражения демократии становилась ширмой, отдаляющей идеологическую составляющую на второй план, но в то же время сильно завися от неё.

Несмотря на то, что практическая реализация модернизации системы образования в национальных автономиях и районах строилась во многом исходя из рациональных предпосылок, базирующихся на явном отставании большей части представителей национальных меньшинств от русского населения смежных территорий в вопросах той же грамотности, колоссальное влияние на ведение всей образовательной политики на местах оказывала идеология. Продолжилась борьба с классовыми врагами, «великодержавным шовинизмом», религиозными и реакционно-бытовыми пережитками. Отдельно выделяется вопрос местного национализма и правого оппортунизма, выделение которых в отдельную категорию и проведение черт с общей политикой коренизации носит весьма противоречивый характер по мнению ряда исследователей.

Во многом показательным является 1932 год, ставший последним годом первой пятилетки. 25 августа 1931 года было принято постановление ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе, послужившее основой для всей дальнейшей политики в сфере образования в районах, в том числе имеющих национальные особенности [6, с.59]. Было начато развертывание семилетнего всеобщего обучения, поэтапное укрепление начального образования и усиление борьбы с неграмотностью. Данное решение было выстроено исходя из ошибок и напротив на основе достижений, достигнутых за период прошедшей пятилетки с 1928 по 1932 год.

Для проведения обучения на родном языке потребовалось ускоренное обучение национальных педагогических кадров.

Среднее профессиональное образование в национальных и смешанных районах к концу первой пятилетки было представлено педагогическими техникумами, советскими партийными школами, профильными техникумом. Все перечисленные образовательные учреждения являлись национальными, т.е. обучение по большинству предметов велось на языках национальных меньшинств.

Главной сложностью на начало 1930х годов по введению всеобщего образования для национальных меньшинств стало отсутствие профильной литературы и соответствующих учебников на родном языке [3, с.159].

Следует так же отметить влияние общегосударственной политики на культурно-просветительскую работу, а также тенденции времени. 1930е можно с уверенностью назвать эпохой индустриализации нашей страны. Для этого эволюционного скачка общества необходимо было организовать обучение кадров с самых ранних ступеней. Виден явный вектор в сторону углубления изучения политехнических специальностей.

Подавляющее большинство школ 1 ступени, школ крестьянской молодёжи и фабрично-заводских семилеток были прикреплены к предприятиям, совхозам, колхозам. В большинстве образовательных учреждений были созданы рабочие комнаты и мастерские. Также были сформированы образцовые школы 1 ступени и школы повышенного типа, которые получили дополнительное оборудование.

В начале 1930х началась массовая политехническая переподготовка педкадров, в том числе из числа нацмен [1, с.49]. Часть из них прошла дополнительную производственную практику, позволяющую вести диалог с учениками не только с теоретической точки зрения, но и с практической.

Начало активно участвовать в жизни школ родительское сообщество, проявляя признаки советизации социума.

Национальные школы, исходя из того, что ранее образованию нацменов не уделялось должного внимания, в основном строили свои программы заново, по новым принципам современных моделей обучения. Учебе стало уделяться больше внимания, как одной из самых важных сфер жизни советского человека.

С меньшими успехами вводилось в жизнь национальных меньшинств дошкольное образование [5, с.189]. Изначально более консервативные и закрытые сообщества нацменов с меньшей охотой отдавали детей младшего возраста в детские сады и на детплощадки. Во многом это связано и с ролью женщины в семьях, которым отводилась роль хранительницы очага. Представительницы национальных меньшинств явно с не столь сильной инициативой, по сравнению с русскими семьями, начинали выходить из тени мужа и более активно участвовать в жизни общества.

Центрами притяжения и получения дополнительного уровня просвещения в среде национальных меньшинств стали избы-читальни и библиотеки. На конце первой пятилетки заметно выросло число заведений данного типа.

Модным явлением общегосударственного уровня, начиная с 1920х годов стало повсеместное внедрение латинского алфавита среди татарского населения [4, с.42].

1930е стали периодом отхода от экспериментальной и радикальной политики в сфере национального вопроса и во многом заложили основу для формирования «советской» идентичности, во многом сформированной на

основе русской культуры. Политика коренизации сложно оценивается современными исследователями, имея в своей истории явные перегибы в угоду идеологии и противоречащие практике. В то же время, роль данного явления в отечественной истории нельзя преуменьшать. Во многом благодаря ему в эпоху индустриализации национальная идентичность малых народов была сохранена и не поглощена более крупными соседями.

Список использованной литературы:

1. Занаев С.З. Осуществление политехнического образования в советской школе в 1930-е годы // Отечественная и зарубежная педагогика, № 3 (30), 2016, С. 45-53.
2. Левашко В.О. Конституция 1936 года: тенденции гражданственности, патриотизма и тоталитаризма // Царскосельские чтения, № XVII, 2013, С. 12-20.
3. Панин Е.В., Зозуля О.А. Обучение национальных меньшинств в национальных отделениях общих вузов советской России (1920-1930-е годы) // Лесной вестник / Forestry bulletin, № 4, 2015, С. 158-162.
4. Сальникова А.А., Галиуллина Д.М. «Считая вопрос разрешённым»: латинизация тюркских алфавитов и татарский национальный букварь конца 1920-х – 1930-е гг. // Проблемы современного образования, № 5, 2012, С. 39-56.
5. Солодова В.В. Решение проблем в области образования у национальных меньшинств (1917 конец 30-х гг. XX в.) // Известия Алтайского государственного университета, № 4-5, 2008, С. 187-190.
6. Шваб М.М. Реформы в системе школьного образования СССР в 30-е гг. Хх в. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, № 5-6, 2016, С. 58-60.
7. Яковенко И.Г. Нерушимая дружба советских народов: создание, бытование и деконструкция одного советского мифа // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология, № 8-1, 2019, С. 27-39.

СМБАТЯН Е.А., ЧЕРНЯЕВ А.М.

ФКОУ ВО Владимирский юридический институт ФСИН России,
г. Владимир, Российская Федерация

О СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ

«В кибернетическую эру личность всё больше и больше подвержена манипуляции. Работа, потребление, досуг человека манипулируется с помощью рекламы и идеологий Человек утрачивает свою активную, ответственную роль в социальном процессе, становится полностью «отрегулированным» и обучается тому, что любое поведение, действие, мысль или чувство, которое не укладывается в общий план, создаёт ему

большие неудобства», – говорил великий мыслитель XX века Эрих Фромм [2, с. 79]. Политическое влияние всегда находится в центре внимания государства и общества. Сейчас эта тема особенно актуальна. При помощи активного применения технологий информационной и когнитивной войны люди подвергаются страху, панике, депрессии даже не осознавая, что попали под целенаправленное влияние.

Политическое влияние – это совокупность различных информационно-коммуникативных средств, вырабатывающих у человека устойчивые социально-политические представления и понимания и побуждающие его к той или иной политической деятельности. Специфика манипулирования заключается в его скрытой форме. Это неявное управление людьми с целью побуждения их к действиям в интересах манипуляторов. Например, в виде смешной картинки, информационного видеоролика, фильмов, видеоклипов и т.д. Всегда ли манипуляции имеют лишь негативный характер? Как говорил А. Цуладзе: «Манипуляции бывают необходимы и полезны. Однако где та грань, за которой заканчивается полезное действие манипуляций?» [5, с. 144]. Для ответа на эти вопросы необходимо более детально разобрать понятие «политическое влияние», о чём, собственно, сейчас и пойдёт речь.

Для любой манипуляции характерна скрытность, особый механизм действия, иллюзийность, психологическое воздействие и даже давление с целью формирования особых убеждений и изменения мировоззрения. Успешный результат манипуляции зависит от веры манипулируемого в естественное и неизбежное протекание определенных событий. То есть, необходима фальшивая, искусственная действительность, в которой не будет ощущаться присутствие чужого влияния. Но не стоит путать обман и манипуляции. Например, заведомо ложный ответ на прямо заданный вопрос с целью избегания наступления определенных последствий – это обман. А манипуляцией будут считаться такие действия, которые приведут к ненаступлению ситуации постановки самого вопроса.

Вернёмся к политическому манипулированию. Оно предполагает целенаправленное, последовательное управление массовым сознанием (а также поведением), использующее преимущественно иррациональное восприятие людьми действительности, одним из инструментов которого является внушение. Цель политического манипулирование – власть: её получение, реализация и сохранение. Примером могут послужить выборы в различные органы власти и местного самоуправления. Кандидаты активно и охотно рассказывают о своих положительных качествах, организовывают различные акции, встречи, оказывают разного рода поддержку населения. Всё это направлено на формирование положительного мнения об избираемом человеке, что, в свою очередь, побуждает делать выбор в его сторону. В такой ситуации, избиратели – манипулируемые, а избираемые – манипуляторы. Кандидат должен предугадать социальные ожидания и реакцию от своего образа, действий и программы, чтобы не только привлечь внимание, но и удержать его.

Таким же способом манипуляции является политический фрейминг, то есть определение политической ситуации через конкретные речевые конструкции, что непосредственно формирует политические ориентации населения, представления, ценности и идеи. Цель такой стратегии заключается «во включении некоторой области значений в политическое сознание объекта политического воздействия и усилении восприимчивости к этим и другим семантически близким значениям» [4, с. 69]. Это воспроизводится в жизнь через красивую интерпретацию какой-либо информации. Например, преподнести положения закона в виде мер безопасности, а не мер ограничения. Для этого необходимо осуществить отбор конкретных значений, правильно сформулировать их и привести их в форму политического повествования. То есть, основная функция фрейминга заключается в актуализации какой-либо темы, привлечении внимания масс к ней, способствуя замене значений и фокусируя тем самым внимание общественности на тех смыслах, которые необходимы манипулятору. Эта технология сопровождается не только акцентированием внимания на одних фактах, но и умалчиванием других, негативно влияющих на перспективы достижения манипулятором своих целей. Фрейминг является неотъемлемой частью современной информационной повестки.

Все средства политического манипулирования предполагают создание социальных мифов – принимаемым на веру обществом идей, утверждающих интересы манипуляторов, без их достаточного осмысления. Казалось бы, время, когда человек слепо верил в мифы давно прошло, однако со временем мифы лишь приобретают разный вид и смысл и ежедневная картина мира это доказывает. Новые политические мифы создаются по точному шаблону в соответствии с психологией как отдельной личности, так и всего общества. Всё это лишает человека способности самостоятельно представить достоверную картину мира и заменяет её на абстрактным пазлом, где каждая часть – отдельные тенденциозно связанные мифы, факты и стереотипы. Очень красиво высказался по этому поводу Э. Кассирер: «Если современный человек больше не верит в натуральную магию, то он, без сомнения, исповедует некий сорт «магии социальной»» [3, с. 58-65].

Стоит также отметить, что политическое манипулирование имеет место не только при получении общественного признания в период выборов и других легитимных политических процессов, но и во время конфликтов и катаклизмов. Не всегда политическое манипулирование ограничено границами конкретного государства. В условиях проведения специальной военной операции мир утонул в различных социальных мифах, новых стереотипах и дезинформации. Мирное население государств так или иначе причастных к конфликту подвергается агрессивному информационному воздействию, цель которого – провоцирование взаимной неприязни граждан этих государств, ненависти и отторжения с одной стороны, а также патриотических устремлений на грани с агрессивным национализмом с другой.

Создаются и успешно ведут деятельность специальные подразделения по проведению манипулятивных операций на информационном поле. Существуют многочисленные примеры их работы в виде фейковых рассылок как широкому кругу лиц, так и адресованные узкому кругу потенциальных читателей. Зачастую, фальшивость таких сообщений может быть установлена даже неискушенным получателем. Однако в ситуации длительного психоэмоционального напряжения граждан, вызванного затяжным политическим кризисом, человек не всегда способен найти в себе силы отразить подобный информационный удар. В своём телеграм-канале военный корреспондент **Андрей Медведев** обращает внимание на грубый и бесхитростный характер некоторых манипулятивных приемов, отмечая, что они напоминают «детские страшилки про отравленные конфеты. Но именно такие, самые примитивные истории больше всего воздействуют на впечатлительных людей. ... сейчас ... информация накладывается на ситуацию. ... психика части наших граждан слишком чувствительна. Поэтому именно сейчас специалисты по информационной войне начинают разгонять панические настроения. Накрученные, истеричные люди будут видеть вражьего агента в любом встречном. Реальная бдительность будет, конечно же, притуплена» [1].

Наряду с применяемыми в течение уже достаточно продолжительного времени технологиями информационных манипуляций и диверсий, такими как массовые сообщения о минировании гражданских объектов, можно выделить относительно новые приёмы психологического воздействия, сформировавшиеся в интернете, например: мимикрия и консолидация.

Мимикрия – это своего рода маска, скрывающая истинные намерения и цели человека, желание и даже стремление быть незаметным, чтобы отвлечь внимание объекта манипуляции от определенных фактов и обстоятельств или наоборот привлечь его положительному для манипулятора явлению или процессу. В качестве способа реализации такой технологии в сети используются:

замена символики в профилях манипулятора на атрибуты, характеризующие на принадлежность к одной с объектом манипуляции социальной группе;

заведомо ложное указание на географическое или социальное происхождение манипулятора;

острая критика политических или социально-экономических решений государства с позиции социальной группы, к которой принадлежит объект манипуляции, на площадках и ресурсах в сети интернет. Отметим, что манипулятор часто раскрывает себя, «вбрасывая» такую информацию при обсуждении тем, никак не связанных с содержанием манипулятивного комментария. Например, попытки критиковать принятие нового закона в процессе обсуждения содержания художественного фильма будут явно говорить о манипулятивном воздействии, целью которого является провокация конфликта, разжигание неприязни, а в конечном счете –

дискретизация общества, разделение его на небольшие общности, легко поддающиеся управлению.

Консолидация – это поиск людей, способных заниматься определенным родом деятельности, постановка перед ними конкретной задачи, а также поиск ресурсов для распространения информации (телеграм-каналы, чаты, паблики, отдельные посты). Она необходима для блокировки негодных манипуляторов ресурсов через инструментарий массовых жалоб или неодобрения («дизлайков»), а также занижение рейтингов и показов одних материалов и продвижения других.

Консолидация и мимикрия в интернете выступают современными инструментами политического фреминга, с помощью которых в обществе формируется необходимая парадигма сознания, уничтожаются одни и продвигаются другие идеи.

Парадоксом современных политических манипуляций является то, что зачастую манипуляторы не скрывают своих технологий. Так экс-главой разведки США Дэвидом Шеддом в журнале «Politico» был опубликован план «психологической войны против России». Офицер разведки США уделяет внимание двум аспектам: национальной и этнической розни и патриотизму. Суть вот в чём. Россия – многонациональная страна, умещающая на своей территории более 190 народов, в том числе группы этнических меньшинств. Используя это, народам страны внушается, что они постоянно подвергаются дискриминации, тем самым разжигаются конфликты внутри страны на национальной почве. «Например, Москва лишила главу российской Республики Татарстан его титула президента региона, который стремился к независимости еще в 1990-х годах. Вашингтон должен убедиться, что каждый татарин в России знает, что он потерял, и поощрять их бороться за свои права» [6], – пишет Шедд.

Отметим, что история знает массу примеров успешной реализации технологии политического разобщения единого народа на основе националистических настроений, начиная от всем известного «divide et impera» (разделяй и властвуй) и вплоть до государств Европы XX-XXI веков, в том числе СССР.

Другим рычагом воздействия мог бы стать патриотизм. Казалось бы, как его можно использовать против его носителей? Технология заключается в убеждении граждан в том, что те или иные решения и действия государства унижают величие страны как внутри нее, так и за рубежом. Предполагается, что такое информационное воздействие подняло бы дух народа и позволило манипулятору сыграть на желании вернуть былое величие.

В вопросе успешности политического манипулирования решающее значение имеет не только содержание информации, но и инструментарий, с помощью которого она распространяется. В современном мире человек вынужден с той или иной степенью успешности развивать навыки ориентирования в информационном потоке, выделяя из всего массива правдивую информацию. Однако для каждого человека существуют

источники, которым он доверяют безоговорочно. Поэтому субъекты политических процессов, осуществляющие манипулятивное воздействие, стремятся подчинить эти источники, чтобы через них распространять информацию. Это и приобретение (либо назначение лояльного руководства) средств массовой информации, и спонсирование деятельности лидеров общественного мнения, а также методы откровенного и скрытого шантажа лиц, имеющих определенный авторитет в социальной группе или обществе в целом.

Среди технологий политического манипулирования выделяются методы противодействия мерам по защите граждан от манипулятивного влияния. Так, например, манипуляторы способствуют распространения VPN-сервисов на случай блокировки лояльных к ним источников.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что в современном мире политическое манипулирование является мощнейшим оружием в битве за политическую лояльность граждан. В деятельность по распространению нужной манипуляторам информации вкладываются средства, сравнимые по объему с бюджетом небольшого государства. Из-за постоянного информационного давления меняется не только правосознание, точки зрения и взгляды, но и характер мышления, когда человек не только не замечает, но и не задумывается о том, что кто-то уже давно за него подумал и решил. Имеет место появление и распространение новых стереотипов, программных общественных установок и даже норм морали. В этих условиях для каждого человека очень важно быть всегда начеку, критически относиться к поступающей информации. Рассеянное внимание – отличная почва для деятельности манипуляторов, так как если человек невнимателен, он не подвергает глубокому анализу проходящую через него информацию, например, при фрейминге. Важно быть предельно внимательным к источникам, реквизитам и сохранять трезвость в оценке достоверность тех или иных данных.

Список использованной литературы:

1. Медведев А.А. Авторский новостной материал // Телеграм-канал [Электронный ресурс] URL: <https://t.me/medvedevvesti/11261> (дата обращения 12.12.2022).
2. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Изд-во: Эксмо, 2005. 832 с.
3. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1990. № 2. С. 58-65 [Электронный ресурс] URL: <http://read.virmk.ru/k/Kassirer.htm> (дата обращения 15.12.2022).
4. Лопатин С.В. Политический фрейминг как стратегия манипулирования политическим сознанием // Дискурс Пи. 2019. № 1 (34). С. 68-76
5. Цуладзе А. Большая манипулятивная игра. – М.: Алгоритм, 2000. 328 с.

6. Шедд Д. Waging Psychological War Against Russia / David R. Shedd. Ivana Stradner // Журнал «Politico» [Электронный ресурс] URL: <https://www.politico.com/news/magazine/2022/09/07/waging-psychological-war-against-russia-00054995> (дата обращения 19.12.2022).

СОТНИКОВ Я.С.

Национальный исследовательский томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВА В АНТИЧНОСТИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Тезис нашей статьи заключается в рассмотрении античного идеала политического устройства и демонстрации его изменения в современном мире с точностью до наоборот.

Попытки создать модель идеального государства и попытки описать, как это общество будет функционировать, предпринималась издревле. Для европейской цивилизации самым значимым интеллектуальным источником является Платон и Аристотель.

Платон описывает модель идеального государства в одноименном трактате. Модель строится вокруг центральной фигуры царя – философа, которого Платон называет лучшим правителем среди прочего. Платон приводит градацию лучших форм правления. Наилучшей формой является монархия и/или аристократия. Отличительным свойством правящих людей является следование добродетели и определённый набор этих самых добродетелей. К ним относятся: мудрость, мужество, рассудительность, справедливость. Отсюда можно вывести суть фигуры философа. В идеальном государстве Платона философы – это старцы, правители, выходцы из сословия стражей, которые, в свою очередь, являются защитниками государства, обладающими отсутствием страха и добродетелью. В государстве, также, находятся и другие страты, но они менее значительны для общества, однако, по необходимости, они также нужны. К ним можно отнести земледельцев и ремесленников. К торговцам Платон относится скептически и недолюбливает их. Фигура царя тем значима, что он не только обладает полным набором добродетелей, но и вследствие этого набора, он также обладает всеобщим знанием, позволяющим ему принимать решение. Если описывать фигуру царя через платоновскую пещеру, то царь - такое

лицо, которое знает истину и сравним, похоже, разве что с богом или полубогом, о чем потом будет говорить Аристотель.

К менее совершенным (по убыванию) относятся такие формы правления как тимократия, олигархия, демократия, тирания. Тимократия - негативная форма правления вследствие перехода власти меньшинства не согласно добродетели, а вследствие родственных связей и имущества. Тимократию сменяет олигархия, где превалирует личный интерес и стремление к богатству, а не к общей выгоде, вследствие чего достойнейшие граждане не принимают участие в управлении, а правящие люди - это невежественные, вышедшие из низов, энергичные, но не имеющие моральных устоев, разбогатевшие, алчные деятели. Демократия, являясь чуть лучше тирании, основана на правлении бедного меньшинства, у которого нет добродетелей, а сам народ есть завистливая масса, дорвавшаяся до власти, будучи невеждами в делах управления государством. Худшая форма правления - это тирания, поскольку тиран от природы глуп, лишен добродетели и истины, такой человек является деспотом и все его устремления направлены на подавление лучших граждан, которые угрожают его власти.

Сам же Платон говорит о том, что общество, описанное в «Государстве», является идеальным и недостижимым, но к нему должно стремиться. В своей поздней работе «Законы» Платон описывает наилучшее общество, похожее на идеальное, и которое достижимо. Резкое переосмысление происходит, касаясь фигуры тирана, очень сильно похожего на царя. О тиране он пишет следующее: «Дайте мне государство с тираническим строем. Пусть тиран будет молод, внимателен, способен к учению, мужествен и от природы великодушен; пусть, кроме того, душа этого тирана обладает теми свойствами, которые, как мы сказали раньше, сопровождают каждую из частей добродетели. Только тогда от остальных его свойств будет польза». [2, с. 159-160] Фигурой, которая направит молодого тирана, является мудрый советник философ. В этом есть отличие тирана от царя – царю не нужен советник, они лишь ему мешают. [2, с. 11] Тиран, обладающий набором добродетелей, при наставлении философа может стать той фигурой, которая должна привести общество к идеальному состоянию. В современных понятиях тирана можно было бы назвать автократом, вследствие чрезмерного сосредоточения власти в одних руках

Фигура тирана, таким образом, начинает переосмысливаться и, являясь худшей формой правления, за счет сосредоточения власти и обладания добродетелей, такой законодатель способен построить лучшее государство и преобразовывать общество, несомненно, быстрее, чем все прочие, пусть даже собрание людей будет состоять из лучших. Следовательно, правильный автократ - это благо.

Также стоит упомянуть, что Платон не является сторонником милитаристских идей, а армия нужна лишь для защиты от нападения, а в

дальнейшем - для устранения угрозы государству. Само же государство должно быть изолированным от других государств.

Ученик Платона Аристотель хоть и критикует Платона, однако, в общем плане их модели идеального государства крайне похожи друг на друга. Для Аристотеля государство представляет собой политическое общение людей ради общей выгоды. [1, с. 35] Цель государства есть стремление к счастью. [1, с. 108] Счастье созвучно добродетели. [1, с. 234] Очень важно указать, что обязательным и полезным для государства является наличие раба и господина, причем рабу полезно подчиняться своему господину. Гражданин, будучи свободным человеком, принимающим участие в собраниях и судебных делах [1, с. 90], способен не только властвовать как господин над рабом, но при этом, умеет подчиняться равным себе, т.е. другим гражданам. [1, с. 117] Само собой гражданин обладает аналогичным набором добродетелей, как это было у Платона. [1, с. 100]

Идеальное государство Аристотеля есть полития – наилучшая форма правления, вбирающая лучшее из других форм правления, где большинство правит ради общей выгоды. [1, с. 103] Аристотель выделяет следующие формы правления в паре лучшее-худшее. Царская власть – тирания (власть для одного). Аристократия – олигархия (власть для состоятельных граждан). Полития – демократия (соблюдает интересы неимущих). Все достоинства и недостатки формы правления аналогичны воззрениям Платона. Полития сочетает в себе принцип участия большинства как в демократии, где это большинство обладает добродетелями сродни аристократским, они же являются лучшими и достойными. Сам Аристотель говорит, что полития скорее созвучна аристократии. [1, с. 145] При этом все прочие формы правления, включая правильные, являются отклонением от идеальной политики. [1, с. 143] Можно заключить, что средний вид (в смысле никомаховой этики) государства является наилучшим. [1, с. 149]

В отличие от своего учителя, Аристотель остается верен общему мнению касательно тирана, где тиран, по определению, не может быть хорошим [1, с. 188-196]. Гораздо более предпочтителен вариант лучшего большинства, В этом состоит также отличие. Платон выдвигает царя в качестве идеала, Аристотель выдвигает в качестве идеала добродетельное большинство. Правда, стоит также отметить, что оба философа выдвигают монархию и аристократию как один из наиболее предпочтительных вариантов. Что также примечательно, торговцы, в идеале, не должны присутствовать в идеальном обществе.

Интересный с точки зрения противопоставления государства и общества является взгляд на идеал Цицерона. Государство определяется следующим образом: «государство есть достояние народа, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов». [5 с. 20] Главное, на чем следует сосредоточиться, так это на общности интересов. Общность интересов есть

Res publica – общее дело. Личная прямая выгода составляет основу для политического взаимоотношения среди равных. Право создается при непосредственном участии, в то время как государство - путем законодательства и администрирования - распространяет или навязывает правовые отношения. Следовательно, понятие государства, в привычном для нас понимании, следует отделить от понятия республики, где возможна любая форма правления, будь то монархическая, аристократическая или олигархическая.

Исторически понятие идеального государства, а также понятие государства и государственности, постепенно менялись. Начиная с начала 18 века место идеальной формы правления стала занимать республика, а в дальнейшем - демократия.

Значение республики поменялось в период просвещения, где значительную роль для смены смысла слова предпринял Шарль Луи де Монтескье. С этого момента республика стала мыслиться не как противопоставление государству, а как альтернативная форма правления, противостоящая монархии. Монтескье усматривал в привлечении к управлению более широких слоев населения благо для государства, поскольку это является более справедливым и возможностью привлечь более лучших людей, чем нынешняя аристократия, которая лишь пользуется своими привилегиями.

Иммануил Кант поддерживает философов просвещения. В своем трактате «К вечному миру» Кант предлагает модель всеобщего космополитического мира, впрочем, состоящего из набора суверенных государств, существующих на принципах федерализма и международного права. [4, с. 212-216] Для этого гражданское общество должно быть республиканским. [4, с. 209] Причем Кант разводит республику и демократию, Республика покоится на принципе свободы, зависимости всех (и подданных) от общего законодательства, проистекает от единственного всеобщего договора. [4, с. 210] Республиканизм есть государственный принцип отделения исполнительной власти от законодательной.

Демократии же присущ деспотизм. Деспотизм — принцип самовластного исполнения государством законов, данных им же самим, тем самым публичная воля выступает в качестве частной воли правителя. Из трех форм государства демократия, в собственном смысле слова, неизбежно есть деспотизм, так как она устанавливает такую исполнительную власть, при которой все решают по поводу одного и, во всяком случае, против одного (который, таким образом, не согласен); следовательно, все, которые не являются всеми, а это представляет собой противоречие всеобщей воли с самой собой и со свободой. [4, с. 211]. Также, Кант как и Аристотель указывает на то, что демократия есть сбор людей, невежественных, которые все хотят быть господами, и никто не хочет подчиняться. [4, с. 211-212]

Резкий поворот в сторону демократии происходит во время революции в Америке. Томас Пэйн выдвигает следующую критику монархической

формы правления: монархия и государство, в некотором смысле одно и то же, есть карающая инстанция, которая душит человека, по природе свободное. [3, с. 21-26] В естественном природном состоянии все люди равны. [3, с. 29-30] Государство исторически возникло не в силу какой-либо договоренности, а вследствие победы самого сильного бандита [3, с. 30-33], поэтому и правовых отношений между монархом и его подданными быть не должно, зато граждане и их правительство есть пример справедливого права и волеизъявления. [3, с. 22-23] Правительство возникает вследствие неспособности добродетели управлять миром. [3, с. 23] Вследствие того что природу монархии составляет насилие, государь есть тиран. Поэтому альтернативой является республика или республиканские формы правления, построенные на принципе избранности избирателей (граждан). [3, с. 21-24] Для граждан бывшей колонии изгнать гнет тирана в лице монарха Великобритании суть здравый смысл. [3, с. 34-57]

Революция в США, а затем во Франции подвергло европейское общество демократизации, например, кодекс Наполеона, который вводился в оккупированных странах. Дальнейшая волна демократизации продолжилась в 19 и 20 веке. Постепенно идеальной формой правления стала «молодая» республиканская форма правления, основанная на демократии и отождествляемая с ней же. Монархии оказались не нужными и неэффективными. Единственная возможность существования монархии была связана с ее ограниченностью вплоть до выполнения ритуальных функций. Идеалом стал образ западной либеральной демократии. Поскольку фигура монарха как царя добродетельного, обладающего истиной и т.д. более не релевантна, то единственный, кто по своей природе близок к царю, это тиран как худшее лицо. В тоже время наиболее желательный это просвещённый автократ, слушающий советам своего советника. И в том и в другом случае такая форма власти одного воспринимается как дурное и не соответствующее цивилизованному обществу. Автократ, даже если он лучший, достойный и успешный, все же не может претендовать на обладание сакральности царя.

К либеральной демократии относится следующий набор характеристик: плюрализм, свобода печати, совести, собрания, гарантия и исполнение априорных прав человека, разделение властей, свободная торговля, широкий и *обеспеченный средний класс*, равенство перед законом, функционирующее гражданское общество, не вмешательство государства в экономику и обеспечение социальной защиты населения.

Развитое гражданское общество, в основе имеющее широкий средний класс, по совместительству обеспеченный, похож на лучших граждан в политике Платона. Демократия, первоначально, ассоциировавшаяся с бедностью, более таковой не является и наоборот, все остальные формы правления, не демократические, скорее представляются бедными, нежели богатыми. Идеал демократии схож с состоянием просвещенного субъекта у Канта, правда, в действительности, ко всей совокупности выборщиков этот идеал не применим, Вследствие всеобщего избирательного права, выбирать

могут все, но не факт, что большая часть из них (условие и пригодность демократии для политики) является добродетельной. Хотя список добродетелей может меняться, важно, чтобы он был присущ выборщику. Вследствие представительности демократии, выборщик не участвует в формировании общего дела, в понимании Цицерона. Выборщик, как актер, ограничен в участии управления общества, делегируя полномочие решать кому-то другому, следовательно, выборщик не участвует в общем деле, как это было приведено у Цицерона.

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод, что лучшая форма правления сейчас есть худшая форма в прошлом. То же верно и для худшей формы правления. В результате, если мы будем рассматривать с точки зрения античности, то можем отметить, что две худших формы правления конкурирует друг с другом за звание наилучшей формы правления.

Список использованной литературы:

1. Аристотель. Политика. Афинская политика // Москва, Мысль, 1997. С. 5-271.
2. Платон. Законы, Послезаконие, Письма // СПб, Наука 2014. С. 5-408.
3. Пэйн. Т. Избранные сочинения // Академия наук СССР Москва, 1959. С. 21 – 65.
4. Трактаты о вечном мире // СПб, Алетейя 2003. С. 205-242.
5. Цицерон - Диалоги. О государстве. О законах // Москва, Наука, 1966. С. 224.

СУРОВЕГИНА Е.С.

Нижегородский педагогический университет им. К. Минина,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ И ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ А.Н. КОСЫГИНА

В настоящее время в исторической науке существуют разнообразные подходы и трактовки, касающиеся экономических преобразований середины 1960-х годов. Эти нововведения получили название: «Экономическая реформа А.Н. Косыгина». Однако, в историографии почти не рассматривается вопрос о том, какое значение данная реформа оказала на развитие регионов СССР (в частности Горьковской области). Так, исследуемая тема является актуальной. С учетом актуальности вопроса автором были поставлены следующие задачи: во-первых, проанализировать основные идеи, цели и направления реформы А.Н. Косыгина, сформулированные в докладе «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». Во-вторых,

рассмотреть основные механизмы реализации реформы на примере промышленности Горьковской области. В-третьих, выяснить, какое значение данная реформа оказала на развитие промышленности Горьковской области.

К концу 1950-х годов в экономике СССР наблюдались трудности, связанные с негативным влиянием административных методов управления, которые не были решены в период хрущевских преобразований - шел общий спад темпов развития экономики. Так, по сравнению с предыдущей пятилеткой рост национального дохода составил 5,7%, чего не хватало для решения основных социально-экономических задач в стране [7, с. 212]. Данные тенденции отчетливо прослеживаются и в развитии промышленности Горьковской области. На «предприятиях Горьковской области снижалась фондоотдача: к началу 1966 г. промышленно-производственные основные фонды выросли по сравнению с 1953 г. почти в 2 раза, а выпуск продуктов на одну тысячу рублей промышленно-производственных основных фондов снизился с 2171 до 2094 рублей и составил к 1953 г. 96,5% (хотя ставилась задача значительно повысить фондоотдачу)» [7, с. 212]. Таким образом, в середине 1960-х годов в СССР четко сформировалась потребность в проведении экономических преобразований.

В документы, которые определили положения реформы, было заложено два основных направления развития: в сторону усиления центральных органов и в сторону развития инициативы предприятий. 27 сентября 1965 г. на Пленуме ЦК КПСС председатель Совета Министров СССР, А.Н. Косыгин, выступил с докладом «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» [2, с. 440-445].

Первым направлением реформы, исходя из материалов доклада, стало:

1. Ускорение темпов экономического роста;
2. Увеличение эффективности экономики;
3. Повышение жизненного уровня населения.

Основной идеей реформы стало использование не только традиционных административных методов управления, но и применение экономических стимулов. Сама реформа должна была развиваться по трём направлениям:

1. Повышение научного уровня государственного планирования экономики;
2. Расширение хозяйственной самостоятельности и инициативы предприятий, объединений;
3. Усиление экономического стимулирования производства.

Общая цель улучшения планирования была сформулирована следующим образом: «Народнохозяйственные планы должны учитывать перспективы научно-технического прогресса, предусматривать быстрые темпы внедрения и освоения новейших достижений науки и техники, основываться на реальных и объективных расчетах» [2, с. 441].

Другим принципиально важным направлением реформы было расширение хозяйственной самостоятельности предприятий, в связи с чем в продолжение развития партийных установок сентябрьского Пленума 4

октября 1965 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» [5]. Согласно указанному постановлению из 30 плановых показателей спускавшихся на предприятие вышестоящими органами, осталось 9.

Для реализации реформы было выбрано два экспериментальных предприятия «Большевичка» в Москве, и фабрика «Маяк» в г. Горький специализирующаяся на пошиве и оптовой реализации женской одежды. Отныне предприятие само составляло план производства исходя из заказов магазинов, что привело к увеличению выпуска новых моделей почти в два раза и к их быстрой реализации. Уже по итогам III квартала 1965 г. во всесоюзном соревновании объединению присудили первое место и знамя ЦК профсоюзов легкой промышленности [7, с. 213].

В выступлении второго секретаря Горьковского обкома КПСС В.А. Тихомирова на III пленуме обкома КПСС отмечалось, что к июлю 1966 г. «...только на наиболее крупных предприятиях области хозрасчетными являлись более 1600 производственных участков и около 1200 бригад и смен. На автозаводе лишь за январь 1966 г. экономия от деятельности хозрасчетных бригад составила 107 тыс. рублей» [7, с. 214]. К 1967 году на новую систему хозяйственного расчета перешли многие предприятия, как в самом Горьком, так и в области («Двигатель революции», «Оргсинтез», «Теплоход», завод им. В.И. Ленина, Павловский автобусный и др.) [7, с. 214].

Для успешной реализации таких задач как рентабельность, самоокупаемость и прибыльность необходимо было внедрять механизмы экономического стимулирования рабочих коллективов. Значимым моментом в реализации подобных методов стало Постановление Совмина СССР от 04.10.1965 N 731 «Об утверждении Положения о социалистическом государственном производственном предприятии», согласно которому предприятия получили право оставлять часть прибыли с целью формирования фондов материального поощрения трудовых коллективов, право распоряжаться эти фондами, формировать свою структуру и штаты, распределять построенное жилье [6].

Новшеством экономического стимулирования рабочих коллективов стало получение премий или так называемых «тринадцатых зарплат», при выплате которых учитывался вклад работника в производство, а также его стаж. Еще одним механизмом стимулирования стали фонды социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, за счет которого строилось жилье, детские сады, школы, санатории.

В период с 1966 по 1970 гг. наблюдался рост основных показателей развития народного хозяйства.

Таблица 1

(основные показатели развития народного хозяйства в г. Горьком, в процентном соотношении к 1965 г.).

Показатели	1966 г.	1970 г.
Валовая продукция промышленности	109	154

Темпы роста производительности труда в промышленности	107	140
Темпы роста промышленно-производственных фондов	108	148

Как видно из данных таблицы №1 показатели городских промышленных предприятий иллюстрируют положительную динамику. Валовая продукция в процентном соотношении к 1965 г. возросла в 1,4 раза, темпы роста производительности труда увеличились в 1,3 раза, прирост промышленно-производственных фондов - в 1,3 раза.

Для повышения производительности труда в эти годы, помимо широкого внедрения новых технологий, активно популяризировался опыт изобретателей и рационализаторов. На предприятиях внедрялись заводские ячейки Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов» (ВОИР) [8], в обязанности которого входило обеспечение роста производительности труда, а также внедрение в народное хозяйство избирательских и рационализаторских предложений [3, с. 19-29].

Таблица 2.

(показатели изобретательской и рационализаторской деятельности в народном хозяйстве)

Показатели	Ед.	1960 г.	1965 г.	1970 г.
Число авторов, подавших предложения	Тыс.	66,9	67,9	78,8
Количество использованных в производстве изобретений и рационализаторских предложений	Тыс.	74,8	62,9	67,6
Затраты на изобретательство и рационализацию	Млн. руб.	2,7	2,9	4,0
Сумма экономии от использования изобретений и рационализаторских предложений в расчете год.	Млн. руб.	35,1	36,2	51,9

Из данных таблицы, отчетливо видна положительная динамика. За восьмую пятилетку экономический эффект от внедрения избирательских и рационализаторских предложений вырос практически в 1,5 раза [3, с. 19-29].

В годы пятилетки наблюдается значительный прирост ввода в действие новых детских дошкольных учреждений, а также санаториев круглосуточного пребывания (для взрослых и детей).

Таблица 2.

(ввод в эксплуатацию образовательных учреждений, санаториев и домов отдыха)

Показатели	1960 г.	1965 г.	1970 г.

Детские сады и ясли	764	984	1164
Санатории и дома отдыха	26	29	31

В целом за годы восьмой пятилетки прибыль в народном хозяйстве области увеличилась в 1,8 раз. Выросла социальная база предприятий. Введено в действие 7169,7 кв. м общей площади жилых домов [1]. В результате внедрения рационализаторского подхода, методов экономического стимулирования, заводами города было сконструировано более 500 новых видов машин, приборов и различного рода оборудования, свыше 400 автоматических и полуавтоматических поточных и конвейерных линий [7, с. 214].

Экономическая реформа А.Н. Косыгина - важный этап в экономической истории СССР значение, которого не до конца оценено отечественной исторической наукой. Изучение опыта ее реализации, механизмов внедрения на местном материале крупных промышленных центров страны позволит выявить особенности воплощения реформы от идеи к практике, влияние на нее местных условий. Более детальное и пристальное изучение механизмов реализации реформы позволило выявить наиболее значимые факторы, повлиявшие на развитие промышленности в Горьковской области. Анализ темпов роста промышленности показал в целом соответствие общесоюзной тенденции[4], повысилась эффективность труда, произошел прирост промышленно-производственных фондов, выросли показатели валовой продукции промышленности, улучшилась социальная база.

Список используемой литературы:

1. Гордин А.А., Дорожнова И.Л., Сухонина Ю.В. Завод Красный Якорь: 120 лет истории. – Нижний Новгород: Кварц, 2018. 288 с.
2. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1998-1986). Т. 10. 1961–1965. – 9-е изд. доп. и испр. – М.: Политиздат, 1986. 493 с.
3. Народное хозяйство Горьковской обл. за пятилетку (1966-70). Статистический сборник. – Горький: Статистика, 1971. 211 с.
4. Народное хозяйство СССР в 1974 г. (Статистический ежегодник) [Электронный ресурс] // Исторические Материалы. Режим доступа: https://istmat.org/files/uploads/18354/narhoz_sssr_1974_promyshlennost.pdf (дата обращения: 24.01.2023).
5. О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства от 4 октября 1965 г. N 729 . [Электронный ресурс] // Государственный архив Российской Федерации. Режим доступа: <https://kosygin.rusarchives.ru/postanovlenie-soveta-ministrov-sssr-no-729-o-sovershenstvovanii-planirovaniya-i-usilenii> (дата обращения: 23.04.2023).

6. Об утверждении Положения о социалистическом государственном производственном предприятии от 4 октября 1965 № 731 [Электронный ресурс] // КонтурНорматив. Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=46907> (дата обращения: 24.01.2023).

7. Серебрянская Г.В., Горева А.М. Экономическая политика и развитие промышленного региона // Общество и власть. Российская провинция. Том 5. 1965-1985 г. / Сост. А.А. Кулаков, В.В. Смирнов, Л.П. Колодникова. – Москва: Институт Российской истории РАН, 2008. С. 214.

8. Центральный совет Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов [Электронный ресурс] // Путеводитель по российским архивам. Режим доступа: <https://guides.rusarchives.ru/funds/6/vsesoyuznye-obshchestva-izobretateley-i-racionalizatorov-voir-obedinenny-fond-1930-1938> (дата обращения: 25.01.2023).

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Акулова Ангелина Юрьевна, курсант юридического факультета, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», г. Владимир, Российская Федерация. Научный руководитель: **Черняев Алексей Михайлович**, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», г. Владимир, Российская Федерация, E-mail: a.m.chernyaev@yandex.ru

Арутюнян Каринэ Сергеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии и права, Рязанский государственный радиотехнический университет им В.Ф. Уткина, г. Рязань, Российская Федерация, E-mail: carindop@yandex.ru

Балаклеец Наталья Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет, Российская Федерация, г. Самара, E-mail: bnatalja@mail.ru

Берендеев Вадим Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-политических коммуникаций Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: weiss-tiger@yandex.ru

Бугаевская Наталья Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности, ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», г. Тула, Российская Федерация, E-mail: bugaevskaja.natalia@yandex.ru

Бырков Серафим Игоревич, магистрант кафедры истории зарубежной философии, МГУ им. М.В. Ломоносова, философский факультет, г. Москва, Российская Федерация, E-mail: SerByrkov@yandex.ru

Голубчиков Юрий Николаевич, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры рекреационной географии и туризма, географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, E-mail: golubchikov@list.ru

Дуплинская Юлия Михайловна, доктор философских наук, доцент кафедры философии, социологии, культурологии, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., г. Саратов, Российская

Федерация, E-mail: duplinskayay@mail.ru

Егорова Татьяна Игоревна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии и организации профилактики преступлений, ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», г. Рязань, Российская Федерация, E-mail: madanti62@yandex.ru

Ефимова Светлана Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: Volinova@list.ru

Зубкевич Лада Альбертовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: lada-zubk@rambler.ru

Зубкевич Анна Александровна, главный специалист отдела АТК департамента региональной безопасности Нижегородской области, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: zubkanna@gmail.com

Киселев Владимир Владиславович, соискатель кафедры отраслевой и прикладной социологии, ФГАОУ ВО Национальный Исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород Российская Федерация, E-mail: vladimir_vek@mail.ru

Ковшов Евгений Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Медицинский Университет «Реавиз», г. Самара, Российская Федерация, E-mail: kovshovem@rambler.ru

Колобова Светлана Викторовна, аспирант кафедры общей, социальной психологии и истории психологии, АНО ВО «Московский гуманитарный университет», г. Москва, Российская Федерация, E-mail: prgaga@mail.ru

Комова Екатерина Борисовна, курсант юридического факультета, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», г. Владимир, Российская Федерация. Научный руководитель: **Черняев Алексей Михайлович**, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», г. Владимир, Российская Федерация, E-mail: a.m.chernyaev@yandex.ru.

Константинов Дмитрий Владимирович, кандидат философских наук, доцент кафедры общественных и гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет физической культуры и спорта», г. Омск,

Российская Федерация, E-mail: konstantinov@sibgufk.ru

Кочетков Игорь Иванович, кандидат экономических наук, доцент кафедры истории, философии, педагогики и психологии, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, E-mail: igokochetkov@yandex.ru

Кудряшев Александр Федорович, доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», г. Уфа, Российская Федерация, E-mail: philozof@mail.ru

Лапина Валентина Семёновна, кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии, педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: paradigm2021@mail.ru

Лечкина Евгения Валерьевна, магистрант, кафедра философии и культурологии, Уфимский университет науки и технологий, E-mail: l.levgeniya@mail.ru

Лойко Александр Иванович, профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой «Философские учения», Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Республика Беларусь, E-mail: alexander.loiko@tut.by

Лойко Лариса Егоровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и идеологической работы, Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь, E-mail: larisa.loiko@tut.by

Матяшова Дарья Олеговна, аспирант кафедры мировой политики факультета международных отношений, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, E-mail: dasham0708@mail.ru

Мороз Елизавета Николаевна, курсант юридического факультета, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», г. Владимир, Российская Федерация. Научный руководитель: **Черняев Алексей Михайлович**, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», г. Владимир, Российская Федерация, E-mail: a.m.chernyaev@yandex.ru.

Петев Николай Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры

философии и религиоведения, Владимирский государственный университет «имени А.Г. и Н.Г. Столетовых», г. Владимир, Российская Федерация, E-mail: cyanideemo@mail.ru

Прохоров Михаил Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: mmpro@mail.ru

Рыбаков Артём Андреевич, аспирант кафедры истории, философии, педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: temta96@yandex.ru

Савинов Александр Борисович, кандидат биологических наук, доцент кафедры экологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: sabcor@mail.ru

Сарасов Евгений Александрович, кандидат политических наук, специалист службы коммуникаций, ООО «ЧТЗ-УРАЛТРАК», Россия, г. Челябинск, Российская Федерация, E-mail: esarassov@yandex.ru

Смбатян Евгения Артаковна, курсант юридического факультета, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», г. Владимир, Российская Федерация. Научный руководитель: **Черняев Алексей Михайлович**, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», г. Владимир, Российская Федерация, E-mail: a.m.chernyaev@yandex.ru.

Сотников Ярослав Сергеевич, магистрант кафедры онтологии, теории познания и социальной философии, Национальный исследовательский томский государственный университет, г. Томск Российская Федерация, E-mail: yaroslav-sotnikov@inbox.ru

Суровегина Екатерина Сергеевна, старший преподаватель, аспирант, кафедра истории России и ВИД, Нижегородский Государственный Педагогический Университет имени Козьмы Минина, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: ekaterina.surovegina@mail.ru

Турсунов Фаррух Акбарович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории, Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск, Российская Федерация, E-mail: Farrukh.tursunov@inbox.ru

Фатенков Алексей Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: fatenkov@fsn.unn.ru

Федорова Жанна Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и медиакоммуникаций, ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет», г. Казань, Российская Федерация, E-mail: Fedorova_zhanna_v@mail.ru

Черняев Алексей Михайлович, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», г. Владимир, Российская Федерация, E-mail: a.m.chernyaev@yandex.ru.

Шамин Игорь Валерьевич, доктор политических наук, доцент кафедры мировой дипломатии и международного права, Институт международных отношений и мировой истории, ФГАОУ ВО Национальный Исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород Российская Федерация, E-mail: shamin_64@mail.ru

Научное издание

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ФИЛОСОФИИ:
ПОЛИТИКА МЕЖДУ АПОЛОГИЕЙ И КРИТИКОЙ
(К 2300-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ АРИСТОТЕЛЯ)

Сборник статей
по материалам XVIII Международной научной конференции
18 января 2023 г.

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет
603950, Нижний Новгород, ул. Ильинская, 65
<http://www.nngasu.ru>, srec@nngasu.ru